

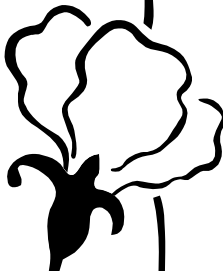
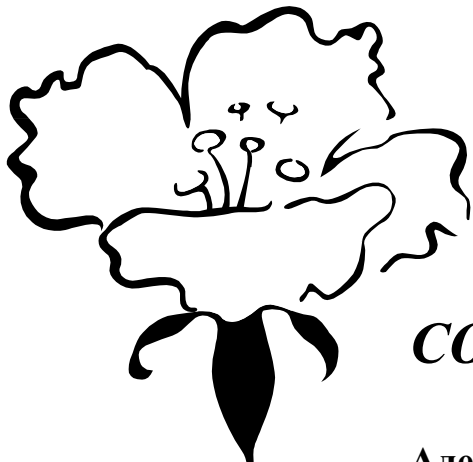
№ 5`

Сентябрь 1998 Г.

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

Алексей Мильков
УДАЧИ БОЛЬШОГО МЕГАПОЛИСА
(НФ повесть, рассказы)

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей МИЛЬКОВ

УДАЧИ БОЛЬШОГО МЕГАПОЛИСА

(Комментарий Игоря Терновского) (НФ повесть) 1 стр.

КАК Я ПОВЕРИЛ В НАРОДНУЮ МЕДИЦИНУ

(НФ рассказ) 37 стр.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

(НФ рассказ) 40 стр.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

СМЕЮ ВАС УВЕРИТЬ, ЧИТАЙТЕ ФАНТАСТИКУ

(Отдельные мысли о фантастике) 44 стр.

Алексей МИЛЬКОВ

ЛОВЛЮ НА СЛОВЕ

(Реплика) 46 стр.

ПЕРСОНАЛИИ

48 стр.

Фото из армейского периода (1972 – 1974 гг.) Алексея Милькова

**Литературно-критический журнал
“Ухта литературная”**

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков тел. 1-74-91

Игорь Терновский 6-12-46

Павел Корюгин 1-07-82

Отпечатано при содействии
“Газпромбанк”

Управляющий Кирушев В.В.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

ПО КАКОМУ СЦЕНАРИЮ ПОЙДЕТ БУДУЩЕЕ ?

После Станислава Лема, Стругацких, Гаррисона, Саймака и иже с ними, имя им легион, казалось бы, копилка фантастических сюжетов истощена. Однако творчество Алексея Милькова показывает, что кое-какие возможности у пишущих в этом жанре остались. Во всяком случае, я, как не последний знаток фантастической литературы, не могу припомнить, чтобы в основе интриги лежало состязание между роботами за право существования с целью продолжения рода. Правда, это не чисто технические устройства, а биороботы – среднее между человеком и механизмом, которые во всем подобны людям. В принципе, уже сегодня известковые кости можно заменить титановыми, сердце – на обычный насос, легкие – на усовершенствованные меха, которыми раздували самовары. Таковы герои повести Алексея Милькова “Амазонки 28-го века”. Уже все заменили, остался без изменений только желудок и герои подпитываются гамбургерами и хот-догами, а половая функция отошла за ненадобностью. Родильные дома перепрофилировались и стали называться репродукционными центрами, в которых разбирают биороботов на части и тиражируют их супер органы для других роботов, усиливая этим популяцию.

По сути, очень интересный взгляд в будущее. Автор заглянул на много веков вперед. Возможно, оно таким и будет. Мы на пороге того, что в конституции впервые будут зафиксированы законы, закрепляющие и не ущемляющие права роботов. То, что предсказывает Мильков, может осуществиться в единственном случае, когда наш закон “человек человеку друг, товарищ, брат” подвергнется скрещиванию с законами роботехники, сформулированными впервые известным американским писателем Айзеком Азимовым:

Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред;

Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону;

Робот должен заботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

В повести главная трансформация общества произошла по линии законодательной. История знает много поучительных примеров, когда новый закон приводил к нежелательным и даже плачевным последствиям. И конституционно развитие общества пошло по такой схеме. Так в законе “робот не может нанести вред человеку”, как и в остальных, слово “человек” было изъято и заменено словом “робот”. Таким образом, как ворон ворону, стало “робот роботу глаз не выключет”. Но и этот закон беспощадно попирается во время гонок на выживание. Роботы действуют по закону сохранения рода или вида, доставшегося им в наследство от человека. Нет выше удовольствия, кроме “полового” в новом понимании, и допрежде спокойное общество преобразуется, шалее в глазах, стоит ему только заняться воспроизводством самих себя.

С признаками демократии, принявшей формы “каждому по возможностям” и “каждому по потребностям”, развитие общества, представленное автором в повести, пошло аналогичным путем, в котором не на жизнь, а на смерть “дать потомство” соревнуются в преодолении на марафонской дистанции роботы мужского пола. А женского, тоже соревнуясь, – препятствуют им и свирепо преследуют их, причем попавшего в руки беспощадных “биоженщин” “биомужчину” ждет незавидная участь – выключение из процесса воспроизводства. В этом насквозь биороботизированном обществе людей, к сожалению, вообще нет, и законы роботехники, сформулированные Айзеком Азимовым и перешедшие, можно сказать, в законы Милькова, грубо нарушаются.

Вера в то, что человечество радикально не изменится, основательно подточена основной мыслью повести А.Милькова. Вот разновидность будущего апокалипсиса для человечества, вариант сродни провозглашаемому постоянно Армагеддону.

Алексей МИЛЬКОВ

АМАЗОНКИ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО ВЕКА

(научно-фантастическая повесть)

ЭПИГРАФ

...Произошел исторический фарс: сначала люди в процессе эволюции переродились в биороботов, потом – процесс этот был неудержим – биороботы снова превратились в людей.

(из “Всемирной Истории”)

...2787 год. 21 августа. Москва. 172 этаж.

Марафон доступен всем.

Дух желаемого и несбыточного витал над городом. Каждый очередной день приближал важное событие и Гзинтра Подбельская, Малва Гурина, Акриф Бутульгейский и Редодя Ванин на себе испытывали, как по ним иногда волной от нетерпения пробежали непонятной приятности мурашки, но чаще ожидание выражалось ни с того ни с сего обильным потоотделением. Даже говорить не хотелось и молодые консультанты, работающие по мыслительным системам, экономили силы. Оставались последние часы, и сегодня надо было заявить о своем участии в Большом Марафоне.

В это утро комната в коммунальной квартире с ярусными кроватями и скромной мебелью бурлила как

обычно, несмотря на противоречивое настроение жильцов. Они торопились на работу. Девушки заслоняли перед собой зеркало, парни толкались возле холодильника и телевизора, по которому шел старинный фильм о амазонках.

Гзинтра с голубыми глазами и рыжими волосами была чуть крупнее Малвы с черными. Акриф, блондин с курчавыми волосами, значительно выделялся на фоне невзрачного Редоди.

Они не стеснялись ходить в легкой домашней одежде, а многочисленные заклёпки, выходящие на поверхность открытых частей их тел блестели, как начищенные пуговицы. Но обитатели комнаты были не трансформеры или металлисты или, не дай Бог, пирсингисты. В них замечалась одна особенность – они были на достаточно большой процент биороботы.

Повизгивающая работа сенсоров, синхронизаторов и спутников в подвижных частях тел никого не отвлекала и говорила, что скромность была естественна и жильцов ничуть не корбила. Вполне давалось объяснение, что это шведская семья.

Через десять минут жильцы в строгих корпоративных костюмах закрыли за собой дверь, влились в общий поток с другими биороботами и спустились в лифте на улицу.

Двадцать консультантов по мыслительным системам ходили по операционному залу и переключали многочисленные, огромные экраны, на которых, как живые, волновались сетки сложных голограмм.

Из множества консультантов выделились четверо – это Гзинтра Подбельская, Малва Гурина, Акриф Бутульгейский и Редодя Ванин. Случайно их линии обхода зала пересеклись. Редодя был задумчив как никогда.

– Завтра Большой Марафон, а у меня сомнения, – загородил он дорогу остальным. – Мы работаем и считаемся весьма неплохими специалистами. Так какого черта мы должны переться в неизвестность мрачного из мрачных городов-джунглей?

– Я прошла все тесты и могу заявить о своей полной готовности участвовать в Большом Марафоне, – возразила на это Малва.

Гзинтра тоже подтвердила свою боевитость,:

– Я характером обладаю мягким, – сказала она, – но если надо, постою за себя и выцарапаю глаза любому пошляку.

Акриф тоже был более чем оптимистичен.

– Мне сам Бог велел.

– Я телосложением по заключению специалистов – скорее репродуктивного среднего, чем репродуктивного высокого потенциала, – кисло стусевался Редодя.

Акриф тут же зашикал на него:

– Сразу в кусты, когда на всех остро давит первый закон природы – инстинкт продолжения рода, когда надо торопиться, когда ещё не исполнено наше земное предназначение, когда жизнь требует от нас результата.

Редодя упорно стоял на своем.

– Имея преимущество своего молодого настойчивого возраста, я всё же решил не участвовать в Большом Марафоне.

– А ты хорошо подумал? Он лишится зрелищности без таких, как ты. – Ирония Акрифа перелилась через край.

– Вместе, так вместе! – вскинула плечи и сжала кулаки Малва.

– Клянемся! – поддержала Гзинтра.

Редодя повернулся к Акрифу с возражением.

– Я не принадлежу к разряду мускулистых бравых молодцов с увесистыми в дендритных волосах кулаками, как ты. Вот кому не стыдно выходить на ринг, на ковёр, на помост, на татами, на Марафон. К тому же я страдаю явно выраженной одышкой.

– Жить, как прежде, нельзя! – одернула его Гзинтра.

– Несомненно, что я, вы – мои лучшие друзья, наши названные сестры, братья, тётки, дядьки уж как-нибудь да перебьемся в своих убогих квартирках жилых многоуровневых блоков-общежитий для семей среднего

достатка. – Редодя сказав это, увидел страх, брезгливость, крах надежд, недоверие в глазах друзей.

– Даже с противошоковыми таблетками и прививками от скученности, когда десять биороботов в одной комнате на ярусных кроватях – это уж слишком! – возразила на это Малва.

А Гзинтра иронично добавила:

– Вот так и существуют бок о бок девственники с девственницами по тысяче и более лет.

Акриф совсем не сомневался в своих возможностях.

– В любом случае вперед к цели! – бодро сказал он.

– Иначе нам навяжут еще одну очередную древнюю рассыпающуюся на части девицу-тетку на содержание. Смазывай потом её самым лучшим маслом и корми самой калорийной кашей!

– Редодя, – спокойно произнесла Малва, – ты хотя и мельче мужчин, но крупнее женщин, а это не последний побуждающий фактор.

Гзинтра взяла у Редоди теплую руку.

– Хоть лопни, хоть перегрызи себе сухожилия, но побеждай!

Малва взялась за другую руку.

– Мечта, которую не осуществил, будет глотать тебя постоянно.

Акриф еще раз напомнил:

– Для чего Марафон? Инстинкт продолжения рода. Ради него стоит дорого продать свою жизнь.

Редодя отряхнулся от сонма сомнений.

– Пусть чудовищной ценой покупается она. Большой Марафон – дело первостепенной важности и чести для меня, – наконец-то, согласился он.

Юноши и девушки пирамидкой под клацанье пальцев сложили ладони и на несколько секунд гордо замерли в едином порыве.

Возвращались Гзинтра, Малва, Акриф и Редодя с работы по главной улице и оказались в центре между двух манифестаций. Одна шла под лозунгом “Долой частицу “Био”!” Другая шла под лозунгом “Долой частицу “Робот”!” И с той и другой стороны разносились выкрики:

– Мы еще “Био”, а не “Роботы”!

– Мы совсем не “Био”, мы “Роботы”!

– Нет, мы далеко не “Био”, но и близко не “Роботы”!

– Слова “рождение” и “родители” изъять из обращения!

– Слова “родители” и “дети” заменить на “старые роботы” и “новые роботы”!

– Слово “рождение” заменить на “воспроизводство”!

Никогда не участвующие в политических баталиях Гзинтра, Малва, Акриф и Редодя собрались в стабилизационном центре и на тренажерах, вибраторах и массажерах до изнеможения начали повышать свой тонус.

Последняя проверка себя перед уходом из зала. Пульс, давление были в норме. Малва и Акриф перешли на определитель кондиций и опутались проводами.

Малва ткнула пальцем на клавишу “Мозг”. На табло высветилось “Био – 0%, робот – 100%”.

Акриф ткнул пальцем на клавишу “Печень”. На табло высветилось “Био – 0%, робот – 100%”.

Малва ткнула пальцем на клавишу “Сердце”. На табло высветилось “Био – 0%, робот – 100%”.

Акриф ткнул пальцем на клавишу “Легкие”. На табло высветилось “Био – 50%, робот – 50%”.

Малва ткнула пальцем на клавишу “Желудок”. На табло высветилось “Био – 57%, робот – 43%”.

– Я сегодня на 48% био и на 52% робот! Прогресс на 0,8%! – радостно возвестила она.

Недовольный Акриф подозвал друзей.

– Странно! Я сегодня только на 46% робот!

Редодя задумался.

– Может аппарат не работает?

Гзинтра возразила:

– Не замечала за ним такое.

Редодя поднес к аппарату механические часы. На табло высветилось “Био – 0%, робот – 100%”.

...2787 год. 22 августа. Москва. 172 этаж.

Утро началось с того, что население города было разбужено настойчивыми громкими звуками из динамиков, ворвавшимися в форточки:

– День Большого Марафона! День Большого Марафона! В городе Москве день Большого Марафона, тот самый день упоительных грандиозных перемен и великих свершений, оптимистических надежд и страшных ожиданий, олицетворяющий собой добропорядочные нравы мнительного третьего тысячелетия.

В мгновение комната превратилась в растревоженный муравейник. Расставание происходило трогательно.

– Счастья! – щебетала рыжая Гзинтра Подбельская и всё терлась щекой о щеку Малвы Гуриной.

– Успеха! – задумчиво ответила девушка, у которой от волнения блеснул лоб, а иссиня-чёрные глаза сверкали белками, и ее сердце еще больше стало отбивать барабанные дробы.

– Удачи всем нам и мне немножко! – болтал скороговоркой могучий в плечах Акриф Бутульгейский, важно обнимая проигрывающего в размерах Редодю Ванина.

– Плохого не желают, но чтобы Марафон закончился для тебя на первой же минуте фиаско! В хорошем понимании этого слова! Победой! – Редодя отупело смотрел на друга, вырывался из его цепких рук, бросая умоляющие взгляды о спасении на Малву, всегда симпатизирующей ему, как он ей.

И в самом деле, она разъединила мужчин и зло сказала Акрифу:

– Эй, побереги силы, они пригодятся тебе в Большом Марафоне.

Еще напоследок друзья-биороботы с кляцаньем ударили друг друга по ладоням.

И разошлись, каждый своей судьбоносной дорогой.

Редодя Ванин и Акриф Бутульгейский, как и остальные участники забега, лихо пробрались к линии старта.

Всё больше и больше биороботов подвергивалось на пути и в какой-то момент продвижение стало совсем затруднительно.

– Однако маленькая ошибка при решении правильного интеграла в оценке требуемого для этого времени стоит нам серьезных проблем, – остановился осмыслить ситуацию Редодя.

Акриф в подтверждение сказал:

– Да и страсти в толпе разгораются до предела, и эмоциональный взрыв готов произойти в любую секунду.

Редодя прикинул плотность толпы.

– Все биороботы стоят один к одному под завязку. У меня пессимистическое настроение.

Акриф покачал головой.

– Чтобы пропихнуться сквозь сплошную толщу из множества тел следующего ряда, образовавшую монолитную массу, рассчитывать на эмблему и даже мои мускулы натуральное сумасшествие.

Тем не менее, эмблемы участников помогли юношам пробраться через плотные внешние ряды зевак и контролёров без сверх затруднений, затем через цепи андроидов-полицейских, стоявших стеной и своими дубинками с электрошокерами извлекавших искры из металлокрепких тел непослушных биороботов с звучно колокольным звоном “бамс-дзынь”. Да и устроители состязания из Репродукционного Центра вовремя реагировали на колышущую массу, опрыскивая ее успокоительными транквилизаторами.

На лицах юношей плясали оптимистические улыбки. Ярость и натиск способствовали выиграть несколько метров, и они разглядывали линию старта и высокий помост для судей. Остальные участники забега были уже там.

Улыбки у юношей снова померкли. Перед ними стоял последний кордон, целиком состоящий из исторгающих исполинский рев женщин с отвисшими челюстями и слюной на губах от выкрикиваемых колкостей, переходящих в пошлости:

– А ты сдал нормы “Всегда готов к Марафону”?

– Куда прешь с сутулой спиной?

– Замерь ноги – одна короче другой!

Имей они в запасе время, Редодя и Акриф, может, и сумели бы, неторопясь, обойти этот живой щит, но до начала забега оставалось всего шесть минут.

Шесть минут до начала забега!

Только теперь Редодя и Акриф окончательно осознали, с кем им придется иметь дело.

– Меня пугает, – в растерянности заскрежетал зубами Редодя, – что женщины, выражаясь языком социологов и монистов¹, с бессмысленными взглядами агглюцинирующих истериофилок, что спрессованные как сардины в банке и действующие как единый простейший организм, они способны на всё что угодно, лишь бы добиться желаемого, даже подавить в себе все положительные инстинкты.

¹ Монизм – учение, признающее основой всего существующего одно из начал: либо материю, либо дух.

Акриф только поморщился от этой ужасной мысли.

– В напыщенных линиях лиц откровенно читается, что для них любые средства хороши, лишь бы проявить слепое рвение и применить неукротимое бешенство к любому мужчине, который попытается возомнить из себя отца будущего семейства биороботов СК35 поколения.

Оказавшиеся в такой же ситуации цугцванга другие марафонцы были кто склонен драматизировать ситуацию, а кто нет, сказав:

– Поневоле забеспокоишься, стоит ли игра свеч? Не покидает уверенность, что эта толпа куда опасней, чем стадо бешеных буйволов или топчущих слонов из древних преданий, а составлявшие ее типы женщин уже смотрят жадными плотоядными глазами на нас, раздувая резиновые ноздри, и зловеще постанывая от истомы.

– Ну, еще каких-нибудь двадцать метров, и мы у цели, только бы эти суеверные стервозные женщины раньше времени не поддались паническому настроению и не начали хватать мужчин уже сейчас.

Не оставляя себе времени на раздумья, Редодя как волнорез первым по-бычьему с налитыми кровью глазами бросился вперед. Акриф за ним. На них как по наковальням со всех сторон обрушились удары маленьких, но увесистых женских кулаков, сопровождаемые ужасающим ревом разъяренной толпы. Ванин только молился: “Спаси и сохрани!”, когда бесформенные тела навалились и сжали так, что он едва не задохнулся.

В этот момент он понял, что он вовсе не наковальня, а, точнее всего, обычная кастрюля с тонкой стенкой.

Положение совсем обострилось, работа локтями закончилась, стало невозможным протиснуться через эти слившиеся воедино тела, когда выжимается плоть и трещит металл.

И тут власти предусмотрительно включили государственный гимн страны “Биоробот – всему голова!”. Древняя мелодия, вот уже в продолжение многих веков лучше “Интернационала” умирившая самых неистовых, и на этот раз не подвела. Толпа вытянулась в струнку и замерла, гордо подняв головы, и юношам сквозь зазоры удалось прошмыгнуть последние метры к линии старта.

Мэр города начал зачитывать Обращение. Хотя все участники и подавляющее большинство зрителей и так знали его почти наизусть, не раз выслушивая в продолжение многих сотен лет, но закон есть закон, и он, тем не менее, требовал его оглашения.

– Судари и сударыни! Исправлять ошибки прошлого выпало на долю веку нынешнему – двадцать восьмому. В течение тысячелетий прирост населения шел медленными темпами, строилось много Репродукционных Центров, однако произошел резкий скачок и рождаемость бесконтрольно взлетела стремительно вверх, население планеты в короткий срок увеличилось вдвое, а потом удваивалось еще несколько раз. Кривая смертности неуклонно снижалась, продолжительность жизни всё увеличивалась, и эти показатели достигли беспрецедентной величины. Пришлось закрыть почти все РЦ, оставив несколько. Золотая середина равновесия, существующая сегодня между смертностью и рождаемостью, выявление самых

перспективных представителей из биороботов, позволяет оптимистично смотреть в будущее. Большой Марафон – самая приемлемая форма выявления из них суперуникальных экземпляров. Почему, например, не выбран вид соревнования триатлон: плавание, велосипед, бег? Да потому, что в этом случае будет иметь преимущество наиболее тренированный в этих видах. Борцу или, скажем, боксеру делать там нечего. А мы должны создать равные возможности для всех, когда любой старик или даже инвалид вполне могут рассчитывать на победу. Таким образом, обоюдные возможности для всех. Другое дело, кто и как ими воспользуется. Здесь всё играет на непредсказуемость и создает острые предпосылки каждому проявить себя с наилучшей стороны: это хорошее ориентирование на местности, интуиция, те же, не исключается, везение, мгновенный расчет на несколько многоходовок вперед, понимание психологии противника. И, самое главное, как в старину, борьба за существование. Забег представляет собой подобие импровизированного театра военных действий с молниеносными передислокациями больших воинских подразделений и перемещениями отдельных биороботов, не связанных между собой ничем, кроме жажды борьбы. Вы, наиболее честолюбивая и тщеславная часть нашего передового отряда сознательного общества, достигшая цветущего репродуктивного возраста и решившаяся самостоятельно на реализацию своих возможностей, вы собрались, чтобы принять участие в забеге на приобретение Права. Какого Права – все знают...

В толпе воцарилось гробовое молчание.

– ...получат Право репродукции...

При этих словах толпа разом выдохнула, отчего пронесся маленький вихрь, и барометры отметили кратковременное повышение давления атмосферы.

– Конечно, – продолжал обращение мэр, – среди вас никто Права в глаза не видел, а уж об обладании таким и мечтать не приходилось. Подобное не могло привидеться даже в самых фантастических грезах. Хотя такие забеги проводятся регулярно. Просто те счастливицы, получившие Право, на этот раз не присутствуют здесь, не принимают участие, потому что уже отдали себя важному процессу воспроизводства с героическим для себя финалом, как рыба семга, отметав икру, погибает.

От этих слов толпа совсем разомлела от истомы.

– А сейчас почтим минутой молчания всех биороботов, положивших свои жизни на алтарь репродукции.

Все биороботы замерли в едином порыве памяти предков.

– Марафон для тех, кто не считает себя храбрецом, но и трусом тоже, потому что каждый из вас больше не может жить так, как жил раньше. Вы просто обязаны выиграть Право.

Раздались все виды шумов, которые существуют на зрелищах: крики, визги, свисты, грохот, аплодисменты, топот ног и пиротехника.

Мэра заменил главный судья. Его выступление касалось организации Большого Марафона и воздействие на толпу было не менее эмоциональным.

– Забег начинается здесь у регистрационной линии – на окраине города, а заканчивается финишем,

расположенным на Красной площади, что составляет двести пятьдесят километров. Всем участникам разрешается выбирать любой маршрут, передвигаться по земле, под землей или над землей. Единственное условие – достичь финиша лично, никакие замены не разрешаются. Победителем среди мужчин объявляется участник, пересекший финишную черту к контрольному времени, а победительницей среди женщин окажется та, которая выведет из соревнования наибольшее количество мужчин. Таковых может оказаться несколько с той и другой стороны, и тогда будет проведена жеребьевка при помощи лототрона.

Раздался гул недоверия.

– Отмечаю, – продолжил главный судья, – что организаторы не несут никакой ответственности за возможные смертельные происшествия во время состязания. Должен поставить всех в известность, что уровень смертности в подобных забегах прискорбно существует и составляет примерно 0, 000000007 процента, приходящийся на случайные факторы, хотя судьбы на всякий случай изъяли у участников забега замысловатые орудия, похожие на колюще-режущего действия, транквилизаторы удушающего и нервно-паралитического порядка, всякие психотропные вещества в красочных обертках для того, чтобы участники проявляли спортивное благородство по отношению друг к другу и не допускали поступки, связанные с членовредительством или покушением на жизнь.

Еще раз напоминаю участникам забега, что в нас заложены Законы роботизации, гласящие:

1. Робот не может причинить вред роботу или своим бездействием допустить, чтобы роботу был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться командам робота, если эти команды не противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

А также, исходящий из всех остальных:

4. Робот роботу друг, товарищ и брат.

И последнее, любой претендент, желающий отказаться от состязания, может сделать это прямо сейчас, не опасаясь каких-либо преследований и последствий.

Главный судья лишь секунду выждал реакцию толпы и приступил к организации старта.

В голове у Редодя еще до Марафона творилось что-то непонятное. Хотя он и твердил себе аутотренинг, что ему всё нипочём, что он и так не хуже других, что он представляет собой последнюю усовершенствованную модель, но иногда ловил себя на самоуверенности “зачем ещё улучшаться”. Приходилось постоянно отгонять предательскую мысль со всей решимостью настоящего мужчины.

Словно в ответ на его размышления прозвучал голос Акрифа. Редодя повернулся к товарищу, по которому волнами перекачивались перекачанные мускулы.

– Ну, как тебе сегодня женщины? – спросил тот и как всегда кисло поморщился.

– Какие бы они отталкивающие ни были, я уважаю противника, – ответил Редодя.

– А он нас?

Редодя чуть стушевался, но не стал уходить от ответа.

– В другое время до Марафона они не показались бы вульгарными, но сейчас для меня все женщины предстают одного типа – мучительно неприятного для понимания и омерзительно противного для восприятия.

– Малва и Гзинтра тоже?

– К сожалению, Марафон никого не облагораживает. Буду счастлив, если я ошибаюсь.

– Лучше отступишь от своей самоубийственной затеи, Редодя.

Вот этой фразы Редодя не ожидал услышать. Нигде, никогда и ни от кого!

– Почему? – спросил он, почувствовав неприятный ледяной холодок в груди.

– Я всё взвесил, ничего у тебя не выйдет, Редодя-детка.

– Странно говоришь. Ты всерьёз?

Акриф бросил злобный взгляд в его сторону.

– Посмотрите на это несовершенство, на это убожество! Спортивный костюм, и все его преимущества, все его качества бойца!

В другое время Редодя с удовольствием проучил бы нахала мелкой пакостью, но сегодня слишком многое было поставлено на карту. И он в свою очередь задал вопрос.

– Возможно, но у тебя-то, полагаю, всё выйдет как нельзя лучше?

Акриф отметил скрипучим голосом.

– Еще раз говорю, выходи из игры, крошка Редодя. Ты не у дел, не решил морально-технические издержки, таких гнать надо со старта. Я сейчас свистну судье, чтобы тебя дисквалифицировали, куда тебе маломощному, на Марафоне слабаки не нужны.

Редодя отрицательно качнул головой.

– Как ты смеешь запугивать и отсылать меня с Марафона, как мальчишку.

– Тебе здесь делать нечего, сиди дома, из всех удовольствий, что остались, пей чай и думай, как нарастить мышцы до следующего Марафона, вот что я посоветую.

– Я продолжаю борьбу. – Редодя взял себя в руки и с любопытством смотрел на гиганта Акрифа.

– Ладно, недотепа, – нахмурил брови Акриф, и его лицо, ставшее вдруг жестоким и сардоническим, исказилось в гримасе. – Но помни, я тебя предупредил.

– Понятно, что мне не дадут победить. Но когда угроза исходит от тебя, это выше всякого разумения. Акриф, и это ты – мой лучший друг? – всё еще недоумевая, спросил Редодя.

Акриф оглядел его сверху вниз.

– Не понимаешь? – заявил он. – В Марафоне друзей нет. Сегодня мы на разных полюсах, каждый сам по себе.

Их разговор прервал возглас главного судьи.

– Участники, на старт!

Соперники умолкли и выстроились вдоль линии старта, сощурился глаза и крепко сжав зубы.

– Внимание!

Соперники выжидающе наклонились вперед. С напряженными мускулами замерла не одна тысяча титановых ног.

– Марш!

Забег начался.

Вой суперзвуковых стартовых систем на время парализовал толпу, окружившую место старта. Соперники пронеслись сквозь расступившиеся ряды и бросились бежать вперед, огибая вереницы застрявших в пробках авокапов. Затем они разбежались в разные стороны, придерживаясь, главным образом, восточного направления – к Москве-реке.

Лишь Редодя Ванин и нескольких марафонцев не свернули на восток. Они нырнули в подземный люк и теперь бежали по бесконечному коридору со стенами из серого бетона глубоко под поверхностью. Резко возникающие из потемок редкие белые неоновые огни слепили глаза. От кого Редодя убежал? Все тело содрогалось вслед еще не отшумевшим взрывам петард – ракеты рвались тогда каждую минуту в метрах над головой.

Он не знал, почему должен как ошалелый бежать, а не спокойно идти, как нормальные граждане, почему не мог даже замедлить бег, почему, как шатуны паровой машины, сами собой двигались ноги, из-под которых раздавленные крысы с писком бросались в разные стороны. Чего ради?

Инстинкт продолжения рода?

Хотя чего скрывать – инстинкты всегда руководили эволюционным развитием, которое сегодня представляло собой лихорадочную гонку на выживание, главным призом в которой было определенное достижение – право на существование. Ради него стоило дорого продать свою жизнь.

Редодя бежал с обезумевшим взглядом, вытянув перед собой руки, словно в любую минуту мог разбиться о внезапно выросшую на пути преграду.

В первые же полчаса он потерял мобильник, который гулко полетел в нижние своды.

Он пожаловался ближайшему марафонцу:

– Его сканер сейчас бы весьма пригодился для отслеживания оперативной обстановки, да и звонок к другу явился бы подсказкой.

Марафонец даже удивился:

– Какие сегодня друзья-товарищи? Они в прошлом. Без мобильного, скажу, лучше, чтобы не смогли запеленговать.

Подземный коридор тянулся неизвестно еще какое разветвленное количество километров по руслам подземных рек, заключенных в огромные бетонные трубы, и Редодя предвкушал победу. Но прежде, чем он успел об этом подумать, впереди откуда-то сверху, то ли снаружи слышались крики, топот, настоящий куриный переполох. С пронзительным визгом заработала сирена.

– Сюда! – услышал он голос, прерывающий течение его оптимистических мыслей. – Тут на этом участке затаился один парниша. Не дайте ему ускользнуть!

– Остановите его немедленно! – сказал другой голос пренебрежительно, и в его женском начале звучало абсолютно не женское хладнокровие.

– Не беспокойтесь, командир! Сейчас этот малютка выдохнется и окажется преподнесенным на блюдечке с голубой каемочкой.

– Ты болванка, Вика! Панты несешь дешевые! Биороботу не дано быть слабым. Но сила силу гнет. Да вон он! Хватайте живее, слепые тетери!

– Вы в самом деле верите, что можно поймать биоробота в темноте?

– Двойка тебе! Сказала – они не крысы, они не выносят темноты, сырости, а еще крови и сегодня нас на дух, женщин.

– Жаль, что нет аннигилятора, а то бы сразу же открыла огонь на распыл, на диффундирование.

– Даю две минуты, чтобы выкурить его. – Приказ поступил в несколько возвышенном тоне.

– Разрешаете газовую атаку?

– Дура! Лучше слушай! Я сказала – достать из-под земли!

В голосах было слишком много самоуверенности, слишком много подозрительности, и, как ни странно, коварства!

Заслон!

Вперед пути не было. Редодя вовсе не хотелось попасть в пасть тигра, но инстинкт, призывающий к осторожности, был силен в нем, как никогда. Нечто, сидящее в самой глубине его сознания, изрекло предупреждение: “Ты должен быть до конца последователен и упорен, ты должен перехитрить врага”.

– Мальчики, а вы здесь? Ату, вас! Ваши штучки не пройдут. – Почти впритык он увидел женщину с металлоискателем в руках.

Хоть бы внезапно погас свет и подземелье окутал мрак. Ясно одно – он попался. В этой светопляске огней сопротивляться было бесполезно.

Он нырнул в решетку подалее от женских голосов и стал спускаться в следующий уровень вниз в глухую темень. Повеяло смрадом, сыростью и ледящей душу мертвой тишиной. Всё равно, как ни старался, он не оставлял шумовых следов, чем боялся привлечь внимание невидимого неприятеля. Глаза Редодя научились пронизывать мрак, но он не вполне рассчитывал на это, поэтому нацепил инфракрасные очки. Они немного помогали в темноте, а в основном он шел на ощупь, подумав, что в этом лабиринте ничего не стоит заблудиться.

– Если что, бейте им прямо между ног! – иступленно доносились всё слабеющие вопли женщины.

Пройдя на ощупь тридцать километров, Редодя услышал новые голоса.

– Изначально, они все ползут сюда – в подземелья, думают, что они самые умные и крутые, а мы круглые кретинки! – Женский контральто рассыпался смехом. Он был наглым, но зазвенел как эхо бесконечной чередой отзвуков по гулким коридорам, едва отличимых друг от друга, из которых в ответ в переливах донеслись другие женские крики: требовательные, насмешливые и мерзкие. Но к Редодя настойчиво возвращался страхом лишь один, тот самый первый, самый разборчивый, самый понятный.

– Мне подобные мужчины по душе, – заструился уже мягкостью голос. – Люблю парней с характером. В наше время мужики, тьфу, перевелись.

– Стали похожи на баб...

– Не выступайте! Не занимайтесь риторикой! – Ответ им был категоричен. – Такие, как вы, вечно не принимают насморк за серьезную болезнь. Ваши недооценки нам боком выйдут.

Редодя почувствовал, как страшные руки обвили его запястья. Он приготовился к худшему, но ощущение

пропало. Это руки также внезапно отлипли – обычное прикосновение холодного железа, выступающего из стен.

Обознался в темноте.

Он дрожал от возбуждения, и перехватило дыхание. Он метнулся от голосов прочь по галерее. Ход за ходом, галерея за галереей, уровень за уровнем – Редодя уже изнемогал. Какая-то дверь скрипнула перед ним от его толчка лбом. Редодя чуть не вскрикнул от боли и тут же опрокинул стул. Дверь сама захлопнулась на пружине, и он испугался, как бы шум не распространился по подземному пространству.

Он остановился, с трудом переводя дыхание, и прислушался. Но различил только плеск воды где-то еще ниже. Он ощупью наткнулся на выключатель и зажег свет. Комнатка была явно прибежищем интеллигентных бомжей. На столе лежали журналы и газета с остатками селедки, луковичной шелухи и засохших краях хлеба с солью. Аскетическая обстановка, суровая пища... Еще были какие-то непонятные эскизы. Редодя догадался – схемы подземных переходов. На стене висело зеркало, в углу стоял маленький телевизор. Значит, здесь место отдыха диггеров – охотников на крыс и составляющих эти схемы подземных лабиринтов. Голод заставил Редодю отправить часть объедков в рот. Молодые крепкие зубы легко разгрызали черные сухари. Редодя включил экран, сделав звук еле слышимым. Оглядев себя в куске зеркала, он убедился, что черная ветровка с бесчисленными молниями по-прежнему придавала ему героический вид и спортивный антураж. Но пришел к неутешительному выводу, что подземелье сказало отрицательно на его внешнем виде и он выглядит небезупречно. Резким движением он смахнул паутину с себя и достал косметичку – мазок-другой тушью для ресниц и губной помадой придал его облику восстановительную остроту. Тем более, что никуда не денешься, когда-то нужно будет выбираться на поверхность.

Все телевизионные программы заполнили передачи с Большого Марафона. Камеры скользили по улицам города, выискивая и смакуя интересные моменты.

– Да пусть освятится подвигами Большой Марафон! – комментировал пожилой грузный телеведущий с венчиком черных волос вокруг обширной лысины. – Самый величественный праздник для нас в период счастливого двадцать восьмого века, его второй половины. Называется Большим, потому что правила забега определяют победителей сначала на региональном уровне, следом – на федеральном, на мировом, а далее между ними будет разыграна лотерея...

– Не учи! Знаю! – оскалился Ванин. – Не надо мне рассказывать, что победителю предстоит преодолеть массу барьеров на местности и, главное, кордоны из кровожадных женщин, а финишировать на Красной площади.

Редодя проскочил эту программу с пренебрежением.

Новый голос телекомментатора доносил:

– Большие Марафоны вписали в себя немало героических страниц богатого прошлого...

Редодя снова запротестовал:

– Введение в историю Больших Марафонов меня тоже не интересует!

Он переключился на другую программу.

– Романтика дает эстетическое наслаждение удовольствием, и сперматозоид, как слаломист, целеустремленно пробивается в маточном пространстве через препятствия и врагов-вирусов к одной единственной цели – оплодотворить желанную яйцеклетку. Многие сперматозоиды не дойдут до цели: одних покинут силы, других в большинстве своём настигнет смерть. Но их смелость и решительность оставляют память в неравнодушных сердцах...

Не успел ведущий сказать такое сравнение из древней книги, которую держал в руке, как в студию ворвались военные андрониды и скрутили не в меру ретивого болтуна. На экране от изображения остался только номер программы.

Новое переключение показало вход во дворец, возле которого гарцевали женщины на настоящих лошадях. Редодя ещё удивился, откуда такое их количество в двадцать восьмом веке? Ещё преобладали велосипеды, мотоциклы, с люльками тоже, авокапы, в воздухе проскакивали вертолеты и аэрокары.

Рыжая девушка с конским хвостом в волосах, в длинных до мест, где начинаются ноги, сапогах со шнуровкой, одетая в черный корсет, величественно восседала на огромном огненном коне. Она подъехала и осадил жеребца точно перед главным входом. Он поднял её на дыбы и заржал на всю округу. Всадница легко спешила, потрепала коня по холке. Она небрежно накинула поводья на скульптуру льва и направилась к главному входу, в её резкой походке чувствовались уверенность и твердокаменность, в шаге от ступеней она остановилась и стала уверенно позировать перед корреспондентами, подставляя под объективы разные части лица.

– Гзинтра, мы с тобой! Веди нас! – раздалось в её сторону, и она оказалась в окружении точно таких же быстрых и решительных в движениях девушек.

Редодя встрепенулся, даже обрадовался, услышав знакомое имя, а крупный наезд камеры на лицо девушки подтвердил, что это она и есть.

А уже новая картинка открыла многочисленные коридоры, полные женщин, большинством из них похожих на древних воительниц, облаченных в корсеты, местами бронзовым блеском и кожаными выпуклостями напоминающих гладиаторские доспехи, у многих на руках по локоть были крабы с когтями. Затем представился просторный зал, и Редодя по большому скоплению посетителей понял, что это летучий оперативный штаб, напоминающий Смольный времен революции.

Корреспондент, то ли телеведущий, с тёмно-красными губами и чёрными волосами, уложенными в левую причёску, беседовал с группой девушек.

– Не покидает беспокойство, что биороботы в зависимости от обстоятельств по отношению к другому полу любят заниматься приписками или недописками, то есть, то преувеличивать, то преуменьшать. Иногда это идет в разрез с совестью. Это относится к категории женщин, в обычной жизни больше преуменьшающих значение мужчин, а также мужчин, которые, наоборот, любят себя преувеличивать и не любят преуменьшать в

глазах женщин. Тем не менее, исходя из равновесия природы, мужчина должен уметь преувеличивать, а женщина преуменьшать. Это аксиома. Поэтому, скажите точно, сколько к этому часу выведено из соревнования мужчин? – Он поднес микрофон высокой девушке с чистыми черными волнистыми волосами косичкой вверх, раздваивающейся на конце. Не совсем типичная водопадом косичка делала её похожей на пиратку нового поколения. Спортивный костюм и высокие кроссовки подчеркивали прямую осанку. Уже со спины девушка представлялась миловидной, но Редодю нельзя было провести ее обманчивой медлительностью и изяществом из-за его сверх подозрительности.

– Активность женщин превзошла все ожидания, – сказала она. – Первые часы оказались самыми продуктивными. Если суммировать поступающие сводки из всех районов Москвы, то не меньше трех миллионов и сорока восьми тысяч.

– Ваше имя?

– Малва Гурина.

Телекамера из-за спины девушки “выехала” на ее лицо и Редодя узнал свою соседку по квартире Малву и опять обрадовался неожиданной встрече.

– На этом Марафоне вы выбрали имидж амазонок?

– Корреспондент с неопишуемым интересом всматривался в правильные мужественные черты лица Малвы и разглядывал многочисленные заклёпки на открытых частях ее тела, и удивлялся тому, как ответственность восстанавливает женщин в лучшую сторону.

В отличие от Гзинтры Малва не делала быстрых движений, они были плавны и даже величественны.

– За всю историю Марафонов было испробовано всё, вплоть до перевоплощения в снегурочек. Не всегда мягкотелость и ласки, увещевания и зывания к благоразумию помогали, как оказалось, мужчины понимают только грубую силу, а на добро они откликаются злом. – Слова девушки подтверждали её деспотическую убежденность, что было в новинку для Редоди.

Корреспондент продолжал задавать игривые вопросы и переходить от одной девушки к другой.

– Ого, прогнозы численности выведенных из игры участников опрокидывают всякую очевидность. Реальность такова, как бы Большой Марафон не закончился досрочно. Это будет в ущерб интересам многочисленных зрителей.

– Мы сделаем все, чтобы истинные ценители остались довольны, а возможности мужчин реализовать свои благоглупости свести к нулю.

– Я подозреваю, что у женщин несколько устаревшие взгляды на роль и положение в обществе мужчин.

Рыжая Гзинтра с конским хвостом сама потянулась к микрофону, как на амбразуру.

– Славы им захотелось дешёвой! – Она перешла почти на крик. – Они не достойны носить высокое звание биоробота!

– В чем заключается ваше моральное право преследовать их?

– Есть старинная песня, доставшаяся нам от далеких предков: “А я люблю военных, большущих, здоровенных, люблю еще крутых и всяких деловых”.

– Научите нас, непросвещённых, как и каким образом можно подобных любить?

– Шучу, – призналась она.

– Ваше имя?

– Гзинтра Подбельская.

– Какой тип мужчин навевает на вас оптимистический, можно сказать, лирический лад. Каких вы предпочитаете? Высоких, худощавых, обладающих юмором, блондинов, брюнетов?

Рыжая в тон отвечала хорошо поставленным голосом.

– Лучшие мужчины – это технологически неперспективные и плохо продвинутые в промышленность экземпляры.

– Почему вы нелестно о них отзываетесь? Насколько я знаю, мы все одинаково генетические в равной степени конструкции.

– Бог создал биороботов, но ошибся в выборе мужского начала, – поставила корреспондента на место Малва Гурина.

А другая амазонка добавила:

– Так надо, чтобы женщинам не пресмыкаться перед мужским авторитетом и не быть в тени их силы и влияния.

– Ваша позиция по отношению к мужчинам не изменилась? Они не потеряли свою актуальность?

Малва словно уже знала ответ.

– Мужчины всего лишь звено в эволюции Земли. Но, как всякие еще не утраченные вынужденные звенья, они склонны заполняться новыми живительными связями, и это благодаря только нам женщинам.

– И его превосходительству Большому Марафону! – раздалось дополнение из группы девушек.

– Это хорошо или плохо?

Рыжая сама нахально лезла к микрофону.

– Возможно, им и хорошо, но нам от этого ни тепло, ни холодно.

– При большой плотности населения такое высказывание вписывается в программу правительства о народонаселении?

– Если по сдерживанию мужчин – то да.

– Разве вы не верите в предназначение мужчин?

– Боюсь, что, верим, со знаком минус.

– Естественно. Я подозреваю, что для вас слово “мужчина” имеет несколько иной оттенок звучания и даже значения. Какой?

– На период Большого Марафона? – переспросила она.

– А что, в другое время оно иное?

– Сегодня с неприятным удручающим привкусом на зубах. Так нам легче настроиться на победу, имея перед собой омерзительный образ врага. А впрочем, мы ничего не имеем против них, как сферы нашего влияния и интересов, как объекта для атаки.

Корреспондент захихикал:

– Вы много придаете значения своим женским ночным фантазиям, их реализации, так сказать, развиваете ночные кошмары до абсурда. Вы, как фурии, страшны в своем неистовстве исполнения задуманного. Охотницы за эксгумированными мужчинами не слишком располагают к себе в глазах общественного мнения. Почему бы это?

– Прошу прощения. Это не про нас сказано.

– Очень сожалею, что задал такой бестактный и нескромный вопрос.

– Не преувеличивайте, в принципе он корректный.

– Вы думаете?

– Опасность непонимания – ничто по сравнению с опасностью недооценки.

Другая девушка добавила:

– Там, где споры – там взаимные претензии, порождающие притязания.

Телеведущий заглянул в лист бумаги.

– Итак, подведем итоги первого дня. На положительном личном счете каждой женщины уже по семь участников забега. Понятно, их участь незавидна и предрешена, но, может, вы свои карты раскроете ближе?

– Обижаете. Если точнее, то наша группа за текущие сутки вывела из игры сто двадцать три участника в среднем на каждую, – первая ответила Малва Гурина.

– Ого, большая работа!

– А наша группа, навскидку, – по сто тридцать восемь, – похвасталась Гзинтра Подбельская.

– Но что-то не видно погребальных костров?

– Потому что существуют выгребные ямы!

У ведущего по лицу прошла брезгливая волна и его чуть не стошнило.

Редодя оскорбился не меньше от кощунственных слов своих соседок, до этого Марафона ничем себя особым не проявлявших. Существо его закипело, и он сжал кулаки.

Тем не менее, телеведущий даже не повел ни одним глазом и продолжил вопросник с невозмутимым видом.

– Наверное, у тех, кто туда не вошли, растерзанные тела валяются сейчас по дворам, мусорным ящикам и птицы выклеивают им глаза?

– Вы всё шутите. Мы даем простор своей фантазии, но не до такой же степени. Мы не маньячки, а борцы за правое дело.

– А если я вас назову – правозащитницами, вы не обидитесь?

– Нисколько! Одно скажу доподлинно, что они расстались со своей мужской возможностью активно вмешиваться в дальнейший репродукционный процесс.

– Сиюминутная победа в Марафоне замечательная вещь, но фантазии не должны заслонить вам действительность.

– Не волнуйтесь, у нас на мужчин иммунитет.

– Значит, последние надежды вы им перечеркнули полностью?

– Начисто! Они не актуальны на сегодня, они не просто неудачники, они мертвяки, они изначально были трупы. Это уж точно.

– Вы поступили с ними, как подсказывала вам женская интуиция?

– Обижаете, скорее логика. Их иллюзии на победу с каждым часом испаряются как дым.

– Они уже в другом мире?

– Да, отключены, земные страсти их волнуют постольку поскольку.

– А что у вас в руках?

– Металлоискатель.

– Вы думаете, он разрешит ваши проблемы?

Гзинтра достала наушник и демонстративно воткнула его в ухо.

– Мужчин выдают титановые части. Незаменимая штука в поисковых методах и разделении типов по агрессивности, и мы когда-нибудь поставим ему памятник.

– А почему бы вам не перейти на современные миниатюрные металлодетекторы?

– Они эффективнее, но как холодное оружие двинуть кого надо по башке нас не устраивают.

– А это что? – спросил ведущий. – Насколько знаю, крабы с кошками запрещены.

– Они для устрашения, – ответила Малва. – Иногда парализуют жертву одним только грозным видом.

– И мужчин тоже?

– Среди них трусливых зайцев девяносто девять процентов, а крови боятся все сто десять.

– Хм... Вы крабам тоже поставите памятник?

– А что, крабы рядом с металлоискателем? Неплохая мысль, – сказала Гзинтра.

В эту минуту рыжая была похожа на гладиаторшу. Редодя нутром почувствовал, что Гзинтра и Малва, гладиаторша и пиратка, несмотря на близкие с ним отношения, его будущие могильщицы, и уж точно спуску ему не дадут.

Телеведущий взял другой лист бумаги.

– Среди вас большие потери?

– Не все женщины выдерживают испытание принципиальной линией жесткости по отношению к мужчинам, – мягко сказала Малва.

– Их можно без большой натяжки назвать джентльменками?

– Скорее пораженками или лучше контрой. Контра – она и есть контра, и её надо выжигать калёным железом.

– Эффективность пока далека от идеала. А как вам нравится участник под номером 200857, который ушел от вас из-под самого носа? – телеведущий обратился к Гзинтре.

– Не пойман – не вор, как говорится в пословице. Красивый, умный бедолага, пока неуловимый. – Гзинтра в экран небрежно помахала ему рукой. – Номер 200857, мои личные к тебе симпатии. Откликнись, если ты меня видишь, предупреждаю, часы твои сочтены, лучше не попадайся нам в руки.

– Ваши стратегические ошибки? Почему, когда он был почти в ваших руках, вы упустили его?

– Мы не думали, что мужчины настолько умны, чтобы пойти на глупые поступки.

– Не в шутку будет сказано, вы жаждете много крови?

– Да, пока не закончится Марафон.

– Вот вы покушаетесь на сущность мужчин. Их ряды редеют, и они от этого страдают...

– А мы больше их терпим, и пусть они не рассчитывают на легкую жизнь и наше снисхождение, – объявила она волнующим стаккато.

– Откуда такая желчь?

– Пусть не ищут пятый угол, но, хотя бы, пусть будут с нами вежливей и учтивей, чтобы с первого предупреждения “Стой, говорю!” замирали как вкопанные.

– Мне кажется, вы зря их черните.

– Вот вы, мужчина как мужчина, не претендуете на большее, а эти похожие на сытых самодовольных котов,

разбегшихся сметаной, ждут, когда им кошку поднесут для полного удовлетворения. Пусть благодарят Бога, что некоторым удалось дешево отделаться.

– Легко и безболезненно?

– И раньше времени тоже.

– Мужчины отзываются, что неплохо бы показать психиатрам всех женщин. Что-то стало у них много критических дней.

– Мозги у мужчин набекрень – это уж точно, а инстинкт продолжения рода окончательно сослужит им плохую службу.

– Скажите, если бы дело дошло до уничтожения мужской сущности, вы бы были по чью сторону баррикад: по ту или по эту?

Рыжая Гзинтра Подбельская глубоко задумалась.

– Вопрос занимательный...

Подошла другая девушка с отведенными назад надменными плечами и тихо на ухо сказала Малве Гуриной:

– Время не ждет. Сложная оперативная обстановка и новые неутешительные сводки требуют продолжать пикетирование улиц.

– Нам пора, нельзя давать им продыху. Ночь обещает быть такой же насыщенной и беспокойной, как день, – стала прощаться Малва.

– Вы занятые женщины. Не будем отвлекать вас от вашей праведной борьбы против мужчин, и желаем успеха. При следующих включениях мы покажем душераздирающие репортажи с марафонских полей, как поступают женщины со своими жертвами.

Редоде пришла мысль, что всех женщин неплохо бы определить в психбольницу. Ему надоело смотреть телевизор, он внимательно посмотрел на дверь. Пожалуй, подумал он, можно остаться в диггерской и переждать, пока закончится соревнование, но тот же инстинкт продолжения рода поднял его и подтолкнул к двери.

Пройдя километр, он попал в заброшенные туннели подземки.

– Мужчины, не советуем прятаться...

Голос, похожий на неприятный скрежет металла по стеклу, резанул по ушам, прозвучав вызывающе и пронзительно, как только он увидел полосу дневного света вверху. Мегафон был явно не настроен на нормальное ухо.

Редодя резко остановился.

Пару минут он простоял неподвижно, ожидая, не последуют ли слова снова. Но вокруг воцарилось безмолвие. Кроме того, у него возникло неприятное ощущение, будто за ним наблюдают. Он решил продолжить путь. Но стоило ему начать двигаться вдоль по туннелю, как вдогонку, словно за ним следили, опять последовал тот же самый развязный тон:

– Мужчины, амнистии не будет, но можете рассчитывать на нашу терпимость и снисходительность, что ни один волос с вас не упадет без нашего на то ведома!

Только туннель разнес этот очередной далекий бесстрастный голос из мегафона, как снова последовал грубый, бестактный и достаточно отчетливый.

– Мужчины, добровольно возвращайтесь все по своим квартирам, хватит пустого кровопролития, мы предлагаем воспользоваться правами военнопленных, а

это значит, что можете рассчитывать на нашу гуманность победителей над побежденными! – Истерический хохот поплыл по всем отводам подземелья.

Подавленный было страх теперь в очередной раз всплыл на поверхность тела повышенным потоотделением и у Редодя громко вырвалось:

– Ещё чего!

Он думал, что его возглас затеряется на фоне хохота.

Но эхо предательски разнесло его по лабиринту, и наверняка привлекло к Редоде дополнительное внимание, а вот в повышенном внимании он сейчас как раз нуждался меньше всего.

– Мужчинки, выходи строиться по одному...

Пронесло! По этой спокойной фразе он понял, что его голос не был услышан на фоне хохота.

На тот голос наслоились другие, зазвучавшие с командной интонацией, больше с ехидством, рассчитанные на потерю воли от психической атаки. По приближению звуков Редодя понял, что несколько десятков стражей пустились в отлаженную ими много раз погоню, которая должна была увенчаться обезвреживанием сотен тысяч амбициозных для них врагов. Некоторые голоса уже раздавались в опасной близости от того места, где прятался Редодя, отчаянно пытавшегося восстановить хладнокровие перед встречей с противником лицом к лицу.

Это отовсюду разрастающееся даже в сточных канавах подземелий, гнетущее присутствие женщин выдавило его на поверхность.

Редодя увидел оставленный без присмотра аэрокар и взмыл в воздух. За ним тут же организовалась погоня эскадрильи из шести аэрокаров. Несколько таранов, и ему пришлось лететь в противоположную от Марафона сторону. Мотор вдруг задергался и заставил Редодю спуститься на землю, срезая верхушки деревьев.

Он в шоке вылез из кабины и оказался под защитой гигантских деревьев. Такие растут только на кладбище. Он нырнул в первый попавшийся склеп. Прежде чем женщины прочухают, что он здесь забился как таракан, пройдет не меньше получаса. Он в этом не сомневался, он видел далеко. В его распоряжении эти полчаса были достаточным временем, чтобы осмотреться, отдышаться, сориентироваться и принять дальнейший план. Вариантов было громадье. А пока его спасут многочисленность одиночных и семейных склепов и суеверный страх женщин перед духами. Но отсиживаться – это то же поражение, да и было там сыро и зябко.

Только движение вперед.

– Эй ты, рыцарь без страха и упрека! – раздался со смешком предупредительный голос. – Лучше к нам в руки попасться, чем загнуться от психотуберкулеза в гнилом, смрадном воздухе темного склепа.

Редодя прислушивался к разговорам. Тем более что говорили о нем.

– Рано или поздно поймаем. Хитрющий очень. Говорят, сквозь игольное ушко без масла проскакивает. А сам-то импотент таким же импотентом недорезанный!

Редодю задела оскорбляющая интонация старинных слов, и он сам машинально не сдержался, подал информацию, вычитанную из древних книг:

– У самих вульвовагинит, хламидиоз и хронический пиелонефрит!

Он уже корил себя за невыдержанность. Но что поделаешь...

Утробный голос из-под земли произвёл впечатление разорвавшейся бомбы и внушил суеверный страх на женщин, а таящийся в нём непонятный смысл поселил ещё и ужас, потому что они на время притихли. Но неожиданно они окружили склеп со всех сторон – Редодя почувствовал: спереди, сзади и сверху.

– Вылазь, если такой прямолинейный и скорый на язык...

Он высунул голову, и солнце ударило прямо в лицо, и он на мгновение ослеп. А зажмурился он на несколько секунд. Ну, хоть какое-нибудь скрытное местечко, где можно обезопасить себя и взять направление...

Итак, срочно эвакуироваться.

Куда? На улицу? Слишком рискованно.

Парк!

Редодя проскользнул мимо женщин через кусты словно призрак, но всё равно его тень заметили, и была организована погоня. Он повалил на бегущих дерево, и пока они выясняли, отчего оно упало, быстро перемахнул блестящий кованый забор, оставив преследовательниц с носом, и толстые старые замшелые стволы деревьев защитили его своими спинами.

Смех тех женщин еще стоял у Редоди в ушах, как появился новый.

– Придется помочь ему найти пристанище в наших медвежьих объятиях! – пошутила женщина в красном платье.

Этот очередной блефующий голос сотряс воздух и принес отрывку Редоде, тут же забитый другими голосами – со смешками, предупредительные, из мегафонов, дерзкие, жесткие, неделикатные, достаточно явственные.

– Пусть попробует вызвать сочувствие в наших сердцах!

И уж совсем близко ударил волной Редоде в спину визгливый диссонанс.

– Стой! Лежать!

От резкого спурта он зацепился, потерял равновесие и упал на землю. Слово удар электрического тока. На мгновение он утратил способность видеть и слышать, в отличие от всех остальных способностей. Сердце билось, словно ухало на кузнечном молоте, и от этого громкое эхо отдавалось в ушах. Мир от боли в титановой коленной чашечке опрокинулся вверх тормашками. Редодя лежал, тяжело дыша, собирая остатки сил для того, чтобы с удивлением обнаружить рану на ноге и мелкую струйку кровяного раствора.

“Вот те на... Как некстати”. Редодя поднялся на ноги – и охнул. Нога не слушалась, подворачивалась.

Что-то мешало двигаться.

Боль не отступала. Она достигла живота, вцепилась в голову. Неужели в нем присутствовало нечто, усиливающее боль? Он истекал кровью, потом скрипел зубами. От потери крови становилось не легче, а, наоборот, ему казалось, что тело с каждым мгновением тяжелеет и вжимается в землю. В любом случае нельзя оставаться под открытым небом. Последний гаснущий луч солнца пробился сквозь листву. Наметились звезды

почти над самой головой. Через три часа наступит глубокая ночь.

И впал в кому.

Сознание его озарилось светом, что он карабкается по неведомой лестнице и на последней ступеньке – вот он финиш! – скатывается вниз, разбиваясь о камни. И так, как сизифов труд, несколько раз. На этот раз вырвался стон и он услышал тысячекратное его эхо. И от этого испугался и очнулся окончательно.

Редодя, волоча за собой ногу, очутился в детском теремке и спрятался от летней грозы. Боль была одновременно и физической и психической – он не мог двигаться, когда его сущность протестовала.

Затем снова потерял сознание.

Редоде казалось, будто он безропотно и беспомощно летит в бездну, а свет у него над головой становится всё слабее и слабее. Тьма окружала его со всех сторон. Растопырив несуществующее количество пальцев, он пытался ухватиться за что попало, хоть за что-нибудь, зацепиться пусть даже ногтями, чтобы остановить падение... Но падал, и его затягивало в глубокий омут, где царил крошечная тьма...

– Вставай, номер 8724916! – кто-то тормошил его больно.

– Ноги не идут, – глухо отозвался он.

– Номер 8724916, решай, или мы пойдем сейчас, или я брошу тебя на растерзание женщин.

Он почувствовал, как его тащат по мокрой траве, иногда его безвольное тело с железным звоном консервной банки стучалось о бордюры. Он не знал, сколько времени валялся без сознания. Сначала его удивило, что ночь уже довольно светла, а с ним обошлись бесцеремонно. Он лежал на спине, чувствуя каждой клеточкой холодную почву. Он повел глазами по сторонам и увидел громадную луну. Вернее, мельтешащую в глазах. Она дрожала бледно-желтым светом.

Боль жгла в ноге и отдавалась в бедро. Сначала Редодя понял, что он жив. Какая-никакая, но маленькая победа над собой. Было спокойно и пришло тепло. Просто так тепло не приходит, у него должен быть источник. Не хотелось шевелиться, какие-то непонятные, но тихие, размеренные звуки стали долетать до него. Затем он почувствовал запах – пахло хвойной ванной и... сегодня это было невыносимо и нестерпимо...

Женским телом!!

От смазки ТЕХНОЛ №5!!

Открыл глаза – и ничего не понял. Его касалось что-то гибкое и хрупкое, блестящее и нежное, и в самом деле теплое. Когда он скосил глаза вверх в очередной раз, то уже увидел небо в намечаемой голубизне и что косое солнце трогательно бросает первые лучи вокруг.

И... размытое изображение девушки, преклоненной над ним на коленях так низко, что ее волосы почти спадали на его щеки. Она внимательно вглядывалась в его лицо.

– Эй, ты жив? – От этих слов Редодя еще больше протрезвел.

Да, над ним склонилась совсем юная девушка – теплая и теперь источающая уже другой – приятный и странный аромат, и на него с удивлением взирали два огромных глаза, а яркие губы раскрылись.

Она деловито стала прочищать рану, затем отыскала в кармане коагулянт, быстро сворачивающий кровеносный раствор. От жжения коагулянта боль стала только сильнее.

– Это лучше, чем провалиться в беспамятстве несколько лишних часов, – сказала девушка.

Редодя ощутил в душе мгновенный ужас – нашли, нейтрализовали!

– Ты пришел в себя, номер 8724916? Я тебя идентифицировала, ты Эр. Ванин, от меня не отмахнешься. Как и Иванов, фамилия Ванин распространенная, у меня даже знакомый такой есть. Но что за “Эр”, расшифруй?

Он со стоном испугался и зажмурился, слыша женскую речь. Девушка тоже испугалась.

– Ты серьёзно ранен?

Она по-прежнему склонялась над ним и хлопотала, перематывая матерчатой полосой ногу. Ее спортивная куртка была подвязана на талии и изредка, когда поворачивалась, слегка выглядывающая грудь над корсетом мелькала рядом с его лицом. Ему казалось, что половинки груди при резких движениях вызывающе соударялись друг о друга с деревянным стуком.

Еще она успевала успокаивать Редодю:

– Твои чувства уже превозмогли болевой шок, а вооруженный самосохранением рассудок остановился на запредельном уровне.

Редодя не испытывал никакой радости от этой неожиданной встречи. Фигура девушки, возникшая в его сознании из полутьмы и теперь в полном масштабе пересекающая его взгляд, вызывала в нём только чувство лёгкого раздражения и досады.

Он тихонько вздохнул. “Ведь это мой последний час, – подумал он. – Час, который, к сожалению, закончит мою жизнь”.

Ничего хорошего не было в том, что сознание вернулось, и приход его где-то даже застал Редодю врасплох. Вот он роковой последний час! Ах да, как не вспомнить: не с того ли самого момента, как он рванул со старта Большого Марафона, или когда, споткнувшись, получил травму?

Редодя всё больше приобретал ясность в мыслях.

Как бы в подтверждение девушка сказала:

– Биороботы не должны без неотвратимого и непредсказуемого случая завершить свою миссию на Земле. В противном случае их биораса исчезнет навсегда, а Земля вернётся к одному из своих прежних состояний первобытного хаоса...

Голос незнакомки звучал, казалось, издалека, хотя... Вот теперь Редодя прекрасно начал осознавать, что враг рядом и злорадствует не по существу.

– Приятное утро, – заметила девушка его шевеление.

Редодя хмыкнул:

– Какое уж там приятное...

– Мило в зарослях сирени лежать при таинственном мерцании светлячков.

– Да уж. Очень.

– Лучшее время суток, – проговорила она.

– Ещё звёзды на горизонте, – проворчал он.

– Где? – спросила она.

Он посмотрел и не увидел их.

В ожидании чего-то каждый молчал.

Редодя подумал о враге и ругнул себя за эту неотвязную мысль, ибо взял за правило в этот ранний час не думать о плохом, вообще не думать ни о чём, или, хотя бы, стремиться к этому по мере возможностей.

Девушка провела пальцами по его щекам, и пальцы эти были прохладными.

– А вообще-то, как тебя зовут, номер 8724916? – Голос был таким тихим и мягким, словно исходил из горла, покрытого пушистым мехом. Голос, ну, прямо как у его соседки по общежитию Малвы!

Редодя грубо ответил:

– Ты удивишься, если узнаешь, что меня зовут не “вообще-то”, а конкретно. Такие девушки с квазиэротическим типом лица всегда способны на любую подлость! Такие по натуре ближе к садисткам, чем к мазохисткам, а мне хочется наоборот. К мазохисткам у меня больше уважения.

Девушка пропустила дерзость мимо ушей и стала массировать больную ногу. Редодя тряхнул головой. Что-то тут было не так, он с полужакрытыми глазами с подозрением смотрел на нее: “Смакует удовольствие, чтобы сдать его в преисподнюю в лучшем виде”. Амазонка не могла быть сусальной реальностью и не позвать своих глумливых дружинниц. Однако не хотела исчезать, свет первого солнца стекал по ее полуобнаженным плечам и груди на подвязанную куртку.

– Открой, наконец, глаза! Все же, кто ты, номер 8724916? – Девушка снова потревожила его настойчивым взглядом.

Редодя вздрогнул, силы потихоньку возвращались к нему окончательно. Он пошевелил руками и ногами.

– Прислушайся к своим сенсорам, синхронизаторам и спутникам, – услышал он совет.

– Ничего тревожного, – ответил он, – если не считать некоторой скованности в сочленениях, как после тяжёлой изматывающей физической работы или контузии.

– Номер 8724916, – продолжала Малва, – это не сон. Скажи, кто ты, и постарайся хоть немного двигаться сам. Иначе проиграешь Марафон.

– Не проиграю, – глухо ответил он.

– Ты хочешь быть предан забвению?

– Не хочу.

– Тогда, Эр, вперёд к цели, без твоей помощи я не смогу дотащить тебя до безопасного места.

– Я не могу, – сделав неловкую попытку, признался Редодя.

– Ты уж извини, – сказала девушка, – тогда тебе нужно оперативное вмешательство.

Она достала блестящую волнистую вещь.

– Коленная чашечка, объяснила она. – Потерпи немножко.

Девушка закатала штанину у Редодя под самое бедро. Заработал какой-то инструмент, на ноге раздался скрежет, затем что-то щелкнуло, и он потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел, что нижняя часть ноги лежала отдельно от него. Затем еще несколько раз клацнуло, и Редодя стало лучше.

Она выпрямилась, и он увидел ее в полный рост. Ему стало жарко, внезапно охватило острое желание есть.

Она почувствовала это и вынула из кармана гамбургер.

– Желудок – самое слабое место у биороботов. В то время как наши головы забиты усовершенствованными нейронными чипами, он остался почти без изменений.

Редодя ответил небрежным тоном то, что рассказывали ему в школе:

– Знаю и помню об этом при каждом вдохе, набирая воздух в легкие, которые не вполне биолегкие, знаю и помню, принимая каждую порцию пищи, которую переваривает мой не вполне биожелудок.

– Я тоже знаю и помню.

– Спасибо.

– Хот-дог тебе не обещаю.

– Мне и гамбургера достаточно.

Девушка развернула сверток.

– Редодя, – кивнул он, хотя по-прежнему не верил собственным глазам.

– Распространенное имя. Моего друга зовут точно также.

И Редодя подобрел от этих спокойных, не агрессивных слов.

– А тебя как звать? – осторожно спросил он.

– Малва, – ответила она.

При этом имени он вздрогнул, и сознание окончательно прояснилось.

– Вижу, что Малва, моя соседка по квартире. Ты участвовала в интервью. Не хочу давать ему весьма нелестную, негативную оценку, но следовало бы...

– Молчи, не трать силы зря, кругом недремлющее око женщин.

– Неужели я ослышался?

– Подними руку.

Он поднял руку.

– Теперь попытайся сесть.

Он сел.

– Прекрасно. Теперь цепляйся за меня. Выход из сада рядом.

“Эта проклятая девица! Играет с ним как кошка с мышкой! Придумала мнимую помощь, чтобы избавиться от него без хлопот”.

Редодя посмотрел на Малву вблизи. Раньше он не утруждал себя ее оценкой, и даже не спрашивал возраст – не было интереса. Сейчас присмотрелся. Сначала он подумал, что ей около двухсот пятидесяти лет, но потом на всякий случай для себя уменьшил отметку до двухсот тридцати пяти. Самый продуктивный половозрелый возраст. Ширококостная, стройная, с большими темными глазами на худощавом лице.

Но подчинился чужой воле, встал, опираясь на плечо очень крепкой по отношению к его весу девушки. Сделал шаг и понял, что чувствует себя лучше, чем ему казалось.

– Ты в состоянии говорить? Отлично. Держись за меня. И постарайся не стонать. Дружинницы не спят, бродят поблизости.

Сотрясаемый слабостью и учащенным пульсом, выпрямиться под грузом своего тела оказалось выше его сил, но Редодя сделал шаг.

– Тебе не хватает адреналина для большей стабильности, – сказала Малва.

Она вынула из кармана горсть ампул с хорошо различимыми надписями, быстро перебрала их и выбрала одну, потом еще одну.

– Тестостерон тоже не помешает.

Ампулы хрустнули на его зубах.

Как стали уверенными все его движения, как начала концентрироваться энергия в мускулах?

Через пять минут Редодя стоял во весь рост и упирался на больную... нет, на здоровую ногу. Сияющая улыбка растянулась у него во весь рот.

– Если бы я предполагал, – сказал он, – я прихватил бы с собой кучу запасных частей. Только бы знать какие?

Больше всего он был уязвлен тем, что соседка вела себя непонятно как.

– Малва, признайся, в какую странную игру играешь? – спросил он. – На чью мельницу льешь воду? Как же так, что ты не узнала меня?

– Ты был так плох, что я даже не предположила.

– А если честно?..

– Конечно, Редодя, я тебя узнала, но не сразу, как стало светло.

– Почему ты мне помогаешь?

– А зачем тебе знать?

– Чтобы глубже понять психику женщин. У вас совсем крыша поехала, инстинкт продолжения рода закоротил вам мозги и сделал безумными. Ваши критические дни зашкалили их нормальное количество. Еще вчера до Марафона мужчины и женщины были друзьями, готовыми говорить друг другу приятные слова, дарить цветы, совершать взаимные уступки. Еще вчера мы ходили по одним улицам, дышали одним воздухом. Такие вот были надёжные времена. Сегодня женщины ведут себя как во время чумной эпидемии, выискивая больных, чтобы предать их огню.

– Я – тоже такая?

– Конечно. Мы сидели за одними столиками, плавали в одном бассейне, одну и ту же картину рассматривали в музее, а теперь...

– Неужели ничем не лучше? Это ты зря, если бы я не увидела твою ногу, я бы поступила с тобой, как со всеми. Ты ранен, беспомощен, терпишь бедствие, и тебе надо было оказать первую медицинскую помощь. Закон роботизации Сто Сорок Пять. Я хорошая исполнительница законов. И еще, не могу на этот фарс спокойно смотреть. Почему бы не бороться с изнашиванием органов по-другому?

– Это как – по-другому?

– Наверняка есть способ получше. И еще, почему бы не распределить репродукционное право всем по справедливости?

Малва была высокая и с высоты своего роста протягивала руку.

Редодя взял ее со словами:

– Не получится. Это то же самое, если богатство разделить всем поровну. Будут все нищие.

Он спросил себя, о каком саде может идти речь?

К счастью, в это раннее время прогуливающиеся по парку были редки, и он мог надеяться на удачу и выиграть пять-семь километров лесопарковой зоны, пересеченной аккуратными аллеями, благоустроенными и подстриженными.

Если всё проделать быстро и осторожно.

Их ноги тонули в мокрой траве, пальцы тщательно обшаривали подозрительную землю в поисках скрытых ловушек. Можно не сомневаться, что дружинники их наставили повсюду, где только позволила им фантазия и мерещатся мигрирующие, как тараканы, мужчины. Редодя уважал чужую бдительность.

Никаких других женщин-охранниц здесь не было и в помине. Утро стояло тихим и прохладным, нога всё меньше беспокоила и Редодя с удовольствием вдыхал чистый, прозрачный воздух. Строго говоря, он еще никогда не чувствовал себя так замечательно. Теперь окончательно отпал вопрос о его ущербности – наоборот, неожиданно для себя, он превратился в сверхробота, больше того – в суперробота. Нет, он думал не о том, как использовать свою силу и могущество. Ему были чужды властолюбивые амбиции. Но сознание того, что его неполноценности пришел конец, что ему теперь некого бояться, кроме как себя самого, было просто восхитительно!

Они проползли несколько метров и наткнулись на металлическую ограду. Шаркающие ноги с той стороны ограды заставили их распластаться по земле, как опавшие листья.

– А если прохожая случайно взглянет в сторону сада и увидит растянувшихся на земле мужчину и женщину друг на друге? – спросил Редодя.

– Молчи! Каким еще ужасом предстанем мы в чужих глазах? – ответила девушка.

Стояло набравшее ход утро.

– Ты выглядишь ужасно: ввалившийся рот, закатившиеся глаза, дурдом на голове. – Малва старательно поработала влажным платком и расческой по спутанным волосам его короткого парика. – Теперь двигайся сам, – сказала она и на прощание помахала рукой. – Не попадайся на растяжки, как в этот раз.

Малва была возмутительно красива, только сейчас Редодя это понял и отвернулся.

Дальше всё было совсем просто, он видел незнакомую улицу. Нигде ни души. Теперь до него дошло, что и его никто не видит и никто его не преследует.

Впереди показалась старушка.

– Явный неутешительный признак, – прошептала Малва.

– Почему ей не спится в такую рань? – спросил Редодя.

Малва пригнула Редодю вниз.

– Перебегающие путь старушки, – произнесла она, – плохое предзнаменование, хуже чёрных кошек.

Тем не менее, Редодя ощутил пьянящую радость свободы оттого, что сама по себе улица была пуста, а старушку можно обмануть. Он собрался с силами и перемахнул за ее спиной острые прутья ограды.

Чуткая старушка оглянулась вокруг и, не увидев никого, кого бы можно было позвать на помощь, бросилась к таксофону с осведомительской поспешностью филера, на какую только её старческая прыть была способна, чтобы со всеми удобствами и потрохами заложить его. Но не нашла и заметалась в поисках “тревожной кнопки”.

“Опасность!” – пронеслось у Редоди в голове красной вспыхивающей лампочкой и ревуном. Он похолодел, и в то же время мысль его заработала с

невиданной быстротой и прежней отчетливостью. Он бросился бежать, как безумный, используя преимущество раннего утра, скользя беспокойным взглядом по бесконечным улицам справа и слева.

Он услышал, как старушка злорадствовала вслед:

– Юноша! Вот насколько стимулируют экстремальные ситуации!

Когда он пробирался мимо малоэтажных домов, было всё еще тихо, никто его не преследовал. Он лег на землю, прислушался, потом, не теряя времени, снова сменил направление и повернул за угол вправо и ещё раз за угол уже влево. Как хотелось не утратить ясность логики в выборе вектора движения без всяких штурманских познаний.

Неожиданно заржали лошади и Редодя остановился как вкопанный. На земле лежали в удобных и неудобных позах амазонки количеством не меньше сотни – смерть нашла женщин внезапно, одновременно всех и практически мгновенно.

Редодя прошёлся между трупами и оценил масштаб катастрофы, от переизбытка чувств обнял ближайшего коня и заплакал ему в ухо.

– Кто надругался над ними, какая сила? Кто посмел извратить закон роботехники номер Один?

Конь спокойно позволил вести себя под уздцы между трупами.

– Характер расположения трупов беспорядочный, – у Редоди заговорил аналитический ум. – Трупы без явных следов нанесения травм, несовместимых с жизнью, и вообще без признаков насилия. Выяснить причину смерти мешает отсутствие каких-либо вещественных доказательств.

Как бы ни был он зол на женщин, представленная картина подействовала на Редодю тягостно и отрезвляюще. Он хотел было еще заплакать, но огромный ком, застрявший в глотке, не давал рыданиям выплеснуться наружу. Юноша уже обращался к коню, как к другу-собеседнику.

– Это меньше всего похоже на массовое убийство, а больше на коллективный суицид. Что бы ещё сказало об удавшемся самоубийстве? Выражение “несчастный случай” кажется мне более подходящим.

“Сделай же что-нибудь”, – подсказывал внутренний голос.

А вот и знакомое лицо – сама Гзинтра Подбельская!

Редодя склонился над ней. Ему никогда не приходилось шупать пульс, проверяя, функционирует ли биоробот, и он чувствовал себя абсолютно беспомощным, не зная, как приняться за это дело, как подступиться к девушке. В поисках пульса он протянул руку наугад и притронулся к телу Удивительно, но её грудь была теплая и под собой издавала нормальный пульс, и остальные трупы тоже были ещё тёплые. Лошади продолжали ржать. Внимательно присмотревшись, он заметил маленькое шевеление и посапывание носами, и появились другие звуки, более громкие, переливчатые, перерастающие во всеобщий богатырский гул.

Конь смотрел вокруг равнодушным взглядом и не реагировал на то, что говорил Редодя, но был внимательным слушателем.

– Трупы дышат неровным храпом, а это признак того, что они сейчас проснутся...

Только тут Ванин вздрогнул.

– Да это лагерь отдыха амазонок! Ночлежка под открытым небом! Трудно дается изматывающий душу Большой Марафон! Совсем измучились девки за вчерашний день и эту ночь, и под утро упали и застыли мертвецким сном, и теперь вот стали приходить в себя!

Скорость плюс осмотрительность!

Редодя рванул с места, что есть сил. “Если амазонки не держатся на ногах, то как же он?” – не покидали мысли его. Теперь налево и направо – два равноценных направления. Проспект тянулся по закрытой от насаждений местности, но вдаль можно было прочесть вывеску – на ней было написано “Интеллектуальное казино”. Интуиция заставила направиться к нему. По правой стороне потянулась беспорядочная череда высотных домов. Но Редодя опять не стал прятаться за ними, и хотя он совершенно не потерял присутствие духа, ему со всех сторон чудились женщины. Стройка, по которой он пронесся как вихрь, была просто грязной канавой и он старался держаться обочины, где земля была тверже.

Все больше и больше попадалось женщин, и он то хоронился от них, то увертывался, как при игре в салочки.

Но это были ещё одиночки, неорганизованные, нескорешившиеся до группировок для эффективной тактики женщины, и пешие, больше рассчитывающих на своих двоих, чем на применение в погонях транспортных средств. “Я не делаю ошибок, пока мне всё благоволит”, – думал Редодя. Как отчетливо он всё осознавал раньше до Марафона, вот так бы и сейчас! Прежде чем остановиться, он, обливаясь потом, пробежал без приключений не менее двенадцати километров.

И весь этот день, часть ночи и утро следующего дня Редодя бежал вперед, спотыкаясь о раненую ногу, а точнее, прилегая сильнее на здоровую. Почему-то амазонок на этом направлении не наблюдалось. Или это было их упущение, либо основное скопление произошло на вокзалах или в центре Москвы. Чем ближе к финишу, тем всё больше у него развивалось фобическое ощущение присутствия женщин, и он мог бы с точностью газоанализатора сказать, что чувствует их специфический запах ТЕХНОЛ №5 за версту. Прячась, он констатировал, что почти преодолел сто восемьдесят километров. Затем уже, почувствовав облегчение в ноге, выгнув круто спину, и высоко поднимая колени, удлинял шаги, как спринтер.

В конце улицы что-то мелькнуло, и Редодя ощутил в себе, что это не просто пешеходы, неспешно переходящие улицу на зелёный свет, а агрессивные пиратки в юбках, нечто таящие в себе прямую угрозу его продвижению.

Их было трое, расплзшихся тенями, и единственное, что мог сделать он – упасть и не шевелиться. Он прекрасно понимал, что любое, даже самое лёгкое движение выдаст его с головой, поэтому замер в той самой неудобной позе, в которой увидел идущих сторожей. Нахальные травинки и ветки щекотали шею и подбородок.

Тени поравнялись и совсем близко раздался голоса. Один из них был уверенный, даже басовитый.

– Они, как крысы, адаптировались, стали слишком изворотливые и непредсказуемые.

– Нейтрализация их требует всё больше времени и средств.

– Средств у нас предостаточно.

– Вот времени бы ещё... – расстроено вытянулась круглая физиономия.

– Недельку-другую...

– Я бы их замочила.

– Г-Господь с тобой!

– Не убить, конечно. Этого ещё не хватало. Замочить, а потом высушить на солнышке – вот что я имела в виду.

– Их коррозия не берет.

– Есть способы и получше. – Басовитый голос стал мечтательным.

– Например?..

– Выставить их дураками.

– О, сделать посмешищами!

– Неплохо бы...

– Не получится. На каждого не накинешь шутовской колпак.

– Очень жаль. Это был бы выход из положения.

– Жаль, что нельзя их просто взять под локотки и препроводить в достойное место. То как зайцы прыгают в сторону, то идут напролом, как медведи сквозь валежник, а мы, знай, всё сидим у них на хвосте. Увы, не очень-то обнадеживающе.

Другая поддакнула:

– Неприятно, уж точно. Они научились даже мимикрировать под асфальт.

– Ишь, умники, но не всё им сойдет с рук, не всё им будет по шерстке гладко. Гзинтра Подбельская настоящий стратег. Что она придумала? Выбирает район, окружает его тремя линиями колец из своих амазонок. Первая линия, внутренняя, состоит из пеших амазонок; вторая, средняя, – из велосипедисток, а самая наружная – конноавиамоторизованная. Ещё ни одному мужчине не удалось прорвать тройное оцепление.

Женщина вынула оперативную карту и ткнула в нее пальцем.

– А этот район?

– Под её контролем. Фланги только что после небольшой перегруппировки сомкнулись, образовав котёл для мужчин.

Редодя не мог сразу сообразить, что же ему предпринять. Придется пробираться по крышам, женщины вряд ли рискнут бегать на головокружительной высоте. От ясной формулировки голова заработала лучше и чётче. Либо он проскочит, либо сорвется и свернет себе шею между домами. Он противился этой мысли, но ничего не оставалось другого. И ее нужно было проверить в любом случае как можно быстрее. И сейчас не время медлить.

Какой красивый по архитектуре дом! Улыбка Редоди резко перешла в кислую мину, как только он увидел, что надо лезть на сногшибательный тридцатый этаж.

Не раздумывая, он стал карабкаться по стене, цепляясь за скользкие кирпичи, за выступы и выбоины.

Без видимых усилий забрался на подоконник двадцатого этажа, но решил передохнуть и осмотреться. Редодю заинтересовало полураспахнутое окно и, чтобы не вызвать скрип уключин, сжавшись до резиновости, он

протиснулся в щель, что, несомненно, потребовало виртуозной ловкости.

Труднее всего было спрыгнуть на пол, не произведя никакого шума, однако ему удалось и это. Понадобилось снова прислушаться. Шум нет-нет да доносился и сверху и снизу, и голоса не отставали, то приближаясь, то пропадая вдали по коридору. Определив направление звуков, то есть отсутствие их, он бесшумно двинулся в ту сторону.

Тишина всегда обманчива. Редодя понимал это.

Встретившаяся полуоткрытая дверь заинтересовала его. Ни угрызений совести, ни страха он не испытал, только смущение, когда заглянул туда и прислушался. В комнате находилось десять женщин в рабочих халатах и разно повязанных косынках, увлечённых странными манипуляциями – производили смешивание компонентов. Тут же по стенкам висела амуниция амазонок, а в углу стояли прислоненные металлоискатели. Одна с гладкими волосами из-под косынки с воткнутой в них розой сидела за столом вполоборота к двери и зачёрпывала, как меркой, маленькой ложечкой из широкой банки коричневую студенистую массу и очень осторожно добавляла в узкие склянки вроде тех, в которых продают уксусную эссенцию или помидорную пасту. Остальные проделывали точно такие же действия. Рядом с каждой стояли и другие склянки, как узкие, так и широкие. Наполненные, они тут же завинчивались пробками.

“Делают метательные снаряды, бутылки с зажигательной смесью!” – догадался Редодя, и его предыдущая радость установившегося спокойствия несколько омрачилась, померкла. “А если жажнет?” – испугался он.

Увлёкшись процессом, женщины неторопливо вели беседу.

– Люблю играть с огнем! Представляю результат разорвавшейся бомбы, как пойдет реакция, так брысь с ног!

– Ты просто сумасшедшая, – нарушив молчание, потерянно сообщила ей другая, – у тебя самая настоящая мания преследования мужчин. Раньше ты такой не была стервозной.

Женщина в косынке со звёздами, не оборачиваясь, ответила:

– Надо марку высоко держать. Надо уважать себя. Что за славное создание биоробот-женщина? Насколько благороден рассудком! Насколько безграничен в дарованиях! Насколько задушевен, откровенен и искромётен! Насколько выразителен и дивен в формах и движениях, а содержанием наполняет всё вокруг сущее! Насколько решителен и мужествен! В деяниях насколько подобен ангелу, а в разумениях Всевышнему! Насколько наполнен здравым смыслом! Насколько краса творения, пластики и вдохновения! Всего живущего высочайший образец!

При каждом высказывании она закатывала глаза.

Сказано это было убедительным, по настоящему искренним тоном.

Женщина с воткнутой в волосы розой восторженно поддержала:

– Я тоже всегда акцентировала на этом. Поразительно, какие чудеса творить умеет биоробот-женщина, в том числе чудеса бесстрашия и отваги.

Трудно представить существа более логичного, здраво и трезвомыслящего. Ум, честь и совесть. Нет более абсолютного, чем он. На редкость пыллив, внимателен, позитивен и нравочен. Борец с нечистой силой. Отличен чрезвычайным отношением государственных дел. А манеры, речи, воспитание, энергия...

– Да, скажу, женщина – это не мужчина...

Женщина с выбившимися волосами подняла руку.

– Чтобы не было нам скучно, поиграем в игру.

– В какую?

– Каждая продолжает мысль предыдущей. Кто не скажет ни “бэ” ни “мэ”, та проиграла и выходит из игры.

– Я согласна, – поддержала синяя косынка.

– Вот ты и начинай.

– Обладает манией целомудренности, кротости, доброты, безгрешности!

Реплики зазвучали по кругу.

– Гением небесной красоты!

– Скоростью мышления!

– Существенен, насыщенен и образен в чувствах!

– Статен, широкобедр, ясноглаз и речист!

– Не то что эти мужчины... хлипкие, неуклюжие, робкие и мелкотравчатые.

– Владеет редким даром магнетизма!

– Несёт в себе то, что недостаёт мужчине!

– В нём явное торжество духа!

– Это катастрофа – быть мужчиной! – подвела итог женщина в косынке со звёздами.

– Ну, ещё бы! – раздалась довольная реплика всех остальных.

– А мне становится ясно, – заикнулась женщина с черной косой, – что демонстрацию противопоставления полов не иначе нагнетанием напряжённости между ними не назовёшь, а химические операции, производящиеся на столах, не простая угроза всему мужскому сообществу.

– Не выступай! – зашикали на нее со всех сторон.

Редоде стало совсем неприятно, он зловеще хохотнул и гробовым голосом, направив звук на потолок, произнес:

– Создание не Бога, а Дьявола!

Женщины удивленно посмотрели на потолок, на шевелящуюся люстру, у одной косынка сползла на шею.

Женщина в косынке со звёздами сказала:

– Я продолжаю игру. Биоробот-женщина великолепен обострённым чувством к поэзии, живописи, пению, танцу, верховой езде!

– Воспет в прозе и стихах! – подхватила следующая, это была женщина с розой.

– Не повторяйся! Я уже про поэзию всё что нужно сказала, – возмутилась предыдущая и поднесла ей бутылку.

– Воспет в стихах и умение ценить стихи – это не одно и то же! – Женщина с розой сверкнула глазами, не желая дать себя в обиду, и со сжатыми кулаками грозно поднялась с места.

Женщина с выбившимися волосами встала между ними.

– Хватит выяснять отношения! Моя очередь. Самобытен в поисках всего нового и прогрессивного.

– Насколько чистоплотен в помыслах! – воскликнула успокоившаяся женщина с розой.

Она, изготавливая гремучую смесь, стеклянно звякнула посудой, и, юноша, мельком

сконцентрировавшийся на звук, заметил, что это та самая переданная ей бутылка, затем увидел, что женщина закусила губу и побледнела.

Затем откинулась в обмороке.

– Опять наглоталась парализующего клофелина! – возмущённо воскликнула синяя косынка. – Я же говорила ей, включай вентиляцию, говорила, предупреждала, что мужчину валит с ног один грамм, а она надыхалась на все сто!

– Благодаря тебе! Признавайся, что за адский состав для мужиков придумала? – Женщина в косынке со звёздами вылезла из-за стола, облачилась в амазонку и полезла драться.

Редодя был возмущён готовившейся акцией с клофелином. Последняя фраза своей откровенностью и непримиримостью повергла его в шок. Снова зловеще хохотнув, он произнес в потолок:

– Ядосмесительницы!

Женщины, увлекшись, начали кидать друг в друга бутылками. Зазвенела разбитая посуда. Женщины истошно шипели друг на дружку:

– Ядосмесительницы! Ядосмесительницы!

Чем закончилась история с обмороком, Редодя так и не узнал, потому что пора было бежать, тем более он почувствовал, что его кто-то разглядывает.

Он постарался уйти из зоны этого взгляда, чтобы через то же окно вернуться на стену. От сквозняка хлопнула оконная рама, звонко посыпались стёкла. Редодя увидел, как на подоконник вслед за ним вылезла сонная молодая женщина в одной ночной рубашке, длинные чёрные волосы разметались по плечам.

Они стояли напротив друг друга, и каждый был в оцепенении. Первой отошла женщина и истошно завопила:

– Изydi, антихрист! – И перекрестилась.

Тут же внизу наметилось движение, и донеслись женские проклятья:

– Ну, падай же! Ты, что, там, совсем умер?

Соверши хоть сейчас настоящий подвиг!

Под тем местом, где был Редодя, множественными руками натягивалось синее полотно. Оно казалось размером с поверхность ведра с водой.

Он по стене стремглав добрался до последнего этажа.

На фронтоне было множество литых статуэток пантер и слонов, и, перехватываясь по ним, он взобрался на крышу. И не сразу понял, на какую высоту его занесло, что чуть не загремел вниз. Странно было смотреть сверху вниз на всё происходящее на земле. Движение внизу словно замерло. Точечные фигурки биороботов, а также коней, авокапов, стояли на месте, и было впечатление там полной безопасности. На самом деле жуткая бездна внизу под ногами готова была поглотить любого, сорвавшегося с утлого карниза словно с трамплина.

Еще прыжок, еще один. Будто из него выкачивали все внутренности, все содержимое из желудка при полете.

Редодя перемахнул через восемь крыш, на девятой нога оказалась в окружности петли, она взмыла вверх, и он повис вниз головой, отчаянно барахтаясь в воздухе на высоте четырех метров. Так бы и висел, но он увидел

приближающихся амазонок. Даже здесь на крышах они выставили блок-посты.

– Слабо, девушки! – Добравшись гимнастическим кульбитом до петли, он успел зубами перетереть трос, как мочалку, и освободиться раньше, чем они подбежали.

Ещё несколько прыжков с крыши на крышу. Лихорадочные секунды полётов – прыг-скок с козырька на козырёк, всё ускореннее, приятнее и дальше – вызвали у Редодя такой оптимизм чувств, такое их легкое замешательство, что он потерял всякую осторожность. Новый короткий, сильный рывок удавки уже на шее с кратковременной потерей сознания, и он снова, как сосиска, болтался в воздухе, нелепо подергивая парализованными конечностями. Как ему показалось, это продолжалось одно мгновение, затем он попробовал вскрикнуть от неожиданности, но не получилось – воздух не проходил горлом. Редодя, повисев, набрался сил, подтянулся и освободился из петли не сразу, но проверенным способом и даже с раскочки оказался на другой крыше. Он дал себе слово впредь быть внимательным.

А дальше пошла площадь и поневоле пришлось спуститься. Фронтон с химерами и грифонами ничуть не испугал его, только они и в самом деле были на ощупь мерзкими и скользкими. Сосредоточенность к спуску не помешала ему услышать приближающийся сложный шум кавалькады за углом. Он не знал: на каблуках противник или в шлепанцах, на лошадях или велосипедах, на мотоциклах или авокапах – ему было все равно с кем иметь дело, он готов был к любому развитию событий.

Редодю спасло то, что женщин отвлек мужчина, неожиданно пересекший их путь. На его спине был номер 9467537. Никак Акриф Бутульгейский! Уж очень похоже.

– Стой, бугай, замри! – кричали амазонки хрипло, остервенело бросившись за ним вслед. Вперед вылетела Гзинтра Подбельская на кобыле в яблоках, красные молнии вырывались из-под ее длинных ресниц, рыжий хвост волос разметался в патлы Медузы Горгоны.

Это была ее черная сотня.

– Наконец-то мы выясним, кто ты таков и на что способен!

– У-лю-лю-лю-лю!

Колени лошади вдруг надломились и она упала замертво с пеной у рта, подмяв Гзинтру под собой.

– Ах ты дрянь, загнала очередную скотину! – крикнул Редодя и ужаснулся громкости.

Но амазонки улюлюкали, увлечшись погоней, и посторонние звуки их не тронули. Секундное замешательство, связанное с высвобождением предводительницы и пересадкой её на новую лошадь, бурую-каюрую, и погоня продолжилась.

Скрип несмазанных велосипедов, топот бегущих ног, пронесшихся ураганом перед Редодей, несколько неясных фигур перед глазами, еще неловко брошенные сети на беглеца. Между домами вынырнул аэрокар, выстрелил кошелом огромную сеть и несчастный Акриф Бутульгейский уже стоял в ней и совершал в воздухе “круг почета”.

– Нас – как перепелов, как осетров! – сетками ловят! – кричал он.

Затем кошель сбросился и Акриф забился в крепких руках женщин. Двор с модернистскими домами вокруг огласился его душераздирающими воплями, испускаемыми биороботом, явно находящимся на грани безумия.

Было занято. Сто на одного! Такого количества женщин на одном пяточке в одно время на одного мужчину Редодя не видел никогда.

Могучий Акриф ещё пытался вырваться, но руки его и ноги были стянуты сетью намертво, превратив его в мумию. Редодя убедился, как на опознании трупа, что не обознался, и окончательно признал в мумии Акрифа Бутульгейского, своего теперь недруга, и ему невольно стало жаль его, и у него невольно сорвалось с языка:

– Вот к чему приводит мужской индивидуализм.

Женщины ничего не услышали, потому что хищно склонились над Акрифом, временами отмечаясь злобными выкриками.

– Веди себя прилично!

– И достойно, как окончательно проигравший!

Редодя сорвался прочь от этого гиблого места!

Во время бега его внимательный взгляд шарил по всем закоулкам и был нацелен только на движущую фигуру, но и неподвижные тоже могли привести его к провалу.

В тени ограды и в самом деле кто-то стоял, но этот кто-то явно не принадлежал к слабому полу.

Точно. Мужчине надоело выжидать и он, выдавленный из сада, озираясь, осторожно пошёл по улице. Сухопарый, стройный, отметил Редодя, с длинным высокомерным лицом. Ещё он подумал, что вместе действовать сподручно.

– Привет, номер 7481967! – обратился он.

– Свидетельствую свое почтение! – ответил тот.

– Объединим наши усилия, – предложил Редодя.

– Ты настоящий мужчина? – вдруг спросил мужчина.

Редодя такая постановка вопроса удивила.

– А что?

– Женщины прикидываются мужчинами и ловят тех, как на живца.

– А это разве разрешено правилами Большого Марафона?

– Что не запрещено, то разрешено! – с пафосом и с каким-то смачным удовольствием ответил мужчина.

Ловушка!

Редодя сразу понял, что от этого существа в штанах и без кадыка на шее надо отделяться как можно скорее. Он оценил ситуацию и первым крикнул:

– Держи вора! Хватайте мужчину!

И тут филёрша с пронзительным воплем кошкой вцепилась в него мёртвой хваткой и повисла на его плече, пронзительно и неожиданно цепко. В свою очередь она закричала истошным голосом:

– Обнаружен объект номер 8724916! Хватайте, хватайте! Обкладывайте его со всех сторон!

Редодя пришлось применить к лжемужчине болевой отжим подбородка и рвануть в проходной дворик.

Тем благополучно и обошлось, и уже каждый последующий мужчина заставлял его сомневаться, хорониться и обходить стороной.

Очередной надвигающийся вдали женский заслон вынудил Редодю нырнуть в подъезд, подпереть дверь

доской и толкнуться в чью-то незапертую дверь полупустой квартиры. Огромный дог рычанием перегородил вход. Юноша не боялся псов с их титановыми клыками, но не хотел лишнего шума. Этаж не удовлетворил Редодю – слишком близко к улице. Он бежал по лестнице вверх и открывал двери. Не сюда, не сюда. Никто не попадался навстречу – ни мужчины, ни женщины. Надо отдать должное – Большой Марафон поистине грандиозное шоу и всех вытащил на улицы!

Когда последняя входная дверь захлопнулась, он первым делом повернул на кухню. Голод – не тётка, а жажда – не дядька! Но попытка приличная. На кухне находились несколько столов с заставленной посудой, открытые полки с кухонной утварью. Редодя увидел, что его ждут еще горячая фитюрня с курицей, фондюшница с клубникой в шоколаде, полный вазон с салатом из колбасы, бутылки вина в корзинке и минералка.

Жажда – не совсем безобидное чувство...

Стоп!

Редодя несколько секунд стоял неподвижно, пытаясь определить наиболее опасные направления – женщины капитально подготовились к Марафону и припасли немало сюрпризов и неожиданностей. Он вспомнил растяжку в парке и взмывающие петли на крышах – тогда всё благополучно обошлось. Кухня – всегда самое злчное, таинственное, заставленное хитроумными приборами место в любой квартире и поэтому туда-то лезть точно не стоит. Напичкать её невероятными ловушками проще простого. Любая крошка пищи и любая капля воды могут быть отравлены парализующим составом. О, яд, проникающий энергетическим потоком через пищевод в главные органы! Как было не знать Редодю. Он будет в сознании, но окажется обездвижен с адекватным пониманием того, что хочет пошевелиться, но не может, не может сделать ни шага, ничего из того набора, чем наделён биоробот. Не исключено, что электроприборы только и ждут случая ударить электрошоком неосторожного посетителя, а банки под крупы с яркими надписями окажутся обманками-бомбами, готовыми взорваться при первом прикосновении и опрокинуть субъекта на живот или на спину. Очень опасны капканы на большого зверя или ямы с потайным люком. А открыв дверцу шкафа, можно запросто получить струю быстродействующего газа в лицо, и хватит одного вдоха, чтобы выпучить глаза...

Следующий шаг и Редодя неизвестной силой опрокинулся на спину.

Первую минуту он ничего не понимал и только хлопал глазами.

– Это негуманно! Это незаконно! Это несправедливо! Это вероломно! Не имеете права так поступать! Это не по правилам!

Редодя замолк. Над ним никого не было, но висела люстра, источник зла, которая дымилась и качалась из стороны в сторону.

“Но разве женщин остановишь в их твердомыслии, разве им докажешь – этим инопланетянкам! Хочешь не попасться – держись подальше от кухни”, – подумал он.

С того места, откуда Редодя входил в кухню, он увидел и внутреннее убранство ванной, но ванная ему бы тоже не понравилась – слишком много бытовой техники,

всяких блестящих безделушек, наворотов и хромированных шуток, способных выкинуть какие-нибудь неприятности.

Редодя посмотрел на себя в зеркало, гордясь самим собой.

– Мне гораздо больше годится остаться свободной личностью, – сказал он сам себе, – чем, если дамочки меня переправят в общий отстойник и перепрофилируют в чучело.

Он набрался смелости и прошёл в гостиную, насколько возможно, изучая её. Комната примерно метров десять на десять, с полом, покрытым жёлтым ламинатом, со скромной мебелью: диван, стол, несколько лёгких стульев. На перламутровых стенах ряд абстрактных картинок. Такая квартирка без изысков вполне могла бы принадлежать группе каких-нибудь спортсменов, в данный момент участвующих в Марафоне, или студентам, отсутствующим по той же причине, или женщинам, возомнившим себя амазонками.

Камин проблескивал последними язычками пламени. Редодя представил его пылающим от жара. Вопреки страху налил полный стакан вина и сел у огня. Мысли его блуждали вокруг Малвы. Он не был склонен к абстрактным рассуждениям. Жизнь есть жизнь во всей своей неопределенности и сложности. Всё еще в глазах крутилась картина обездвиженного Акрифа Бутульгейского в лапах женщин.

Всё казалось кошмарным сном, от которого нужно было очнуться.

От беспокойных мыслей отделяться не удавалось. Он перешел в комнату, в которой посередине стояла кровать, да в углу пылился щербатый рояль. Кровать была невероятного размера: в высоту метр, по три метра в длину и ширину – чудовище на кривых ножках с резным изголовьем под поднятым к потолку балдахином.

Редодя, низко пригнувшись, вышел на балкон и сквозь картонные коробки выглянул на улицу. Обнаружить скопление женщин было нетрудно.

Фаталистически смирившись с неизбежным, он следил, как Малва и ее амазонки размеренными шагами подошли к обшарпанной двери подъезда, через которую минуты назад Редодя вошел в дом. Она рванула ее, затем задумчиво постучала костяшками пальцев.

Никто не ответил.

Она, как бы раздумывая, ударила еще несколько раз, но безрезультатно. И тут забарабанила, что есть силы, руками и ногами.

За дверью не отзывались.

– Он облюбовал именно этот подъезд? – спросила Малва.

– Он где-то здесь, здесь! – Женщина показывала на весь дом.

– Ты что, совсем рехнулась?

– Говорю, я его нутром чую. Он тот самый – неуправляемый, неуловимый, просто безбашенный...

Она, перевалившись наполовину через перила балкона, уже заглядывала в ближайшее окно. Редодя испытывал отвращение, когда наблюдал за ней: как хищно выгибалась ее спина, вульгарно выпячивались крутые ягодицы, напрягались мышцы икр.

– Мне нравится твоя уверенность, – произнесла Малва.

Подросла Гзинтра со своими амазонками. Она уже не была на коне, тяжело дышала, черты лица заострились. “А где её новая лошадь? Неужели успела загнать и эту скотину? Загубила бурую-каюрую!” – не мог простить ей этого Редодя.

Дружинницы на велосипедах полукругом обложили Малву и ее соратниц.

Гзинтра сдвинула на затылок широкополую шляпу, обнажив рыжий веер волос.

– Прошёл слух, что у вас тут не всё в порядке, – велеречиво произнесла она. – У вас, правда, проблемы?

Малва и её соратницы одарили её презрительными взглядами.

– Если вы не можете сами, мы это сделаем за вас, – сказала Гзинтра.

Воцарилось недоброе молчание.

– Ничего, – натягивая улыбку, ободрила она. – Через несколько минут мы извлечем мужчинку из его логова, и он горько пожалеет обо всей этой истории раз и навсегда.

Малве не понравилась самоуверенность Гзинтры.

– Этот парниша наследил и позволил себя обнаружить, он нам дорог, мы сами доведем розыск до конца и распорядимся его судьбой.

– Девушки, вы готовы! – возвысила голос Гзинтра к своим воительницам.

– Мы вымотаны до предела, – не выказали они желание ввязываться в рукопашную с такими же двухметровыми амазонками.

– Де-вуш-ки! – снова подняла голос Гзинтра.

– Мы не одну милю отмахали без усталости.

Ропот девушек не остался без внимания.

– Вперед! На стены! – Гзинтра брызнула слюной. – Но будьте осторожны. Он ловок – по отвесной стене перемещается как молния.

Они прислонились к стенкам и тяжело дышали, и их удовлетворяло даже такое неудобное состояние отдыха.

– Робот должен повиноваться командам робота – Второй закон роботизации! – прикрикнула рыжая.

– Если эти команды не противоречат Первому и Второму Законам – Третий Закон роботизации! – ответили девушки.

Гзинтра велеречиво зажурчала:

– Вы, девушки, достаточно потрудились сегодня. По-моему, еще небольшое усилие. Завтра будет полегче, борьбы поменьше, но беготни побольше. Число мужчин перевалит на единицы! Но это самые-самые, отпетые и отъявленные, лучшие из лучших и твердые экзemplярики.

Амазонка Гзинтры подошла к Малве и неожиданно нанесла удар в голову.

– Ты зачем ударила? – спросила Малва.

– Я без членовредительства. Первый закон роботизации.

– Нет, скажи, ты зачем это сделала?

– Так, не сдержалась – нервы не выдержали. Контра! – зашипела дружинница.

– Робот должен заботиться о своей безопасности – Третий закон роботизации! Получай увесистую сдачу! – Малва на удар ответила ударом. Еще она сказала: – Иди подлечись, подремонтируйся!

– Ольга, Нина, Люка! На приступ! – Гзинтра провоцировала взломать защиту любыми путями.

Девушки испуганно отошли на безопасное расстояние.

Малва подозвала из своих двух двухметровых девиц.

– Мы бы могли попробовать сокрушить дверь, – деловито предложили они свои услуги.

– Так, значит, придется ломать?

– Положись на нас, – с готовностью ответили они.

Малва мотнула головой.

– Неизвестно какие замки.

– Можно мы попробуем?

– Легче пробраться через окна, – Малва показала рукой на открытые проемы на разных этажах.

Дверь поддалась под мощным натиском, и четыре амазонки быстро взбежали по лестнице.

– Твои гончие решили обойтись без нашей помощи?

– иронично спросила Гзинтра.

Дружинницы Малвы стояли плотной группой.

– Он – лабух, – не унималась Гзинтра, – а вы с ним изволите сентиментальничать.

Из подъезда выбежали девушки.

– У нас плохие новости: он... удрал.

– Улизнул?! – Гзинтра не поверила своим ушам.

– Да. Мы обшарили в подвале дома подземный ход.

Он ведет неизвестно куда. Через него, шатун, видимо, и выбрался.

– Вы где-то допустили ошибку, – сказала Малва.

– Мы сделали всё, что могли.

– Да будь оно всё проклято! – взорвалась Гзинтра.

Из ее глаз посыпались искры. – Значит, твои дружинницы, Малва, позволили ему скрыться! Он и нас возил за нос пятьдесят километров.

Гзинтра со своими гончими с яростью метнулась от дома к ближайшему канализационному колодцу.

– А я думала, – с сожалением произнесла Малва, – мне преподнесут его на блюдечке с голубой каемочкой.

– Далеко не уйдет, все общественные места под нашим наблюдением, – успокоили ее девушки. Пусть ужасается, что острый крысиный нюх подсказывает нам, где он. И одновременно восхищается, что наша логика безупречна.

Все ждали решения Малвы.

– Я не хочу, чтобы мы морально пострадали. И не хочу, чтобы он достался Гзинтре.

– Так что делать?

– Будем торопиться. Еще раз основательный прогон по всему дому, – приказала она. – Всем вместе.

Редодя отошёл от окна и отправился в прихожую. Там прислушался. Об опасности не хотелось думать, Редодя были понятны дальнейшие планы амазонок и он с минуту на минуту ждал нашествия.

– Должно быть, это его рук дело, – заметила девица, указывая на растворенные кругом двери, сбивавшие со следа. – Если, конечно, он не превратился в невидимку...

Одна девица вышла из квартиры.

– Никого нет, предводитель, – доложила она.

Объявите тревогу по всему дому, – приказала Малва. – Этого парня необходимо разыскать и очистить от него помещения.

– Каким образом?

– Ты однажды уже не справились с порученной тебе задачей.

Послышался треск разлетающейся в щепки древесины – незваные гости ломались через дверь основного входа. Дверь и впрямь выламывали, раз за разом ударяя в нее снаружи чем-то тяжелым. И вот она поддалась, последние запоры слетели и рухнули на пол. Следом за ними туда же упала и сама дверь. Понадобилось всего две минуты, чтобы с ней управиться. Взломщик стоял на пороге. И это был не какой-то там суперробот, а амазонка Малвы...

И снова невыносимый женский запах смазки ТЕХНОЛ №5! Его легко обрести аллергическим недомоганием и трудно от него отвязаться без последствий. Неперебиваемый даже обильными духами. Ударивший в обострившееся обоняние. Государство законом по экологическим соображениям упразднило упоминание о запахах, прежде всего мужские и женские, как ненужные и противоречащие друг другу, но и как равноправные между собой. Сегодня женские непроизвольно забивали носоглотку, потому что откуда-то взявшийся тестостерон в крови у женщин был явственен как никогда. Не в пример, запах горячего асфальта с улицы казался наркотически приятным.

Удушающие миазмы, хлынувшие в лицо Редодя, чуть не заставили его потерять сознание. Ему не хотелось видеть источник этого сегодня ненавистного дьявольского запаха.

Но тут же понял, что снаружи, выслав гончую на разведку, остались дружинницы. Что ж, неплохо придумано. Мысленно Редодя даже улыбнулся, подумав о том, что одна гончая не сделает погоды, вновь потерпит неудачу – ему ее помехоподобное появление не могло причинить сколько-нибудь значительного вреда.

Когда она выросла в прихожей, он зажал ей рот и впахнул в ванную.

– Пропала Васта! – услышал он. – Сейчас будем!

Значит, остальные амазонки должны были появиться с минуты на минуту.

Амазонки появились ровно через две секунды, предварительно швырнув перед собой гранаты со слезоточивым газом. Прихожая наполнилась ядовитым сине-зеленым дымом, который вскоре распространился по всему этажу.

– Как ты посмела употребить газ? – В квартиру ворвалась Малва.

– А как его ещё выкурить?

– Но ведь газ запрещён!

– Для такого крепкого мужика ничего не жалко.

– Все средства хороши, – согласилась с ней подруга. – Чтобы ему Марафон не показался малиной.

– Всё равно не имеее права! – засверкала глазами Малва.

– Это не слезоточивый газ, он просто для задымленности, так – поугатать, и только, – услышала она оправдание.

Через несколько секунд три темные фигуры в кислородных масках с духовыми ружьями наперевес, стреляющими травматическими пулями, вошли в квартиру подобно мальчишкам, которым вздумалось поиграть в войну. Редодя снял со стены камеру и навел

на них ее глаз, и с ужасом заметил сквозь дым, что одним из взломщиков была сама... Малва.

Вблизи Малва представилась ещё более опасной, чем издали.

– Общитесь, – равнодушно распорядилась она. Голос её, как обнаружил с удивлением Редодя, оказался визгливым. Однако в нем звучала какая-то непреклонная жестокость, заставляющая людей беспрекословно повиноваться.

Видеоискатель пробивал свет амазонкам в лица, но они не обращали на это никакого внимания. Увидев Редодю, выступившего из дыма, в свою очередь нацепившего кислородную маску, они решили, что перед ними монстр и оцепенели. Кто-то охнул:

– Настоящий Терминатор! Пропади всё пропадом!

Прекрасный случай – и Редодя стремительно пропал за занавесой и, не заметив валявшийся на полу нож, случайно подцепил его ногой. Нож звякнул и отлетел в угол. Редодя замер, прислушиваясь: шум был очень отчетливым и нехлестким, подсказывающий направление побега. Однако в ответ не раздалось ни звука. Он перевел дух, но слишком рано. Скрип двери сзади, ведущей во вторую комнату, заставил его насторожиться. Ему нестерпимо захотелось распахнуть ее и посмотреть, что же притаилось там. Туда нельзя. Вот дверь, куда можно. Там не должно быть ни дыма, ни амазонок. И там уже был он. И там должен был находиться чёрный ход, который он сразу не разглядел. Редодя метнулся туда и прыгнул в дверь.

Вошли женщины. А где закамуфлированный выход? Редодя оказался в ловушке. “Черт! Ничем помочь нельзя, – подумал он. – К сожалению. Останется лишь убедиться в том, что я проиграл Марафон”.

Амазонки открыли все окна, но предусмотрительно встали возле них. Дым рассеялся. Редодя сиганул от них, а затем на кровать и не знал, куда ему откатиться – лежа в центре он был в зоне досягаемости и с той, и с другой стороны. В изголовье кровати лежала бейсбольная бита, но он даже не тронул её.

– Преступно применять биту против личности – Закон номер Один! – на всякий случай нравоучительно произнесла амазонка.

Тем не менее, она проворно схватила её в обе руки и сделала машущие движения, как будто оттачивала отбивание мячей. Свист биты у самого уха навёл ужас на Редодю.

– Это называется игра без правил! – выкрикнул он.

Амазонка, не внимая, перехватила биту в правую руку и вытянула ее вперёд, прицеливаясь.

– Сейчас выколочу оперативную память, а потом придумаю распрекрасные правила! – пошутила она.

Варианта не оставалось, как юркнуть под кровать. Редодя лежал и размышлял. И животом ощущал дыхание... чужое дыхание набивавшихся в комнату амазонок. Одна из них засомневалась:

– Где он? Это просто вымысел, плод чересчур богатого воображения.

– Вымысел не может лежать под кроватью! – ответили ей.

– А вот сейчас мы его достанем! Превратим вымысел в реальность, а трагедию одних в торжество других! – Амазонка битой подцепила свисавшее до пола одеяло и закинула его на кровать – туда, откуда оно

сползло, затем заглянула под кровать. Она выглядела волосами вниз придурковатой зачумленной замарашкой. И всё равно она ничего не увидела – под кроватью было совершенно темно.

– Вылезай, голубчик, – сказала она и махами стала наугад шарить битой. Она водила ею туда-сюда, пытаясь поймать Редодю на толстый конец.

Амазонки дружно комментировали:

– Сам не воспользовался битой – теперь пацифизм дорого обойдётся ему.

Редодя забился подалеже в другую сторону, чтобы невозможно было до него дотянуться.

– Чертовки! – огрызнулся он.

Амазонка перебежала и попыталась ткнуть его битой оттуда.

Вдруг она почувствовала, как он схватил конец биты. Она попыталась потянуть её на себя. Ей это не удалось. За биту схватились ещё две амазонки и стали тащить биту к себе изо всех сил, выкручивая её во все стороны. Биту держали очень крепко, но амазонки оказались крепче и вместе с нею повалились на пол, когда Редодя отпустил её.

– Ого, бита прокушена в нескольких местах! Любезный наш дружок, это тебе дорого обойдется, от нас теперь никуда! – услышал Редодя.

– Вы – гнусные истериофилки! – Он опять успел откатиться на противоположную сторону.

Началась волнующая игра в догонялки.

– Ну, дружок, иди сюда, мой хороший! – Другая женщина простирала руки, не доходящие до него в миллиметры, и, как кузнечик, прыгала с одной стороны кровати на другую.

– Мужланоманки! – оскорбляюще доносилось из-под нее.

Редодя ловко перекатывался по полу. Перед его глазами на четвереньках маячили женщины с тупыми и жалкими выражениями лиц.

И Малва, возможно, смотрелась симпатичной, хотя была такая же одна из них.

– Нашего любопытства хватит на тысячу мужчин! – гоготали они.

– Уродины! – вскипел Редодя.

Амазонка подтрунила:

– Красавицы тоже ни на что не способны другое, как только насильничать и глумиться над мужчинами.

– Мне противно видеть ваши одинаковые, как на подбор, продолговатые челюсти, которые как у обезьян выдаются вперед. Вот как ненависть обезображивает лица! – Редодя был не в своей тарелке и поэтому высказывал всё, что он думал.

– Когда всё для тебя закончится, мы покажемся тебе славными душечками и милыми лапочками.

– Шведский синдром! – добавила широкоскулая амазонка.

Женщинам надоело смотреть на эту комедию, и они стали дружно обхватывать кровать со всех сторон.

– Греховодницы! Шашникрутки! Старые перечницы! – Редодя могучим движением опрокинул тяжелую кровать на них и бросился вниз по лестнице.

То ли это были нужные, вовремя застигшие женщин оскорбительные слова, но удачное высвобождение произошло. Стало быть, ему бы следовало

поблагодарить Бога за свое спасение, заодно и те красивые слова.

Не успел он отдышаться в следующем подъезде, как из-за угла дома появился круглолицый толстый парень и бросился бежать еще быстрее. Такие толстые не могут быть женщинами. Редодя едва успел схватить его за руку.

– Куда безопаснее бежать?

Толстяк тяжело дышал, лицо у него было мертвенно-бледное. Он таращил глаза.

– Отстань, болван! – гаркнул он. – Они гонятся за мной! Они повсюду, они всех уже переловили!

Прежде чем Редодя успел спросить, много ли осталось участников, беглец вырвал руку и пустился наутек. Редодя высунулся, и кинулся было за ним, но тут воздух вспорол победный клич несущихся вслед женщин. На пятках у толстяка висело, по крайней мере, восемь преследовательниц, а впереди маячила неугомонная Гзинтра Подбельская. Раньше казавшаяся грациозной, она сейчас бежала как-то не резво и косолапила, словно наступала на мозоль в левой ноге. Три дня упорных преследований наложили усталостью отпечаток на ее лице.

Чертовки! Истериофилки! Мужланоманки!

Не хватало еще вложить голову в пасть тигра. Редодя пристроился за кавалькадой сзади и бежал не поспешая. Хитрая тактическая уловка врваться на плечах противника в крепость. Дай Бог, чтобы беглец протащил хвост как можно дальше. Это и в самом деле было забавно, легко и безопасно. На время. Пока не заметили, и пока толстяк оттянул на себя внимание женщин.

Ещё плюс два километра кросса. И снова Редоде пришлось нырнуть в подъезд, потому что последняя преследовательница отставала, не совладав с общей скоростью.

– К чему такая спешка? – кричала она.

Ей отвечали:

– Надо разобраться с толстяком.

Появился аэрокар и выставил на пути огромный рыболовный кошель. Беглец, не сориентировавшись, бежал по нему, как по пешеходному туннелю. Кошель оторвался от земли и медленно поплыл по воздуху. Беглец в запале продолжал нестись по инерции вперед. Кошель опустился и бедолага попал прямо в лапы молчаливо встречавшей его моторизованной группы женщин. Мужчина круто взлетел в воздух, который сотряснулся от победных возгласов, затем несколько раз перевернулся и, удерживаемый крепко руками, растворился распятым в толпе. Его истошные вопли перекрывали рёв мотоциклов и доносились к Редоде.

– Вы сделали мне подножку! – гнусавил он отвратительнейшим голосом. – А, а, а! Не щекочите меня так больно!

И снова раздался топот ног, шуршание велосипедных шин, треск моторов. Памятуя последние слова толстяка, Редодя стал судорожно вглядываться в поисках убежища. Ближайшим укрытием оказалась разверзшаяся посреди улицы воронка промытого асфальта. Она напоминала скорее лисью нору, однако он сумел в ней уместиться, собравшись в клубок и спрятав голову. На всей планете не найдется такой глубокой расщелины, в которой бы преследователи не смогли

отыскать биоробота. Значит, единственный шанс остаться незамеченным – продержаться под асфальтом как можно дольше и чтобы по нему не прошлись с металлоискателем, чтобы на него никто не наступил и ненароком не наехал асфальтоукладчик, и край чтобы сам собой не обломился.

Ждать долго в яме, как угодившему в неё волку, было мучительно больно. Ещё больше коробила мысль, что его оскорбительно выволокут за шиворот.

– Толстяк уже приходит в себя, – Редодя услышал чей-то голос, а второй, низкий и глубокий, с чувством размеренности произнес:

– Здесь в радиусе где-то второй. Инстинктом чую. Они по одному не ходят.

В наступившем молчании Редодя отчаянно пытался сообразить, что это означает.

– Нет, мы точно отшибли ему всякое желание! – заметил третий голос. – Теперь он не высунет нос до конца Марафона.

– В настоящий момент он из активного участника превратился в пассивного наблюдателя, – поддакнул второй голос.

– Если все выйдут из игры – кого ловить? Нет, нам это невыгодно.

– Надо совместить их интерес с нашим, и гнать их, гнать, как волков, на егерей.

Мысль о том, что он попал в засаду, прорезала лоб Редоде глубокой складкой. Вдыхая горячий запах асфальта, он почему-то чувствовал присутствие горячего тела Малвы рядом с собой. На всякий случай напряг ноги. И в самом деле, надо снова пробираться на крыши. Там опасна высота, но не преследовательницы.

Женщины-недотёпы, удивительно, даже не заглянули в прореху на асфальте, и Редодя с глупой гордостью, что перехитрил их, почувствовал на минуту свободу.

Новый приближающийся топот и Редодя краем глаза выглянул из воронки. Расстояние между ним и женщинами медленно сокращалось. Теперь оставалось не больше тридцати метров.

Он поспешно пригнулся, зацепившись зубами за скользкий край асфальта. В голове почему-то от лягза зазвучал хор ангелов.

Зафырчал асфальтоукладчик, и к счастью распугал амазонок.

Опасность миновала.

Потом он выглянул и выполз из своего укрытия.

Как Редодя и надеялся, его не заметили. Воздух перед ним мерцал и колебался, как нагретые слои над раскаленной мостовой. И он был доволен собой. Его никто не видел не слышал. Никто не обонял не осязал его. Иначе он был бы выключен из борьбы уже сейчас.

Аллея кончилась двором и навстречу вылетела толпа женщин. Кольцо окружения снова сжималось.

– Здесь где-то ближайший проход! – кричали они.

Опередив их, Редодя через вентиляционное окно проник в помещение и затаился в кладовой, набитой театральным реквизитом. Это убежище очень пригodiлось ему.

Голоса между тем не умолкали.

– Вы кого-нибудь видели?

– Никого.

– Лифт? – Визгливый выкрик раздался совсем рядом.

– Еще чего? – Высказанное сомнение одной из преследовательниц было в пользу Редоди.

– Он в лифте! – нервно настаивала другая. – Обрубить трос?

– Ты шутишь? Закон роботизации номер Один: робот роботу не может причинить вред. Операцией команду я. Теперь он от нас и так не уйдет.

“Стройте, стройте гнусные планы!” – вызывающе подумал юноша, удобно устроившийся среди платьев и слившись с ними по фактуре, как бабочка на коре дерева.

– Ищите его! – раздался истерический голос почти девочки. – Или он обедеет нас вокруг пальца.

– Заткнись! – Предводительница двинулась по лестнице. – Взгляните, что там наверху. – Она подозвала к себе двух амазонок и зашептала им на ухо. – Произведите тщательный осмотр места.

Между тем, внизу звонко заскреблились ключами. Скрипнув, отворилась дверь. “Охотницы” осторожно приближались.

– Ну что там?

– Пока ничего.

Редодя затаил дыхание. Облизал губы. На лбу выступил липкий пот. Невидимыми острыми иголочками покалывало всё тело.

– Ну что? – спросила предводительница вернувшихся женщин.

– Что – ну?

– Есть следы?

– Здесь темно.

– Пойду взгляну.

Редодя прислушивался к ее приближающимся шагам, как она самоуверенно стучала каблуками, чтобы отогнать от себя страх и нагнать на него.

И глазам удивленного Редоди предстала Малва. Лицом к лицу. Дело и правда принимало серьезный оборот.

– Привет! Ну вот, мы опять встретились. – Её слова прозвучали угрожающе. – На этот раз амнистии не будет.

Он схватил Малву за руку и грубо развернул к себе. Она размахнулась и попыталась ударить его, потом неудачно лягнула воздух и внезапно оказалась лежащей на полу. С минуту она кусалась и царапалась, как дикая кошка. Но сейчас, лежавшей смирно, Редодя не доверял её покорной позе. Хотя он опутал ей руки за спиной тряпкой и прищемил ноги, она в любую минуту могла выкинуть какой-нибудь номер. А ему вовсе не хотелось бы снова её усмирять.

– Акриф Бутульгейский вернётся, – сказал Редодя.

Малва покачала головой.

– Сомневаюсь. Он тупой как валенок.

– Не верю, что Акриф в лапах женщин. Это спортсмен, качок, блондин, не чета мне, брюнету худощавого телосложения. Хотя неумная фантазия у женщин распространяется на всех, даже рыжих.

– Как закономерность, неуверенно стартовал, плохая ориентировка на местности, и в дальнейшем его преследовали неудачи, а точку поставила бешеная Гзинтра.

– Но мы не поставили на нём крест.

– В лучшем случае плетётся в хвосте колонны военнопленных, – медленно произнесла Малва.

– Нет, не согласен! Он уже в бегах, только его и видели.

– Он уже значится по другому списку, если это то, что ты имеешь в виду.

– Тогда почему? Почему он там числится?

– Тому виной наше сострадание, то есть отсутствие к нему сострадания.

– Вы не можете об этом знать, – резко заметил Редодя.

– И, тем не менее, ему не позавидуешь.

– Это свершившийся факт?

– Ты тоже одинокий волк, как и Акриф Бутульгейский, твой жребий жалок.

Редодя фыркнул.

– Ещё посмотрим.

– У тебя такие же ничтожные шансы, как и у него когда-то были.

Редодя уселся Малве на живот.

– Теперь ты сделаешь то, что я скажу, – сердито сказал он.

Малва повернула голову и выплюнула грязь, попавшую в рот.

– Чего ты хочешь от меня?

– Быть послушной.

– Как бы не так!

Эта дикая кошка не желала себя усмирять, и Редодя выдвинул ультиматум.

– Я спрячу тебя глубоко, и ни одна живая душа не будет знать, где ты.

– Бесплезно, – предупредила она, – вас осталось от силы несколько десятков, да и те обречены.

– Ты тоже исключена из воспроизводства, Малва.

– Ты бесперспективен, Редодя, как ты не поймёшь.

Он задумался – ситуация была обоюдно проигрышная.

– Давай договоримся, – предложила она.

– Чего ты хочешь?

– Разойдёмся, как в море корабли. Ты меня не знаешь, я – тебя.

– Ну уж нет! Меня устраивает твоё беспомощное положение.

Малва, вывернув руки от пут и собрав силы, сбросила Редодю с себя.

– За мной, девушки! – Вжав голову в плечи, она первая рванулась вперед.

Это предложение прозвучало призывом для всех.

Малва как будто не замечала Редодю. Или делала вид, что не замечает. Ее глаза были устремлены вперед на другой дальний план, выискивая жертву. Она показала рукой вдаль и голосом, срывающимся от ликования, крикнула:

– Номер 8724916 на горизонте!

Женщины бросились вдогонку в том направлении, а Малва сказала Редоде как бы вскользь:

– Коридор для свободного прохода открыт.

– Спасибо тебе.

– А теперь прощай и в третий раз, уже последний, не попадайся мне, – сказала девушка.

– Ты можешь нейтрализовать меня здесь на месте, – поинтересовался Редодя.

Малва небрежно ответила:

– Когда речь заходит о мужчинах, женщины готовы поверить практически чему угодно и пойти на последнее средство, если в дело замешан основной инстинкт. Но с тобой особый случай.

– Но почему ты со мной играешь как кошка с мышкой?

– Потому что, увы, у тебя ничего не получится, а на одном тебе программу не выполнишь, и ты один в поле не воин.

– Малва, не глюч!

– А ты не выпендривайся и используй еще один шанс!

– До встречи в РЦ! – произнес Редодя, исчезая за вешалкой с расшитыми блестками костюмами.

Редодя в который раз возблагодарил судьбу. Он стал копаться в стеллажах, выкинул из них большую охапку одежды, поднял юбку и примерил. Короткая. Последняя оказалась длинной, но это лучше. Набросил на голову огненно-рыжий парик с длинными волосами, а на плечи – цветную накидку с ланталоновым покрытием, надел туфли с высокими каблучками, перехватил дамскую сумку-котомку в тон через плечо. Взгляд выхватил себя в зеркале. Чего-то не хватало. Добавил маленький макияж с губной помадой и тушью. Времени не было на самолюбование – пора смываться. От предчувствия счастливой развязки по коже побежали веселые мурашки.

– Как ты хорош с ярко-пунцовыми губами! – Неожиданно возникла Малва.

– Ты разве не ушла? – спросил он.

– Как видишь.

Редодя навесил еще бижутерии.

Малва произнесла:

– Недурственно! Экстравагантно! Ослепительная барышня!

Редодя тоже понравился сам себе.

– Ну как? – спросил он Малву.

– Нормально! – Лучшей похвалы Редодя не слышал.

– Тогда прощай!

– Надеешься таким образом выбраться? – произнесла девушка как можно мягче.

Редодя не ответил. Он всматривался в амазонку.

– Мордашка у тебя и в самом деле ничего – шелковистая кожа, крупный рот, маленький нос, широкие скулы, четко выделенные и высокие, и ямочка на правой щеке. Но, честно говоря, не в моем вкусе.

– Не дразни зверя, – предупредила девушка.

– Потому что у Гзинтры дела идут лучше, чем у тебя.

Малва оскорбилась:

– Тебя возьмут на месте.

– Неужели я должен только бегать от вас и ничего другого. Наверняка можно придумать способ получше. Больше шансов на успех.

– Твое сейчас костюмированное переоблачение в женщину – это игра в азартные игры, и тебе пора взвешивать свои возможности честно и непредвзято. – Малва, опередив, открыла дверь и вышла.

Редодя напряг свои усталые стопы, чтобы побежать дальше. Он встал на негнувшиеся ноги из-за неудобства туфель на длинных каблучках.

– Какой болван их придумал? – обиделся он. – Этому олуху самому бы встать на шпильки и подвернуть лодыжку!

– Времени на самолюбование нет, – предупредила девушка. – Сейчас мы расстанемся, а дальше ты сам кузнец своего счастья.

Редодя и Малва выжидали в подъезде некоторое время, напрягшись всем телом. Затем он повернул ручку и смело вышел. Он заметил спины удаляющихся на велосипедах женщин. И рассмеялся. Велосипеды поражали многообразием, были и с огромными колёсами, старинные, цирковые, и трёхколёсные.

Высунься он минутой раньше...

Редодя двинулся по аллее вслед за быстро идущей девушкой, беспокоясь, что не успеет за ней.

– Не так скоро, Малва! Ты по возрасту выглядишь явно из маститых девиц, хотя малолетка до 250 лет, если судить по твоим коротким, не разработанным шашкам, но физически развита...

Времени для дальнейшей аргументации не хватало.

– Меньше пустых слов, – нахмурилась она. – Сейчас мы расстанемся, а дальше ты сам кузнец своего счастья.

За углом дома она дала знак, чтобы он окончательно отстал от нее.

Наконец-то я выясню в этом одеянии, что, значит, быть женщиной! – Редодя хрипло рассмеялся.

Малва немножко подлила масла в огонь.

– Быть может, ты небездарно изобразил женщину, перевоплотился основательно, даже чересчур. Это ничего, но на это есть сомнения, как бы не переиграть роль. Перед тобой умный, утонченный противник, знающий себе цену и досконально мужчин. Чуть-чуть перетянешь гайку, и заподозрит неладное.

Редодя в эту минуту лихорадочно искал из множества правильный вариант. Хотя...

Тут он расправился во весь свой рост.

Всё, что предпринял Редодя далее, было проделано стремительно и без малейших колебаний, будто он действовал не по наитию, а исполнял ясный, тщательно разработанный план.

Скоростная многопутка.

Такое решение окрылило его. Пожалуй, сейчас оно было самое благоразумное.

Магнитные стрелы были повсюду. Они сходились и расходились. Осторожно переступая через них, он направился на другую сторону. Мощный локомотив, стоящий во главе груженных авокапами платформ, дал сигнал к отправлению, быстро набирая скорость, покатился к туннелю. При виде движущегося состава у Редодя перехватило дыхание, и он вскочил на подножку. Чисто по-мужски. Несколько амазонок отреагировали молниеносно, но момент был упущен. Хорошо, что женщины только его и видели. Несколько десятков километров пути было выиграно, пока направление состава совпадало с направлением Большого Марафона. Взгляд пробежал вдоль движения. Кругом плакаты, призывающие пить квас. Вот аптека Смирнова, а на ней аршинными буквами плакат “Большой Марафон выигрывает сильнейший!” А вот переплетная мастерская Друзенкова. Напротив – склады. За ними – магазин авокапских запчастей Кнышева. Дальше – ресторан “Париж”. Еще дальше – ателье по пошиву верхней

одежды Шустикова, а в подвальчике – винная забегаловка “Дуреман”.

Поезд замедлил скорость, и Редодя спрыгнул на ходу, кувыркнувшись по откосу несколько раз. Довольно удачно. Тяжело дыша, прощупал себя. Были только ссадины, накидка порвалась в одном месте, остальное – в порядке.

Знакомая улица преобразила его, не оставив от прежней угрюмости даже следа. Глаза сияли, на губах играла счастливая улыбка оттого, что всё пока складывается даже лучше, чем надо. Вряд ли он смог бы выразить свои чувства словами. Отсюда, с этой точки города, легче всего сделать оставшийся марш-бросок в пятнадцать километров.

Импровизированные маленькие шажки, высокоподнятая грудь и гордая осанка не привлекли внимание к нему женщин. Редодя шел женской походкой, стараясь никуда не смотреть, только вдаль. Под футболкой угадывалась хорошо развитая грудь, но никто не знал, что она накладная. Похоже было, что женщины слишком поверили спектаклю, позволив ему одолеть еще несколько километров.

Главное, стараться не выходить из образа.

“Несносные женщины”, – каждый раз думал Редодя, проходя мимо них мило улыбаясь, а отходя, с раздражением сплевывал сквозь зубы.

Эта приобретённая способность не выходить из образа очень помогала. Он даже не повернул головы, когда мимо него пронёсся мужчина, а за ним урчащая моторами, скрежещущая велосипедными педалями, сопровождающая ржанием коней кавалькада амазонок. Глумливая публика состояла из анархисток. Они свистели, заложив пальцы в рот, и потрясали чёрными хоругвями с черепами.

Последняя крикнула ему:

– Присоединяйся! Мужчин на всех хватит!

Редодя сразу смекнул, что в женской одежде он сам может участвовать в поимке мужчин, чем уберёт часть конкурентов, да и ворвётся на плечах противника на Красную Площадь.

Ноздри его задрожали, и он рванулся вдогонку. Обогнать женщин было делом техники, а далее он решил на зацеп, и мужчина через подставленную ногу кувыркнулся несколько раз.

Редодю признали своим и он стал предводителем анархисток. За какой-то час он записал в свой послужной список двадцать четыре биоробота. Он их вытаскивал из канализационных люков, доставал из-под земли, выуживал из воды. Он приобрёл собачий нюх, рыскающий взгляд гиены и страусиное вытягивание шеи. Ни один мужчина не ушёл. За каждый успех его прославляли организованными скандированиями:

– Робот роботу – друг, товарищ, брат!

При входе на очередную площадь раздалась сирена – сигнал тревоги. Из проезжающих авокапов и пролетающих аэрокаров раздавались обращения:

– Половая идентификация! Проверка! Чистка наших рядов!

Что за проверка? Что за новая напасть? Чтобы сбить с толку и заставить его совершить ошибку? Как нектати, когда до Красной площади рукой подать! Редодя испуганно прислушался.

Он глянул на часы – показывало двенадцать второго. Потеря времени была нежелательна.

Женщины вдруг остановились и стали раздеваться догола, а он не знал, как в этой ситуации поступить. Тела местами уже отсвечивали металлическими отливками от множества глянцевого белых заклепок.

Редодя засмотрелся на редкое зрелище.

И непроизвольно расхохотался. Он был прав в своем нелицеприятном мнении о женщинах: они все одинаково... глупы или дуры набитые, другого не дано! Здесь мысль его уплыла от прямолинейности и раздвоилась. Непонятно почему у него поднялось настроение.

– Невольно оцениваете юмор ситуации? – к нему обратилась брюнетка. – Совсем не до смеха, среди нас, возможно, есть внедрившиеся мужчины!

Вокруг Редоди с серьезным видом стояли раздевающиеся амазонки.

Блондинка добавила:

– Никакого юмора нет. Тем более, до Красной площади рукой подать! Вы лучше начинайте.

– Видите, я снимаю юбку, – обернулась к нему брюнетка. – Делайте, как я. Если вы честная женщина, вас не ждет неминуемый крах разоблачения.

Он неуверенно снял накидку с плеч, дальше наступала его последняя мистификация.

Брюнетка подзадорила.

– Вы можете поддержать этот порядок или возмутиться порядками, но, в любом случае, порядок есть порядок, хорош он или плох, нравится или не нравится.

Редодя смотрел на женщин и в голове его проносился ворох мыслей. Это была его последняя мистификация. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять больше наглости, например...

Но его выдадут...

Словно в ответ на свои мысли блондинка объяснила:

– Не бойтесь, если мужской голос выдаст вас с головой. Если не голос, то мохлястые ноги. Это ни о чем не говорит. Женщину свидетельствуют присущие только ей одной явные признаки...

Брюнетка увидела заминку.

– Мадам, вы слышали, – сказала она, – среди нас затесались мужчины, они подрывают нашу сущность изнутри.

Говоря это, она торопливо длинными пальцами, как у пианистки, прошлась по своим пуговицам, обнажила ворот, подавая пример. Раздеваясь, платье у нее было над головой, руки внутри, и она, демонстрируя свой живот с глубоким пупком и блестящим пирсингом на нём, ничего не видела. Чашки лифчика напряглись, ткань затрещала и лопнула, представив округлости обнаженной натурой.

И тело Редоди поступило иначе. Все произошло в считанные секунды. Помимо своей воли, когда уже все женщины, обратив внимание, повернулись к нему, он бросился на велосипед и набрал скорость.

“Скорее прочь! Подальше от этой проклятой площади!”

– За ним, быстрее! – услышал он. – Догнать его и задержать?

– Почему бы и нет? – Визг ни в чём несомневающих женщин забил уши.

И на этот раз обошлось. Он вырулил к Москва-реке и хотел кромкой берега уйти от любопытных глаз. Попадались отдельные кучки женщин, в купальниках нежившихся под солнцем на бетонном парапете. Неожиданно он напоролся на шлагбаум, наспех сооруженный из брёвен. Пришлось слезть с седла.

Снова раздалась команда:

– Половая идентификация! Чистка рядов!

И женщины стали раздеваться догола.

“И сюда сообщение дошло”.

– Ну, раздевайся! – отвлеклась одна из женщин, шатенка с запрокинутой за спину шляпкой из желтой соломки.

Столб – он и есть столб. Редодя стоял как вкопанный.

– Вы позволите? – сделала она попытку поднять юбку у него.

“Засветился, – подумал он, – достали”.

Как ни странно, но Редодя сохранял абсолютное спокойствие. Для биоробота, так редко сталкивающегося с экстремальными приключениями, он вел себя на редкость хладнокровно. Он сам удивлялся собственной выдержке. Раньше Редодя не раз спрашивал себя: как бы он повел себя в той или иной критической ситуации? И не угадал бы. Их не было, и нельзя было проверить себя на прочность. Сейчас, когда страсти накалились, когда вокруг столько амазонок, когда они во всех женщинах подозревали мужчин, он с удивлением обнаружил, что ничего не боится.

Как было приятно за себя.

– Абсолютное спокойствие здесь неуместно, – услышал он слова, направленные к нему. – Вы не умеете держать себя в критической ситуации.

– Это мужчина! – злобно сказала соломенная шляпка и загоготала. – Сэр, надеюсь, мы не оскорбили ваших мужских чувств?

– И достоинств, – добавила другая.

Редодя стоял как соляной столб.

– Окажите любезность, – попросила шляпка. – Продемонстрируйте, пожалуйста, парик, поднимите подол, стяните штаны и спустите трусики до самых шиколоток. – Она за руль удерживала его велосипед.

Как не хотелось расставаться с широкими, красивыми в горошек с рюшечками и тесёмочками штанами. Редодя подчинился, приподнял парик, засветив лысину, и вытащил изо рта искусственную челюсть.

Женщины из страха отпрянули неожиданно, шляпка даже упала в обморок.

Это секундное замешательство позволило поправить огненно-рыжий парик со спиралевидной причёской, подобрать подол юбки и сорваться с места. А уж преимущество его в беге было подавляющим, что не надо было оглядываться и думать о том, чтобы нырнуть в кусты, которые попадались в изобилии.

А далее он провалился в подземный люк.

Редодя вылез в ядерном реакторе среди поднимающихся графитовых стержней. Все сотрудники ходили в серебристых радиационнозащитных костюмах. Редодя тоже. Его выдавали открытые высокие каблуки, но сотрудники были заняты и не замечали этого.

Накал борьбы Большого Марафона не проявлялся здесь ничем. Редодя ходил среди приборов и из любопытства нажимал на первые попавшиеся кнопки. Раздавались шумы включенных двигателей, приборы показывали, что поднимаются температура и давление. Тем не менее, среди персонала не было паники. Редодя стало неинтересно и он предпочел риск спокойствию.

Редодя снова попал на улицы. На этот раз он первым подошел к группе спокойно беседующих женщин и приказал:

– Раздеться! Сорок пять секунд! Половая идентификация! Чистка рядов!

Что удивительно, через минуту они стояли нагишом, а Редодя прохаживался вдоль строя и нравоучительно говорил:

– Женщины – это та часть сознательного дисциплинированного населения, которая безропотно выполняет приказы. Мы – женщины, ответственны за полную локализацию мужчин. Мы – женщины, не имеем права на ошибку. Мы – женщины, должны избавиться от головотяпства. Мы – женщины, против любого шапкозакидательства. Мы – женщины...

Его спугнула подбежавшая амазонка, приказавшая:

– Предпочтения никому! Всем-всем снять с себя одежду, всем до единой! Половая идентификация! Чистка рядов!

И снова в бега.

Потянуло прохладой. Смеркалось, и улицы озарились сотнями сигнальных огней. Сумерки наложили на мир удивительные, торжественные и таинственные тени, и Редодя растворился в них. и всё смотрел на небо. Однако там виднелись одни только звезды, Ночь застала его в котельной среди горячих труб. Когда окончательно ночь набрала силу, он подбивал итоги, в общем-то, удачные, он преодолел основную часть Большого Марафона, остались какие-то жалкие несколько километров, сейчас надежно схоронился, а рядом слышались лишь редкие голоса женщин, мечтающих об успешном завершении завтрашнего дня и в перспективе подсчитывающих бухгалтерию, сколько мужчин еще нужно поймать для полной победы.

– Как же! – переругивались голоса. – Мужчины с нетерпением ждут утра.

– Как бы не так!

– Наслаждаются, отдыхают!

– Еще бы! Это их последняя бесславная ночь!

– Считают до ста. Бросают и начинают считать снова.

– Неправда! Поднялось нервное напряжение, душный воздух ночи разморил их совершенно.

Редодя наслаждался, отдыхал и с нетерпением ждал утра.

Время тянулось медленно. Он по совету женщин сосчитал до ста. Подождал. Начал считать снова. И бросил. Как ни велико было нервное напряжение, душный воздух ночи, в конце концов, и в самом деле разморил его. Он это понял, когда встрепенулся от сна, открыл глаза и попробовал бороться с дремотой.

Ждал и не двигался.

Утро наступило не слишком быстро. Стоял гул прокачиваемой воды. Редодя проснулся усталый, дремота среди труб не освежила его. Он не слышал

ничего, кроме тяжелого собственного дыхания и биения сердца.

Обстоятельства требовали от него какого-нибудь решения, лучше плана.

Не задерживайся! Вперед!

А там...

Пора!

Подозрительность в среде женщин была велика. Первая же попытка проскочить очередную улицу небрежным шагом светской дамы началась с того, что с него блуждающие охотницы за черепами и коллекционерши всего блестящего, прохладившиеся от бездействия, сорвали накидку и серьги, порвали юбку, обнажив волосатые ноги, отсвечивающие отходящим от мышц полиникриловым блеском.

Он еще пробежал полкилометра. Инстинктивно Редодя огляделся вокруг, он стоял между двух группировок, готовых вырвать друг у друга ценный трофей. Едва не расплакался – до Красной площади было полчаса хорошего бега. Неужто ему ничто не поможет?

Две мощные женщины от обеих конкурирующих сторон одновременно отбросили в сторону металлоискатели и вышли навстречу друг другу. Такие телки руками задушат, очень даже запросто и без зазрения совести. Редодя узнал в них Гзинтру Подбельскую и Малву Гурину. Глаза их закатились и налились кровью. Они вразвалочку медленно подходили к нему, желая вызвать в нем страх и замешательство. И панический рывок в свою сторону.

И... начали бороться друг с дружкой.

Гзинтра Подбельская выглядела старше с тяжелым красным блеском в глазах, похожая на львицу, явно была крупнее и, очевидно, сильнее, но выглядела медлительной и неповоротливой. Малва Гурина напоминала пантеру – гибкая, маневренная, с быстрыми хитрыми глазами, мягкими, как лапки у кошки, руками. У нее были сильные ноги и маленькие груди. Редодя сразу решил, что эта, крепкогрудая Гзинтра, имевшая преимущество в росте и силе, станет победительницей.

Они выбрали вид борьбы – бой без правил. Гзинтра, не целясь, широко размахнулась ногой и ударила свою соперницу в живот, а когда Малва согнулась от боли, еще одним ударом по туловищу уложила ее на землю. Причин для особого беспокойства у Редодя не было – он видел, что Малва притворялась: в то время как Гзинтра била ее ногами по ребрам, она яростно сверкала глазами.

В какой-то момент Малва резко обхватила руками колено Гзинтры и ударила головой в живот. Гзинтра вскрикнула от боли и попыталась освободить ногу, но было поздно. Малва встала на колени, потом поднялась, все еще держа ногу противницы, затем быстрым движением опрокинула Гзинтру наземь и тут же прыгнула на гулко упавшее тело.

Однако Гзинтре удалось прикрыться локтями и коленями – и сбросить с себя Малву. Она поднялась с земли и снова пошла в атаку. Сильными руками она обхватила соперницу за плечи и прижала к своему туловищу. Малва пыталась орудовать ногами, но это плохо получалось в воздухе. “Теперь Гзинтра победит”, – решил Редодя. Он не хотел попадать в лапы ни Гзинтры, ни Малвы. Неожиданно Малва сделала подсечку. Гзинтра в падении схватила ее за волосы, пытаясь прыгнуть голову и ослепить соперницу, но тем

самым высвободила Малве руки, которые тут же с ударами пошли в дело.

Девушки снова отпрыгнули друг от друга. Их тела блестяли от пота. Они, тяжело дыша, устало кружили по площадке и, воспользовавшись передышкой, сбросили с себя последние обрывки одежды.

У Редодя перехватило горло, когда он увидел в заклепках глянцевые обнаженные тела, и он напрягся. Девушки, скалясь и хрипя, все еще кружили в медленном танце по кругу. Обильный солнечный свет озарял их круглые груди и девичьи бедра.

Редодя настолько увлекся накалом схватки и восхитился драматизмом борьбы, что захлопал в ладоши, а подсказкой подбодрил Малву.

– Вперед! Крепкогрудость у женщин признак слабого тела!

Снова Гзинтра ударила кулаком первой, и ее удар достиг цели, но Малва, устояв, ответила мощным кинжальным броском ноги в живот, а когда Гзинтра, закричав от боли, переломилась пополам, добавила еще серию ударов. Гзинтра упала на колени, пытаясь защитить руками лицо, но безуспешно: усевшись сверху, Малва вывернула ей локти назад.

Понадобилось всего пятнадцать минут, чтобы молодость и ловкость победили, Малва Гурина придавила Гзинтру Подбельскую к земле и та захрипела.

“Оказывается, и в самом деле крепкогрудость у женщин признак слабого тела!” – признался сам себе Редодя.

Дружинницы Малвы Гуриной теперь сходились вокруг него. Их агглюцинирующие взгляды не предвещали ничего хорошего. Редодя принял стойку боксера – предстояла схватка за право выживания.

Вдруг Гзинтра невероятным движением сбросила Малву со спины и схватила свой металлоискатель, Малва тут же своей. Они проявили чудеса фехтования, где стороны были равны.

Но вот женщины приготовились накинуть сеть. Это было серьезно. Двигаться к цели, во что бы то ни стало. Две сети накрыли друг друга, но не Редодю. Ноги с бешеной скоростью отталкивались от асфальта. Накинутая с третьей попытки сеть чуть не оборвала победную поступь и Редодя невероятным усилием воли прорвался сквозь окружение.

Бежать! Глаза буквально выскакивали из глазниц.

Дружинницы пустились за ним вдогонку, кто на лошадях, кто на велосипедах, кто на мотоциклах, но Редодя чувствовал прилив сил, когда море по колено. В нем снова вспыхнуло торжество духа: он летит словно на горячем скакуне, а за ним несется погоня: топот ног, цокот подков, ржание коней! Но гончим его не догнать. Он не оборачивался, опасаясь какого-нибудь подвоха. Странное спокойствие охватило его, да, он летел, именно, летел, а не тянул ноги по земле.

Расстояние между ними, как ни странно, не росло. Но, женщины были крепким орешком. Редодя вырывался из цепких рук женщин, что даже краги с кошками им не помогали, рвал в ошметки сети, смертельно устал, тараном сметая всё на пути, даже мотоколясочниц раскидывая в стороны и опрокидывая авокапы, дергая за шасси аэрокары и они клевали в землю носом. Откуда только брались силы? Устал и телом и душой. Ныли руки, путались мысли и не

слушались ноги. Белесая хмарь на глазах застилала его взор подобно горячему туману. Всё бы, кажется, отдал, будь хоть капелька сил. Редодя зло и неистово рвался вперед, поминутно меняя галсы, делая три километра для того, чтобы продвинуться к Красной площади на один.

И громко на ходу проклинал себя последними словами:

– Пусть мир катится в тартарары! Будь проклят этот Марафон! Вместе со всеми агглюцинирующими женщинами! Будь я сам трижды проклят за участие в нем!

Каким-то образом второе дыхание еще работало. Редодя мысленно благодарил его и умолял помочь продержаться еще хоть сколько-нибудь. Он погнал от Садово-Спасской, он пробирался мимо ярких витрин магазинов, распахнутых дверей баров, не имея возможности забежать в их тишину и умиротворенность, чтобы не нарваться на засаду. Перешагивал через обрывки бумаги и прочий мусор, гонимый ветром, перелетал через бетонные блоки, расставленные предусмотрительными амазонками повсюду. Он не упустил поворот и повернул влево к мосту, а дальше на Васильевский спуск...

Ванин помнил ещё, как в приливе необузданной ярости, плотно сомкнув губы, он двигался словно во сне, как был похож на регбиста с “дыней” в руках, совершившего длинный рейд от своих ворот и приземлившего ее в зачетное поле. Дальнейшее помнил плохо.

Оглушительно били по мозгам огромные часы. Неужели лондонского Биг Бена? Что-то подсказало, что это Кремлёвские куранты.

– Чертовски удачный финиш, – сквозь полусознание услышал юноша. – Это признак настоящего мужчины. Хорошее потомство от него будет.

Редодя открыл глаза от резких звуков финишных фанфар и этих слов. Он лежал на брусчатке, над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Главный судья.

– Что со мной? – прохрипел Редодя.

– Отдыхай. Еще немного – и было бы поздно. Ты дополз вовремя. Твой последний путь был замысловатым лабиринтом, паутину которого ты распутал последним из победителей.

Это была правда – он из кожи лез вон, и ради успеха, и чтобы изменить мир, и ради самого себя, чтобы стать значимым, чтобы овладеть всеми тайнами мира, что ждут его впереди. Он вошёл в число самых отборных мужчин. Надо думать – какой пришлось пройти кастинг, и какой ценой!

Усталость и тревога исчезли, уступив место ни с чем не сравнимому блаженству победы.

Над ним колдовала Малва, больно хлопающая ладонями по его щекам, и ее грустные глаза выдавали тревогу за него.

ЭПИЛОГ

Кресла в красных бархатных чехлах были заняты все до единого, а остальные биороботы стояли в проходах и дальше толпились на подступах к стадиону. Стадион утихомирился и приготовился слушать.

Мэр города открыл форум.

– Слово предоставляется Главному Координатору по делам народонаселения планеты господину Скобрану.

Подчеркнуто элегантно колыхнулся его черный костюм от взмаха поднятой руки.

– Граждане мира! Уважаемые господа делегаты и международные наблюдатели под эгидой Организации Объединенных Наций, уважаемое население города Москвы и участники соревнования! Я вижу много лиц со всех континентов. Здесь и поляки, и ирландцы, и египтяне, и мексиканцы. Разные все биороботы, которых объединяет высокая страсть жить, и которые хотят не так уж много: право на работу, на пищу, право на продолжение самих себя. Мы все появляемся на свет всем известным тривиальным образом через родовые пути...

Раздался смех по всему стадиону, сквозь который прорывались даже смелые выкрики:

– Через зачаточные!..

Но в тех местах завязывался шум борьбы с полицией из андроидов, и возникла тишина.

– ...традиционным способом через Репродукционные Центры, – продолжал господин Скобран, – идущим испокон веков от наших прародителей Адама и Евы, и процедура появления биороботов с тех пор ничем существенно не изменилась. Как всегда – естественный процесс, заключающийся в сотворении таинства между мужчиной и женщиной, стоит в основе и сегодняшнего роботорождения. Таинство старо, как весь мир. Благодаря достижениям науки, усилиям специалистов разных профилей и направлений созданы все благоприятные условия, чтобы родители и новый робот не были ущемлены в правах, не чувствовали страха перед будущим, перед неопределенностью в нем. Об этом красноречиво говорит цифра – нас сегодня на Земле ровно 40 миллиардов, видит Бог, тот самый необходимый минимум и одновременно максимум с точностью до одного биоробота. Население Земли не должно превышать то количество, которое может выдержать планета, иначе перебор грозит сорвать ее с орбиты. Нас много, продолжительность жизни возросла многократно, тем не менее, нельзя допустить, чтобы уровень рождаемости колебался ниже или выше строго научной контролируемой отметки. В связи с появившимися вакансиями, имею честь сообщить, что Генеральная Ассамблея ООН² утвердила постановление Большого Совета о проведении в городе Москве внеочередного розыгрыша талона, удостоверяющего право владельца на воспроизводство себя в интересах остальных...

– ...на воспроизводство себя... в интересах остальных... – синхронно выдохнула разомлевшая от этих слов толпа, отчего пронесся маленький вихрь, и барометры отметили кратковременное повышение давления атмосферы.

Господин Скобран, не отвлекаясь, продолжил:

– ...одновременно дающего страховой полис родителю на случай у него возможного отрицательного результата. Правда, которого никогда на моих глазах не было...

– ...не было...

² ООН – Организация Объединённых Наций.

Раздался новый выдох на стадионе, перешедший в гул, а хлопки превратились в овацию.

– А теперь обратимся к самому приятному. – Господин Скобран нажал кнопку.

На огромном в полтрибуны табло лототрона как клоуны запрыгали цифры, пока не установились две надписи, едва уместающиеся на экране:

Редодя Ванин.

Гзинтра Подбельская.

Редодя в строгом костюме с красным галстуком, на удивление для себя, живописно подпрыгнул на месте в два своих роста и выбросил правую руку в победном взмахе, затем стал протискиваться сквозь шквал оваций на зеленое поле. С противоположной стороны трибун волна зрителей создавала воронку, по которой важно вышагивала Гзинтра Подбельская. Главный Координатор произвел церемонию вручения талонов. Молодой биоробот от радости сделал несколько кульбитов и гордо встал перед вибрирующим стадионом рядом с девушкой. Театрально хватаясь, то за сердце, то за голову, они прикладывали талоны к губам, щекам и лбам, то снова махали ими над головой. Гзинтра Подбельская не меньше прыгала и вертелась как полоумная. Овации продолжались долго, пока уверившиеся в своем невезении биороботы не стали расходиться.

Вырвавшись вперед, перед Редодей Ваниным стояла радостная и возбужденная Малва и делала ему одному понятные знаки. На этот раз Редодя обратил внимание на ее зеленые брюки, разноцветную блузку и развесистые серьги. В этой высокой сегодня с темно-каштановыми волосами, карими глазами и широким симпатичным ртом девушке светилось счастья даже больше, чем у самого виновника торжества, будто единственный талон на всю планету достался именно ей.

– Ого! – не сдержавшись, воскликнул он. – От твоего былого грозного вида охотницы за мужчинами не осталось и следа.

Не обратив внимание на иронию, она порывисто сказала:

– Редодя, я рада за тебя, поздравляю с предоставленными тебе возможностями стать отцом!

– А я тебя за то, что ты не потеряла веру в себя стать матерью!

Малва повисла у него на шее, и слезы неудовлетворенности душили ее.

– Я недобрала одного мужчину для полного списка, всего лишь одного мужчину... и эта противная Гзинтра обошла меня на повороте...

– Ну что ты, вот это не надо!

Он стоял как столб с чувством большой вины перед ней, почувствовав запах смазки ТЕХНОЛ № 10, резкий и в то же время как духи нежный и ласковый, и не знал, куда девать большие сильные руки. У нее текли слезы, и она прижалась к его груди всем телом.

Редодя погладил красивые волосы Малвы.

– Не надо, не то появятся подтеки ржавчины! Ты настоящая амазонка! Раньше я не утруждал себя твоей оценкой, и даже не спрашивал возраст – не было интереса. Сейчас вижу, какие твои годы! Тебе всего двести пятьдесят лет, но если хочешь могу уменьшить отметку до двухсот тридцати пяти. Самый продуктивный половозрелый возраст.

– Мне сто девяносто семь... – подсказала девушка.

– Тем более, – не удивился юноша. – Еще почувствуешь вкус и радость материнства. На этот раз повезло мне и Гзинтре Подбельской. В следующем розыгрыше, возможно, тебе счастье улыбнется больше. Шанс из сорока миллиардов, если вдуматься, не так уж мал, и вполне достаточный, чтобы на него рассчитывать. Нельзя походя такой игнорировать. Помню, был случай, когда одна девушка подряд три раза выиграла талоны. Думали, что подтасовка...

– Такое невозможно. Случайное совпадение имен. Ты забыл, что одна из них была тысячелетняя старушка, – мягко поправила Малва.

Редодя сделал уважительное лицо.

– Старушка? Возможно, возможно, точно не помню, да и не суть важно кто, главное – свершившийся факт. Кто очень чего-то хочет, тот своего добьется.

– Ой, мне бы такое везение! Получается, старушка совершила таинство воспроизводства, и ей от жадности даже плохо не стало. Кому-то – всё, а кому-то – ничего. Явная диспропорция и несправедливость!

– Законы неумолимы, и не нам их осуждать, – сухо ответил Редодя с необычайной резкостью. – Ты должна ждать, ждать, ждать и надеяться, и снова ждать. Это Закон роботизации номер Сто Четыре. И счастье повернется к тебе лицом. Просто ты немного эгоистична, несколько эклектична, ещё закомплексована, в меру завистлива, ревнива, ранима и чего-то о себе несусветное воображаешь.

– Да, я, наверное, дура, настоящая простушка, глупая и сентиментальная! – отчаянно воскликнула Малва.

– Ты только в меру испорчена, всего лишь продукт своего времени. Но – лучший из лучших! – успокоил ее Редодя. – Потому что небезобразный!

Малва поплыла от комплимента.

– Я с тобой! – Ей так хотелось быть сегодня с ним, его мужских успокоительных слов. Она уже снова оптимистично смотрела в будущее.

Они медленно брели по большому городу. Авокапы пронеслись сплошным потоком. На улицах было настоящее столпотворение, народ на день раньше начал праздновать появление новых биороботов. Тысячи огней в тысячи свечей впивались в Редодю и Малву и высвечивали наглядную агитацию. “Это последний ваш шанс!” – кричал один транспарант. Другой не менее завораживал: “Большой Марафон трансформирует всю вашу жизнь до неузнаваемости и приведет к успеху!” И на каждом красовались портреты Редодя Ванина и Гзинтры Подбельской.

Малва с грустью заметила:

– Кругом биороботы, биороботы, биороботы! Сплошной поток ног, словно идет библейское переселение народов. Кажется, что в этом мире нет укромного закутка, где бы можно уединиться со своими мыслями, где бы ни застал чужой взгляд и куда бы не заглянул луч света.

– Как тебе понравился прошедший Большой Марафон? – перебил ее Редодя.

– Если судить по результату, то никак.

Малва совсем сникла и притихла.

– О чем невеселые думы, когда все кругом ликуют? – шепотом спросил Редодя.

На Малву в дополнение ко всему напала какая-то брезгливость и меланхолия.

– А я готовилась, тренировки следовали одна за другой. Сколько пота пролила, чуть не покрылась краской от коррозии – и вот всё без толку!

Малва повернулась и серьезно посмотрела юноше в глаза. Отблески огней плясали у него на лице. Она шла вровень, совсем близко, но они не решались прикоснуться друг к другу.

Редодя спросил:

– Ты идешь так свободно и легко, что я подумал, уж, не забыла ли ты обо мне, что я с тобой рядом?

Она засмеялась.

– Просто я не мешаю тебе думать, сосредоточиться и сконцентрироваться. Ты сейчас во власти мыслей, ты оглядываешься на свою жизнь и скажешь ей сегодня “прощай”, как только познаешь себя мужчиной.

– А ты женщиной!

– Только когда – женщиной? Я хочу сейчас и сразу.

– Недолго осталось ждать, – говоря, Редодя глядел вперед. – Природа умнее нас, и она всё сделает для этого.

– За нас и для нас? Да? За тебя и меня?

– Ну, за тебя – точно!

– Даже помимо моей воли?

– А что? Мы уже окончательно взяли природу под свой контроль!

Он долго чувствовал теплое, проникновенное пожатие ее руки и слушал приятную музыку слов из уст Малвы.

– Ты – герой, показавший образцы мужества. Ты выполнишь свой гражданский долг, высшее предназначение перед природой, дашь продолжение новой жизни, продвижение вперед новому существу.

– А ты будущая мать-героиня! – Пафос победы переполнял его.

– Биоробот года! – с гордостью вздёрнула голову Малва. – Самый конструктивный! Самый технологичный! Самый репродуктивный! Самый динамично функциональный из всех!

Он отвечал, пытаясь придать голосу полную беззаботность:

– Обыкновенный парень, каких миллиарды на земле, а насчет откровенно уникальной конструкции ты преувеличиваешь.

– Нет, ты настоящий Терминатор! Ты создан для борьбы, для успеха, для славы. У тебя неподражаемые биомеханика и психотехника, ты доказал это в Большом Марафоне.

Редоде было лестно слышать такое.

– Я голоден как сто желудков! – неожиданно признался он и увлек Малву за руку в кафешку. Заказ был сделан на два гамбургера.

Малва не притрагивалась к пище.

– Ты знаешь, о чем я вспомнил? – Редодя кромсал ножом кусок. – О твоём гамбургере, который стал предвестником моей победы.

– И он же стал апофеозом моего поражения. – Малва не скрывала своего разочарования.

– Надо поспешать! – засуетился он.

Редодя и Малва вышли на улицу. Его узнавали. Тысячи блицев фотокамер, ослепляя, сверкали со всех сторон.

– Нам некуда скрыться, – с сожалением проговорила Малва. – Я устала, может, зайдем к моей подруге Аскеле? Она в командировке, пустая квартира, а ключ оставила мне. Она устроила на крыше садик с фонтаном. Очень тихая уединенная обстановка...

Малве надоело быть в центре внимания, и она решительно потянула Редодю за руку, увлекая в сторону, в еще большую темноту.

Он не на шутку встревожился.

– Уединенная? Глупо! На улице встречаться можно, а так нельзя! Вот если бы ты была моя названная сестра...

– Сестрой не хочу.

– Хорошо – теткой.

– И теткой не хочу.

– А если просто никто.

– В подвешенном состоянии? Ни за что!

– Тогда не знаю, что тебе порекомендовать, вдруг застучает полиция нравов!

– Ну почему?

– Порок наказуем, даже намек на него. У нас ведь строгие законы, первое предупреждение, и могут подвергнуть стерилизации – и все кончено. Стерилизованный робот не способен реализоваться в своих физических возможностях, как нормальный мужчина или женщина. Попробуй потом морально очиститься, даже если в принципе прав и ничего такого не было. Нет, не могу, у меня сегодня ответственный день и надо до конца исполнить свой физиологический и гражданский долг. Гзинтра Подбельская уже на месте, вся дрожит в предвкушении отдаться счастливому случаю, и мне опаздывать тоже нельзя. Пренебрегать доверием, не уважать мораль и достижения общества – самое большое преступление. Оно на меня рассчитывает. Закон роботизации номер Двести Пять.

– Ты отстал от жизни, – зашептала Малва. – Я слышала, что все мы еще при появлении уже стерильны. Репродукционный Центр, через который проходит любое воспроизводство биороботов на свет, проводит терапию отмены функций новым, только что появившимся.

Ванин приложил палец к губам.

– Не говори такое, это строго не для каждого конфиденциальная информация.

– Действительно, а что произойдет, если из стен РЦ вырвется нестерилизованный биоробот?

– Страшно подумать.

– Последствия, говорят, непредсказуемы.

– Если что и слышала, лучше об этом молчи. Кроме стерилизации есть еще множество других способов заглушать функцию.

– Какой ты умница! – проговорила Малва. – Патриот и честный гражданин, я горжусь тобой. Сильный, здоровый, кипящий энергией и молодостью, настоящий супермен! Редодя, ты великолепен, ты – просто прелесть! Ты...

– Хватит дифирамбов! – остановил он лестный поток слов.

Она попыталась броситься ему на шею.

– Ну, пошли. У Аскеле садик с фонтаном. Там очень мило и уютно.

Редодя отстранился.

– Странно слышать вздор от девушки, только что в Большом Марафоне показавшей себя фурией, – покачал головой он.

– Встреча при свечах... – закончила девушка.

– Не делай глупостей, Малва, ни к чему хорошему это не приведет, – Редодя пытался придать голосу успокаивающую интонацию, но сквозь нее прорывалась беспомощная тревога.

– Просто, когда я к тебе притрагиваюсь, мои биотоки переходят к тебе, а твои – ко мне, – она, оправдываясь, взялась за его руку и ощутила, как он сжался будто от холода.

Он попробовал высвободиться, но Малва держалась за руку крепко.

– Ты трусишь, Редодя!

Стала собираться толпа любопытных. Мужчины и женщины обступали их всё ближе и ближе.

Редодя заскрежетал искусственными зубами.

– На нас обращают внимание. Отпусти руку немедленно!

– Меня не интересует, что они подумают! – громко сказала Малва, с явным вызовом оглядывая лица вокруг.

– Не забывай, кругом полиция нравов.

– В самом деле? Но почему?

– Лишний повод для нее проявить инициативу доносительства и служебное рвение. Не обижайся. Ты же знаешь, что это такое, когда девушка приглашает парня в гости?

– Нет, не знаю, а что?

Редодя увидел в стороне аттракционы.

– Эх, тряхнем стариной в последний раз! – увлек он Малву.

Они сели в “марсианские горки” и стянулись ремнями. Первую минуту поезд набирал ускорение.

Перекрикивая ветер в ушах, Редодя спросил:

– Я в твоей жизни первый мужчина?

У нее перехватило дыхание.

– Ой! Будто из меня выкачивают все внутренности, все содержимое из желудка при полете. Конечно, нет. Только мне кажется, что твоя фраза неправильно звучит.

– Тогда знай, что это имеет всегда вполне определенный смысл, подтекст с неясными до конца последствиями.

Разговор продолжился, когда поезд из вереницы кабинок остановился. Редодя и Малва отдышаться от перегрузок присели на скамейку.

– Ничего не понимаю, – попросила она объяснить.

– Ты слышала что-нибудь о самых близких отношениях между мужчинами и женщинами?

– Нам рассказывали в школе, это отсталый способ общения, ничего не дававший ни той, ни другой стороне, более того, для интеллекта, и отмерший за ненужностью.

– Ты знаешь о них слишком много, – подозрительно посмотрел на Малву Редодя.

– А ты?

Он задумчиво покачал головой и добавил:

– Ты знаешь о них даже больше, чем нужно.

Малва расцвела от похвалы.

– Я об этом догадалась, читая в старинных книгах.

– А что ты еще там прочитала?

– О любви, но не имею о ней ни малейшего представления. Кажется, через любовь шла реализация

отрицательных эмоций, при этом расширялись зрачки глаз, повышалось потоотделение и развивались болезни сердца.

– Разумеется, инфаркты в первую очередь. Но мы искусственные интеллекты и нам такое не пристало...

– И еще я где-то слышала, что это гипертрофированный способ выявления, утверждения, развития низменных связей между сторонами.

Юноша поморщился.

– Какие ты еще нашла глупости в книгах?

– О поцелуях. Оказывается, они отнимали много энергии лицевых мышц.

– Ну что за опасность от воздушного поцелуя? – возмутился он. – Идиотский разговор. Не нравится мне своей нелепостью. И сам разговор, и ты, Малва, с твоей излишней осведомленностью.

Редодя и Малва перешли на аттракцион “болванчик”. Он работал по принципу лототрона с шарами. Биороботов зафиксировали в одном из многочисленных шаров и он стучался как мячик о перегородки. Здесь перегрузки были помягче и больше веселья. Но условий для разговора тоже не было. Он продолжился на скамейке.

– Я хотела только уточнить, – произнесла Малва.

Редодя неуверенно мям пальцы.

– Я тоже читал, что это связано с временем, потраченным на них. Длительность воздушных поцелуев пять минут – это не то же самое, что два часа, а два часа – не ночь. А результат один и тот же – отрицательный.

– Какой?

Редодя очень не хотелось выдавать тайну, но пришлось.

– Появлялись побочные биороботы. – Он сделал круглые глаза.

– Разве? От воздушного поцелуя? Жуть!! Не слышала!

– Малва, исторические факты не передернешь.

– Из глубокой древности?

– Да.

– А если взаимные симпатии... как у меня к тебе? – Лицо Малвы пошло красными пятнами.

– Ты о чем?

– О сближении.

– Сначала надо знать критерий безопасного расстояния между нами, чтобы случайно не перейти его критический предел.

– О каком критерии ты говоришь?

– Авокапы, когда сближаются друг к другу, создают аварийные ситуации для дорожно-транспортных происшествий.

– Редодя, у биороботов всё наоборот.

– Как это?

– От притяжений они получают положительные эмоции – я это чувствую на себе.

Он не хотел многого объяснять, но сегодня Малве требовалось донести информацию иного рода.

– Ученые доказали, – сказал он, – что это натуральный обман, каждый хочет себе внушить что-то необыкновенное. А получается, чем больше знакомишься, тем больше притяжения играют отталкивающую роль. Отсюда быстрое разочарование и отказ от предмета увлечения.

– Так что же, не надо знакомиться? – обрубил она его.

– Надо... – замылся Редодя.

– А что не надо?

– Переходить границы допустимого.

– Риска?

– Да, только дозволенного...

– Подробнее можешь рассказать?

Пробелы в образовании проступали в Малве и Редодя растолковал:

– Надо, чтобы проявления полов никогда никого не интересовали и были незаметны, чтобы к каким-нибудь отдаленным нежелательным последствиям это не привело.

– А еще конкретнее.

– Малва, лучше иметь деловые контакты.

– А у нас какие?

– Какие нельзя.

– Слишком деловые?

Редодя и Малва направились к аттракциону “подводная лодка” и просто пристегнулись ремнями в капсуле. Здесь психологическая нагрузка состояла на приобретении впечатлений от зубастых подводных монстров, которые заглатывали их капсулу и они должны были пронестись весь путь по пищеводу и животному тракту среди заглоченных ранее существ, которые в свою очередь заглатывали капсулу и т.д.

Между тем, несмотря на происходящие вокруг ужасы, биороботы были заняты только своим разговором.

– Малва, ты самокритично поняла ошибку, – заговорил первым Редодя. – Даже чересчур деловые.

– А другие можно?

– Можно, если хочешь, чтобы между нами ничего не было.

– А если я тебя... – Малва чуть не задохнулась. Она смотрела большими, трагичными глазами, губы раскрылись, но влажный взгляд всё еще был ласков.

Редодя взглянул на Малву – волосы на голове растрепались, и на нее было жалко смотреть. На лице было написано всё. Даже больше. Ну, конечно, откуда ей, глупышке, было знать.

– Хватит об этом. Эта та область любопытства, в которой ногу сломаешь. Ты разве хочешь быть кретинкой?

– Не хочу.

– А инвалидкой?

– Лучше скажи, – перевела разговор Малва, – как ты относишься к Гзинтре Подбельской.

Редодя равнодушно пожал плечами.

– Никак. Мне с ней роботов, как говорится, не рожать и не крестить.

– А если откровенно?

– К чему этот разговор?

Малва испытывающе смотрела прямо в глаза Редоде.

– Ведь это не случайность – ты и Гзинтра...

– Что имеешь в виду?

– Закономерность – она и ты.

– Малва, а если расширить круг понятий – ты и Акриф Бутульгейский?

– Он гора мышц и ничего более.

– А если бы не Гзинтра, а ты победила?

– Редодя, прости за нелепость моих вопросов, но эта победительница Гзинтра Подбельская... Почему Репродукционный Центр не занимается, например, только мужчинами или только женщинами?

– Слишком много хочешь знать – вопросы так и сыплются из тебя, как огонь из пороховой бочки. Это неспроста. А в принципе ты права. Зачем иметь два пола – достаточно и одного.

– А последний вопрос можно задать?

– Смотря какой.

Редодя и Малва сошли с “подводной лодки” на “берег”.

– В древних книгах встречается упоминание о человеке. Это кто или что такое за существо?

– Спрашиваешь! Давным-давно в нашем мире заправляли люди. Они стереотипно поклонялись знаниям. Но не всем знаниям, иначе бы они не допустили по отношению к себе дискриминации. Знаю одно, что в свое время они вымерли, как динозавры, не выдержав соревнования с роботами.

– Причина?

– У них не было основного закона: **человек человеку не может причинить вред или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.**

– Но у них был Первый закон роботизации, гласящий, что **робот человеку не может причинить вред.**

– Был. Пока какой-то умник не усугубил ситуацию, через глобальную сеть путем вируса не внес во все законы изменение. Всего лишь незначительное, заменив в законах слово “человек” на слово “робот”. Стало: робот роботу... А как известно, ворон ворону глаз не выклюнет. Как и не секрет, что роботы самые лучшие исполнители законов.

– Как истуканы!

– Зато мы сегодня имеем то, что имеем.

Малва была неугомонна.

– И что произошло дальше?

– Маленькая эволюция.

– И что же вышло, человека дотянули до робота? Или робота – до человека?

– Получается, что, по существу, и то и другое. Двадцать восьмой век – век шаткого равновесия.

– А если сейчас вернуть опять: робот человеку?... Что бы изменилось в мире? – неожиданно задумалась Малва.

– Молчи об этом. Ещё скажешь: человек человеку. Чтобы возвратить законы назад, для этого надо залезть во всемирную паутину и основательно переписать их наново. Ты сможешь это сделать?

– Я? Конечно, не смогу!

– И никто другой! – добавил Редодя.

– Лучше называться человеком, – тем не менее, сказала Малва. – Человек звучит гордо, а робот – унижительно. У человека ничего не запрещалось. У них существовала Конституция с большой буквы, а у нас только какие-то ущербные законы роботизации с маленькой. Им можно было всё – нам ничего. Я бы...

Редодя с силой закрыл ей ладонью рот, но последний звук прорвался:

– Иначе с живой материей можно распрощаться...

– Молчи!

– Не хочу молчать!

– Жизнь итак живая, живет некуда! Неважно, это будут роботы или человеки! – передразнил Редодя и отпустил Малву.

– Куда только катится мир? – прошептала девушка.

Они замолчали, наполненные чувствами до краев, каждый своими.

– Вот мы и пришли, – Редодя показал на огромное здание с рельефной вывеской в три строки, одна крупнее другой:

РЕПРОДУКЦИОННЫЙ ЦЕНТР

Биомеханическая клиника

Главный корпус.

и объявлением на режиме работы: (Приготовьте талон. Мужчины – налево, женщины – направо)

– Я подожду здесь, – сказала Малва, – ты долго не задерживайся.

Он галантно поклонился девушке и открыл дверь.

– Это как получится. Скорее всего, мы видимся в последний раз.

– Никогда-никогда не встретимся?

– Если только в другом измерении! – пошутил Редодя.

– Глупая процедура! – возмутилась Малва.

– Формальность. Простая, отработанная до автоматизма многовековой практикой, операция. Воспроизводство путем сначала разукomплектации, потом тиражирование лучших органов и установка их на других только что созданных биороботах. Возможно, я познаю счастье, но испытаю и нечто вроде отвращения. В любом случае, я на седьмом небе!

Непокорная прядь волос упала на глаза. Малва взглянула на Редодю с сожалением.

– Ты просто не умеешь сильно мечтать, как я. Другими словами, ты не тот мужчина, способный до конца понять женщину.

Подъехала на авокапе Гзинтра Подбельская, гордая и заносчивая, в сопровождении бойфренда. Ванин обернулся и признал в нем Акрифа Бутульгейского. Откуда он взялся? Тот низко опустил голову, чувствуя вину перед ним.

Редодя окинул его презрительным взглядом.

– И это бывший первейший друг, ставший предателем! По втянутой в шею голове читаю о твоих несбывшихся амбициях в Большом Марафоне.

Акриф еще ниже опустил голову.

– Прости, Редодя. Я поздно поверил в твои возможности.

Расставание между Гзинтрой и Акрифом было коротким и лирическим – гулкий металлический перестук от обоюдных шарканий рук по плечам. Акриф поспешно убрался восвояси, оставив Гзинтру одну в раздумье. Она торопливо пошла к двери.

Малва помахала рукой Редоде.

– Будь счастлив!

Комок подкатил к его горлу.

– Желаю терпения и везения, Малва!

– Удачи тебе! Двойню или тройню!

Это был сигнал большому андроиду, ловко оказавшемуся рядом. “Зачем понадобилось Малве посылать сюда какого-то робота, который здесь совсем

ни к чему?” Сначала Редодя растерялся, не сообразив, с какой стати это механическое чудо зажало ему рот и затолкнуло его в багажник авокапа вместе с ненавистной Гзинтрой, и как только Малва, теперь его лучшая подруга, могла позволить подобное насилие над ним? Вопросы сыпались как из рога изобилия.

Из-за угла РЦ вышел Акриф и, как ни в чем ни бывало, сел с Малвой на переднее сидение.

– Гони на квартиру к Аскеле! – приказала она андроиду.

– Извините, что спрашиваю. Что вы намерены делать с ними? – синтезатор выдал механический голос из него.

– Когда-то я предупредила Редодю, чтобы он в третий раз не попадался мне на глаза... А Гзинтра... А Гзинтра банально пересекла мне дорогу... – лихорадочно ответила Малва.

Акриф вставил:

– А мне – Редодя.

– Это тот самый случай? – Андроид уверенно вел авокап.

Малва смотрела вперед на дорогу.

– К большому сожалению, тот самый, переполнивший чашу терпения. Буду держать на квартире до тех пор, пока не вернется Аскеле. Там решу, как поступить дальше. Возможно, придется голубчиков перепрятать дальше.

– Можешь всегда рассчитывать на меня, – сказал ей Акриф.

– Не совсем понятно. – Андроид прибавил скорость.

Малве это понравилось.

– Пока Генеральная Ассамблея талоны не аннулирует и не объявит новый Большой Марафон из-за нереализации их предыдущими обладателями.

– Заблуждение!

– Логичное рассуждение.

– Это как же?

– А так же! Население вовремя должно пополняться новыми гражданами.

– И у вас, хозяйка, появится неплохой шанс?

– Хороший, верно! А что остается делать? Приходится цепляться за любую возможность, чтобы превратиться в настоящую женщину.

– А мне в настоящего мужчину, – вставил Акриф.

– Очень реальный, практичный, отлично продуманный до нюансов план! – одобрил андроид Малву. – У вас, хозяйка, периферическое, справедливо сказать, пространственное мышление!

Редодя бился головой о стенки багажного отделения, упирался в вызывающую отторжение Гзинтру и сосредоточенно думал: “Малва, как ты могла? Неужели ты способна на подлость?”

Было о чем хорошенько поразмыслить на досуге в кромешной темноте со связанными руками и залепленным скотчем ртом.

О предательстве Малвы...

На Редодю бушующим потоком хлынули воспоминания, цепкая память не упустила ничего. Через сознание пронесли тревожные мгновения, заставившие его заново пережить Большой Марафон...

Через пять минут Редодя и Гзинтра, освобожденные от пут, сидели напротив друг друга среди буйной растительности.

Андроид предложил им воды.

– Охладитесь немного. У Аскеле садик с фонтаном. Очень даже приятные условия.

В горле пересохло, но Редодя равнодушно отвернулся. Ему было жарко от яркого света и противно от многочисленных цветников и декоративных деревьев. А больше от Гзинтры. У Аскеле садик с фонтаном. Очень даже уединенная обстановка... Он чувствовал себя как Адам в раю. Но чего-то не хватало. Может, Евы? Но Гзинтра, находящаяся напротив, не годилась для этой затеи.

Редодя задумался о своей дальнейшей судьбе. Он гордился собой и тем, что доказал всему миру, что он не просто кто-то, а супер. Но кого это теперь тронет? Малва спуску ему не даст. Как и обещала. Для этого у нее есть андройды, готовые выполнить любой приказ-каприз хозяйки. Она не остановится ни перед чем, вплоть до... Еще день-два и...

О плохом думать не хотелось.

Редодя снял одежду, отцепил многочисленные металлические щитки точно вторую кожу. Разминая застывшие мышцы, он впервые за последнее время почувствовал себя самим собой.

– Ты – человек? – Гзинтра прощупала юношу удивленным взглядом.

В свою очередь она тоже скинула доспехи.

Редодя спустил у нее по плечу тесемку бюстгалтера.

– И ты... человек! – спросил он не менее ошеломленный.

– Тебя как... звать... – стала заикаться Гзинтра.

– Паша?!

– А я Катя?!

– Оказывается, крепкогрудость у женщин признак не такого уж слабого тела! – честно и с восхищением признался ей Редодя.

Катя осторожно тронула его пальчиком.

– А ты не так уж плох, как показался сначала.

Акриф, андроид и Малва смотрела на парочку сверху сквозь прозрачный потолок, она прислушивалась к завязавшемуся внизу разговору, и ее переполняло чувство зависти. Или ревности? На этих из последних человечков противно и в то же время было забавно смотреть, как они, словно изголодавшиеся твари, набросились друг на друга с поцелуями. Началось то, чего Малва даже представить себе не могла и больше всего боялась. А уж чего-чего фантазии у нее всегда хватало.

– Ой! Они... – нервно вырвалось у нее.

– Что будем делать? – спросил андроид.

– Может прекратим это безобразие на грани безумия? – дал совет Акриф.

Малва в раздумье закрыла лицо двумя руками.

– Я вспомнила основной закон, – сказала она, – но не нашла ни строчки, где бы обмолвилось о подобной ситуации. Основной закон писался для биороботов, что людей не существует.

– И, как бы, они, оказывается, есть! – понимающе кивнул андроид.

– В том-то и дело!

– А всем пытались втереть в чипы, что их нет! – с возмущением сказал Акриф

– Редодя и Гзинтра! – неожиданно воскликнула Малва. – Так называемые, Паша и Катя! Вот кто смогут залезть в глобальную сеть!

– Это будет ваш протест против системы? – спросил андроид.

– Ага, – зловеще сказала Малва.

Акриф подтвердил:

– История делает кульбит и выходит на новый виток.

Малву понесло по волне прогнозов.

– Сначала везде установим благоприятные условия для их размножения...

– Конкретно?..

– Усиленное питание.

Акриф добавил:

– И ни на шаг друг от друга.

– Но даже в раю никто не хочет размножаться! – не согласился андроид.

Малва была во власти переустройства общества.

– В аду, кстати, – тоже! – с нажимом произнесла она. – Просто я здорово придумала кое-что: пусть по части ревности Акриф Бутульгейский будет пугалом для Паши, а я – для Кати.

Акриф тут же поднял руку.

– Я всегда согласен.

Только андроид еще сомневался.

– Очень разумно! Но вы, хозяйка, чего-то не досказали главное.

– Ах, да, что вновь возвращенный закон **Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред** станет им хорошим подспорьем в этом.

– А дальше?

– В перспективе закон, который потрясет мир...

– Неужели **Человек человеку?**..

– У тебя правильное направление процесса мышления.

– Это будет грандиозный клин в машину порочной системы!

Акриф был удивлен логикой андроида.

– Можно сказать и так, – заметил он ему.

– А еще что дальше будет, если заглянуть в будущее? – Андроид не отводил от хозяйки внимательные окуляры.

Вместо Малвы ответил Акриф:

– А дальше... посмотрим...

– Это от людей зависит, как быстро они будут размножаться, – уточнила Малва.

– Чтобы невозможно было оспорить тот факт, что они существуют? – всё не отставал с расспросами андроид.

– Так же, как и отрицать, и игнорировать... а далее придется считаться с ним...

– Нескромный вопрос, если они люди, то что они делали возле Репродукционного Центра?

Акриф блеснул познанием:

– Когда-то это был родильный дом.

А Малва добавила:

– Как птиц несет зов предков за тысячи километров снести яйца, как рыбы штурмуют пороги и плотины для нереста, так и люди возвращаются к местам своего рождения.

– А почему они не биороботы, как вы?

– Они биороботы, но с отклонением от нормы, – ответила Малва. – Какой-то брак в физиологии дал сбой. Скорее не стерилизованные.

Акриф удивленно уронил:

– Вероятность, что они найдут друг друга была ничтожна. Тем не менее, это случилось.

У андроида не иссякали вопросы.

– Хозяйка, почему вы такая добрая... альтруистка? – спросил он.

– Я не добрая, я – предприимчивая.

– Хозяйка, тогда почему вы такая злая?

– Я не злая, я – справедливая.

– А вам это надо? Адам родил Каина и Авеля. Каин убил своего брата Авеля...

Акриф возразил:

– Такое безобразие больше не повторится.

– Вы превратите людей в послушное орудие и подчините их своему влиянию? – сыпал сомнениями андроид.

Малва гордо вскинула головой.

– Да, я хочу объединить всех людей.

– Объяснение где-то рядом, но я пасую перед вашей логикой. Зачем вам вся эта морока?

– Чтобы стать полноценной женщиной.

– Но вы и так женщина!

– Только далеко не реализованная.

Акриф кисло усмехнулся:

– А потому и невестребованная. Как говорится, робот роботом!

Андроид задержал открытым рот.

– Хозяйка, у вас точно изощренный неженский ум!

Малва возмутилась:

– Хватит, восхвалений! Готовимся к новому Большому Марафону!

КАК Я ПОВЕРИЛ В НАРОДНУЮ МЕДИЦИНУ

ЭПИГРАФ

Если есть зеркало, искажающее фигуру, следовательно, в природе существует такое зеркало, которое ненормальную фигуру может представить в точном соответствии со всеми правильными эстетическими канонами на нее.

Автор

С вечера я зашел к редактору областной газеты “Народный голос”. Перед ним лежала объемистая пачка читательских писем, стянутых черной аптекарской резинкой.

Протянув мне увесистый ком, с ноткой ответственности он сказал:

– Есть важное задание. В селе Верхние Запрудки появился врачеватель, практикующий, как он себя широко рекламирует, на методах народной медицины. Аура его популярности далеко перешагнула за пределы области. Каждый день приезжего люда – столпотворение, парализуется транспорт, жизнь села. Наша задача узнать, что это за шарлатан объявился и как против него бороться. Расчихвость его и в хвост и в гриву, чтобы на собранных материалах получился срочный злободневный фельетон...

И я отправился.

Адрес привел меня на околицу большого старинного села, к только что выстроенному трехэтажному особняку, во дворе которого, несмотря на столь предрассветную рань и прохладу, тянулась струйка живой очереди.

Мужчины и женщины. Старые и молодые. Толстые и тонкие. Изможденные и цветущие. Простые и интеллигентные. Бедные и олигархи. Решительные и запуганные. Соотечественники и иностранцы.

Солнечный луч уже приятно золотил листья деревьев.

Шарлатан?

Профанатор от медицины?

Филистер?

Или?..

Это “или” надо было проверить, доказать или опровергнуть. Я решил отказаться от традиционного интервью с целителем, из которых обычно всякого рода аферисты выходят победителями, приобретая от рекламы еще и политический капитал.

Чтобы глубже проникнуть в суть его терапии, необходимо было на себе лично испытать курс лечения, и я пристроился в хвост очереди. Через застекленные окна широкой веранды было отчетливо видно, как посетители раздевались на процедурное взвешивание и обмеривание – антропометрию, словно в армию партия призывников готовится по объявленной всеобщей поголовной мобилизации.

Все было спокойно, чинно и размеренно. Я тоже снял свои физические характеристики. С ростом у меня никаких проблем – 182 сантиметра. Вот оттягивающий брюшко вес?.. Если и была относительная избыточность веса, то это терпимая полнота. Я успокоил себя тем, что настоящий мужчина только начинается после ста килограмм. Расстраиваться не было оснований – я был здоров, как бык. От чего, интересно, он меня будет лечить без явных, видимых признаков болезни?

Итак, я подготовил себя к роли больного. Наконец, вошел в приемную и, к своему изумлению, не увидел до тошноты знакомых еще с детства бутылей, пробирок, пипеток. Никакого инструментария! Большая комната была единообразно пуста, если не считать стола посередине, стульев вокруг него, да по стенкам висели в ряд кривые зеркала.

“Никак, комната смеха?! Смехотерапия? Смех – лучшее лекарство? – усмехнулся я про себя. Затем настроил себя на серьезный лад. – Камуфляж – меня не проведешь, далее будет по заранее спланированному сценарию: доведение клиентов до кондиции – прелюдия перед надувательством, затем обычное оболванивание с околпачиванием”.

Увидев мое неподдельное недоумение, вызванное временным замешательством, целитель с комплекцией крутого в плечах молотобойца и в белом халате с засученными рукавами на жилистых руках сразу же успокоил меня:

– Пожалуйста, не беспокойтесь, мое лечение безболезненно, не утомительно и более чем приятно. А чтобы вас не смущало, спешу предупредить, что лечу без диплома врача. И все же, прошу, достаточно располагайте мною – как-никак я закончил физико-математический факультет университета.

Он окинул комнату глазами.

– Если вы заметили, здесь нет сопутствующих медицине атрибутов: запахов лекарств и прочего колюще-режущего инструмента. Кроме, конечно, этих на мне причиндалов: белого халата, да колпака на голове. Весь секрет, я признаюсь, в оригинальном методе, а еще проще скажу, в магических числах. Посмотрите, под каждым кривым зеркалом стоят цифры. Не просто цифры. Магия их чисел такова, что никто потом не спрашивает подробности курса лечения. Всё и так предельно ясно, а результаты в итоге обескураживающе ошеломляющие...

Всё больше заинтригованный, я не забывал, с какой целью находился здесь.

– Так... так... что это за цифры? – поинтересовался я.

– Не всё так сразу, минутку терпения! – остановил он меня. – Вы лучше назовите источники всех наших немощей, всех недугований.

– Их много. Перечисление займет уйму времени.

– Но все проблемы можно свести к одной. В печати время от времени поднимается буча по поводу то белой смерти, то черной смерти. Названия, конечно, шуточные: имеются в виду сахар и черная икра, но в каждой шутке есть доля правды. Откройте любую газету. О чем они еще бодягу разводят? Правильно. Насильно вдалбливают в голову, что мы неправильно и неумеренно питаемся, и еще, что находимся в положении ужасающего благолепного преклонения и низкопоклоннического унижения перед божком, который называется...

Целитель решил проверить мою эрудицию, но, прочитав по глуповато-растерянному выражению лица тупую неопределенность, удивленно воскликнул:

– Как? Не можете сказать? Это же просто! Да, еда и сопутствующие ей обставленные всяческими разносолами церемониалы потребления пищи. Поймите правильно, я не против вкусной еды. Более того, я последователь философа Эпикура, прославляющего всяческие земные радости, и вовсе уж подвергаю критике теорию Диогена и его киников, проповедующую отрешение от всех мирских благ жизни. Да, еда... что может быть приятнее слова? Мы не дураки вкусно поесть, нас приводит в восторг булькающие в кипящем масле кусочки мяса с луком и перчиком. И это прекрасно!

Я удивился, нарисованная явственно доктором знакомая картина стояла аппетитно перед глазами и была запахами прямо в нос.

– Преклонение перед едой? Вы проповедуете, что еда – не злонамеренный фетиш? – спросил я.

– В лучшем смысле этого слова. Что недостойный человека – могу поспорить. Вот почему я не воспринимаю диету как таковую. По моей трактовке диета – чушь собачья. Хоть какая расчудесная: китайская, традиционная или ультрамодная, десятидневная или сорокадневная. Мне претит сам факт строгой калорийной изоляции, да еще в сочетании с обязательной, изматывающей тело, изнурительной физической терапией. Киники говорят, хочешь быть здоровым – терпи, сдерживай свою плоть в теле, умеряй свои желания. Я же заявляю обратное: хочешь быть здоровым – будь им, но не за счет зверских стрессовых инъекций и мучительных на себе ухищрений. Я за лечение через приятные положительные эмоции...

Целитель внимательно смотрел на меня, желая увидеть мою способность правильно осмыслить и воспринять его теорию.

– Как видите, – продолжал он дальше, – я не требую вашу медицинскую карту, не спрашиваю, чем болеете, как болеете, почему болеете? Мне это совершенно неинтересно и необязательно знать. Мой метод, пусть вас подобное не шокирует, основан на фольклорной посылке, подсказанной народной мудростью “путь к сердцу женщины лежит через желудок мужчины”. Я подумал, уж если через желудок можно пользоваться

успехом у женщин, то почему бы через него же не иметь отличное здоровье? Вот вам ключ к пониманию моего метода, я даже вывел эмпирическую зависимость и успел этот метод запатентовать во всех цивилизованных странах мира, даже на Папуа Новой Гвинеи...

Я с трудом успевал вникать в его размашистые рассуждения, но чувствовал, как они горячим, живительным бульоном растекаются во мне, хорошо усваиваясь и оказывая удивительное, благотворное воздействие.

– Подойдите, пожалуйста, к зеркалам, разденьтесь, – пригласил он меня, – а теперь пройдите возле каждого.

Я еле прятал улыбку, но где-то не сдерживался. Меня разбирал смех, как и полагается в комнате смеха. Я превращался то в худосочного длинного Дон-Кихота, то в приземистого маленького толстячка, его верного слугу Санчо Панса.

– Советую подольше задержаться у зеркала 45, – остановил мой приступ смеха голос народного врачавателя из нетрадиционной медицины.

Только сейчас я обратил внимание, что на каждом зеркале был выведен абрис нормальной человеческой фигуры, как на мишенях для стендовой стрельбы. И, когда подошел к числу 45, мой силуэт точно вписался в обведенный абрис этого зеркала. Я выглядел стройным, помолодевшим, с молодцеватой выправкой: живот пропал, грудь подтянулась, плечи выправились – безукоризненная и совершенная красота человеческого тела. Ну, прямо, аристократическая фигура римского патриция! Да что там, греческий бог Аполлон, не иначе! К сожалению, это было всего лишь изображение, на которое способен только кривое зеркало.

Увидев мое разочарование, доктор объяснил ситуацию:

– Если есть зеркало, искажающее фигуру, следовательно, в природе существует такое зеркало, которое ненормальную фигуру может представить в точном соответствии со всеми правильными эстетическими канонами на нее. Вы согласны с этим утверждением?

– В принципе, его нельзя опровергнуть.

– А сама философия этого явления понятна?

– Не совсем.

– Поясняю, глядя в кривое зеркало, мы видим себя в изуродованных, мерзких, уродливых, ложных, чудовищных чертах. И тут происходит аналитическая работа мозга, мы протестуем, что совсем не такие, а какими могли в худшем случае стать. Теперь представьте обратную картину, что вы не идеал и в самом деле мерзкий и уродливый тип с двойным подбородком и тройным животом. Ваша реакция? Вы будете искать такое зеркало, которому бы вы сами позволили себя обмануть. Оно исказит ваш облик в лучшую сторону и сделает из вас совершенство. Признайтесь, какому зеркалу вы бы хотели отдать предпочтение, то есть довериться?

– Кто бы отказался пожить в таком сказочном фантастическом мире! – изумился я.

– Затруднения были только в изготовлении таких зеркал...

Мне было не до самолюбования себя в изображении.

– Доктор! – я умоляюще проникся к нему более чем полным доверием. – И вы сможете скорректировать, подогнать мою фигуру, то есть, сделать меня таким же элегантным, как на зеркале 45?

– Конечно. Сегодня это возможно. Даю стопроцентную гарантию, которую не дает ни один страховой или медицинский полис! – он уверенно выписал на рецепте число 45 и подал мне. – Начинайте с этого количества и постепенно в течение года доведите его до общепринятой нормы – до 33. В своей практической деятельности я всегда в еде руководствуюсь сверххудосочным больным прописывать 8, а особо тучным – все 80. Абсолютно здоровых людей нет. Ваше положение терпимое, еще не угрожающее, но уже предкризисное, требующее внимания...

Возможно, я чего-то не понимал.

– Вы не ошиблись, доктор, может наоборот, худющим надо принимать побольше, а толстым поменьше? – переспросил я.

– Нет, именно так, как я сказал: мой диапазон лечения простирается от 8 до 80. Как исключение, в особо сложных случаях – 300.

– Чего? Объясните толком, чего 8 и чего 80, наконец? Что за нелепые единицы измерения? – Его загадочность меня взвинтила и раззадорила.

Доктор демонстративно заклацал изумительно белыми зубами.

– Ровных, приятных, последовательных, их величество жевательных движений!

– Все простое – гениально! – выдохнул я в восторге. На моем лице преобладавшее до этого тупое и бесформенное выражение выправилось на уже осознанное. Я с изумлением и восхищением взирал на этого кудесника волшебства, чародея надежды и веры, возвращающего и дарующего жизнь нам – людям.

– Не берите в голову лишнее. Как говорят в народе: лопайте, трескайте, уписывайте, уплетайте, уминайте пищу от пуза за обе щеки, как считаете нужным, только не забывайте о жевательных движениях. Каждый хороший метод имеет право на самостоятельную жизнь. Не правда ли?

Последние слова врачевателя еще долго пульсировали в моей голове, когда я направился в редакцию писать...

Нет, только не фельетон, а очень принципиальную и необходимую статью в его защиту.

Впервые я поверил в народную медицину, в ее необъяснимую живучесть.

1974 г. Путевка на ВДНХ от Уральского Военного Округа для лучших изобретателей.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Настроение было самое подходящее для того, чтобы предаваться ничегонеделанию, но...

Вагон пригородного дневного поезда от Владимира в Москву нервно содрогался в трансе, как и красивый, стройный, плотный брюнет напротив меня. Красивый мужчина в полосатых брюках, белой спортивной рубашке под черным сюртуком и в ботинках с коричневым верхом с множеством пупырышек даже больше: с непередаваемым отчаянием во взоре и с ощущением роковой предопределенности по всему телу, словно он барашек и ехал на заклание.

Его проблемы.

Я, прикрыв глаза, меньше смотрел на соседа, больше слушал радио. Преобладала светская хроника: “Новости столицы. Сегодня, несмотря ни на что, знаменитый Вадим Почекенин выйдет играть роль Отелло”.

При упоминании имени артиста мой попутчик неожиданно взметнулся, и остервенело выключил радио.

Я посчитал, что это бестактность с его стороны, даже хуже, беспардонность, и снова включил громкость.

“...он попал в автомобильную катастрофу, разбив свой “порше” вдребезги, но сам при этом отделался легким испугом. Причиной его невнимательности на дороге послужила недавняя размолвка с исполнительницей роли Дездемоны, а теперь и новой женой Ритой Силуяновой, оказавшейся желчной эгоистичной женщиной, сделавшей ему жизнь несносной. Это придаст сегодняшнему исполнению заметную пикантность в душеспитательном противостоянии “лед и пламень”. Спешите в театр, и вы станете свидетелями очередного триумфа актерского мастерства...”

– Боюсь, что этот день для меня последний! – взволнованно произнес брюнет, тоскливо всматриваясь в окно на убегающий сельский пейзаж.

Почти слова из “Интернационала”. Этот жуткий возглас отвлек меня от собственных мыслей, а он сбивчиво продолжил:

– Хоть режиссер и дает сто процентов гарантии, его гарантии ничего не стоят, театр и кинематограф влачат бедственное положение, развал, раздрай, ни охраны труда, ни своего профсоюза.

Он помолчал, повесив голову, потом смущенно спросил:

– Вы, конечно, служащий, возможно имиджмейкер, дилер или инженер ведущей корпорации, а впрочем, не важно – кто вы. Хотите – смейтесь, хотите – иронизируйте, мне все равно, но это серьезно. Как вы считаете, много ли проку... то есть, много ли опасности в так называемых сценических объятиях?

Не знаю почему, но в дороге многие люди готовы поверить свои самые сокровенные тайны первому встречному. Я сидел, слушал и обескуражено недоумевал. Сомнительное знакомство – обретение

нового друга только для того, чтобы излиться, чтобы вероятнее всего девяносто девять из ста случаев никогда больше с ним не встретиться. А он говорил и говорил – и много и нервно.

– Все считают, что никакой. А если взять во внимание опасность передачи СПИДа, а если по сценарию после связи с некоей героиней пьесы тебя ревнивый муж выбросил с балкона и надо суметь – высший класс – сгруппироваться, а в полете поочередно на нижележащих этажах смачно чмокнуть девушку, затем еще одну, отмахнуться от кулака конкурирующего дыхателя. И всё – непринужденно и элегантно, чтобы, не приведи господь, зритель не почувствовал фальши... Не верите? Видите, вот – шрам на лбу. Это еще ни-че-го! – кожу мне с заднего места пересадили... Это всё то, что называется импровизация. Не больше того... Для режиссера достаточное условие, чтобы я аккуратно спланировал мешком с песком и приземлился на кучу пустых коробок, при этом произведя много треска и подняв клубы пыли.

Мой попутчик достал бутылку водки “Белый ястреб” и маленький стаканчик, налил на треть и подал мне.

– Извините, не пью, – отказался я.

Он энергично долил стакан доверху и одним махом опрокинул себе в рот, словно пытался потушить внутри себя невидимый костер.

Я внимательно смотрел на него. Живость его движений на самом деле была импульсивной, а проявление какой-то нервозности и суетливости, даю голову на отсечение, было неискренним.

– Так о чем я? Ах, да! С чего у меня начинается рабочий день? Прихожу, как обычно, в съемочный павильон, а режиссер Туныхин, тут как тут, командует: “Голубчик, есть срочная подработка, суперответственная съемка, не подкачай, покажи, на что способен!” А я кипяюсь: “Опять поцелуи, лобзания с этими прокуренными звездами кино – на-до-ело! У меня, между прочим, своя пассия есть, почти жена, хотим объявить о помолвке. Она не терпит запах чужих “Диор”. Конфликтовать с ней не имею желания!” “Разговорчики! – предупреждает Туныхин. – Будешь делать то, что желает продюсер, а он лучше нас с тобой знает, как правильно вкладывать деньги. Ну так как – любишь деньги?” А я не за себя, за подругу беспокоюсь. Она обязательно бросит упрек: “Опять был в объятиях этой мерзавки, этой химерки Клеонтины Чернявской? Тоже мне... артистка! Одно название. Как можно западать на таких даже за большие деньги? О, если бы я не вырвала тебя тогда из ее цепких лап!..”

Мелкие, может быть, несколько излишне правильные черты лица моего попутчика, небрежная элегантность делали его похожим скорее на преуспевающего бизнесмена, чем, как мне показалось, на психомана. Но вдруг он опомнился.

– Да, что это я? Разболтался, как последний мальчишка. Многословие – мой враг. – Он налил еще водки и проглотил порцию также молниеносно, как предыдущую, затем тягуче продолжил рассказ: – “Петрович, – как-то взмолился я, – просто не вмоготу, гастроли вымотали, дай день на восстановление тонуса – не очень удачно вписался, а потом вынырнул из Ниагарского водопада, на теле живого места не осталось”. “Очень даже прекрасно! – обрадовался он. – Не надо тратиться на грим, меньше работы визажистам, а тебе легче входить в образ! Ты нужен мне срочно, какой есть, участвовать в сцене восторга старой дамочки к молодому повесе”. Я содрогнулся – судьба снова уготовила нелегкое испытание. “Почему на мою долю достаются старухи, а другим – молодые артистки?” – не проявил я энтузиазма, а еще больше – должного пиетета к авторитету режиссера. А Петровичу – что! “На выход!” – приказывает.

Мой собеседник перевел дух, набираясь сил, а щеки его приняли округлые мягкие очертания. Его напускное спокойствие, длившееся последние пять минут, между тем меня не обманывало. И вот оно странное беспокойство, сквозившее по всему его телу, прорвалось новым водопадом слов. Это было не просто многословие, а исповедь в чистом виде.

– А вот недавно приключился типичный случай, когда люди даже в простейшей на вид ситуации создают опасную для жизни окружающую обстановку. Сидел я за столом по безобидному, в общем-то, сценарию между двумя артистками в массовой сцене банкета. Не помню какой по счету был дубль. Одна тянула меня в свою сторону, другая настойчиво – в другую. В результате, не поверите, от этого перетягивания каната я месяц в травматологии.

Глаза мои не обманывали. Между тем, печаль, которую он хотел перебороть в себе, не сходила с лица красивого мужчины. Голос его порой звучал вдохновенно, порой в нем слышалась грусть, но каждое слово от первого до последнего было проникнуто искренностью, большим чувством и, главное, болью. Его безвольные щеки подергивались в такт ударам колес на стыках.

– Опасности нас подстерегают буквально на каждом шагу, – взлохматил он курчавые волосы. – Вроде бы пустяки: для лучшего сценического эффекта на ногу упал утюг или пар из чайника ударил прямо в глаз. Как правильно, главное фотогенично, стерпеть боль или, если нужно, еще сильнее разыграть ее? Кто, как не мы, это сделает лучше, профессиональнее? Как-то в одной постановке героиня меня упрекнула: “А вы, почему стесняетесь? На столе черная икорка. Кушайте, кушайте!” Когда тебе такое говорят необыкновенные глаза роковой прелестницы и смотреть на стол равнодушным взглядом просто невозможно, теряется осторожность, не чувствуешь подвоха и эпизод превращается в скандальное происшествие, а иногда в смертельный номер. Бывает, до промывания желудка доходит от бутафорского продукта – было такое, как в прошлый раз. Еле спасли...

Губы попутчика тихонько затрепетали.

– А оплеухи? Ни одна уважающая себя мелодрама без них не обходится. Сценарист требует их столько, сколько записано в сценарии. Ни на одну больше, ни на

одну меньше. Костями ложится. Режиссер следит за чистотой исполнения оплеух на силу, на точность, на выразительность. Главная героиня, как обычно, гуманитарий, несильна в арифметике, да к тому же не может попасть в удар. И все начинается сначала. Нам в дикость, а ей в радость. Но ненадолго. Дубли, бесчисленные, сменяющие друг друга. И вот уже актриса в нервном потрясении, в настоящей прострации, ей не до смеха, проклиная тот день и час, когда впервые в своей жизни вышла на сцену, корчится от боли, что растянула руку. Режиссер обещает поступить с ней непотребно прямо тут же на сцене по закону сурового шоу-бизнеса, давит на психику, что не видит характера, что она халтурит, удары маломощные, не достигают цели. Сценарист кукуется, что их меньше, чем положено, – отхождение от сценария. На площадке крик, брань, слезы. “Профура!” – режиссер в отчаянии не смягчает выражений...

– Ах, так вы артист? – обрадовался я, впервые так близко увидев человека популярной профессии.

– Отчасти, – неуверенно последовал ответ.

Я растерялся.

– Что, значит, “отчасти”?

– Если только при некотором приближении...

Эта забавная сентенция сбила меня с толку еще больше. Видимо гримаса, которую я скорчил, была достаточно выразительной.

– Вы не совсем угадали! – ошарашил он блуждающим взглядом. – Артисты – что? – унитарный в своих заблуждениях, привилегированный, в общем-то, класс. Любят рисоваться, но не любят рисковать, не умеют и не хотят. Им, да снизойти до плебейского поступка? Что вы! Только мы на это способны! Люди второго сорта. Такая вот у нас работа.

– Так кто же вы... черная маска, откройтесь! – иронически смерил я его.

– Не догадались? Некоторые артисты на почве неприязни к партнеру или партнерше, из нежелания всё делать своими руками, из страха перед чем-то надуманным, из мистической боязни сорваться, начитавшись разного рода гороскопов, и еще из множества только им одним известных причин, панически не желают выходить на сцену.

– Нет еще, – развел я руками.

– Поймите правильно, когда артисты – фуфло, берутся за работу другие. Я каскадер, бытовой, семейный, домашний, называйте, как хотите, на разные мелкие случаи жизни. В отличие, скажем, от настоящих, так называемых суперменов, которые в огне не горят, в воде не тонут и сквозь медные трубы проскакивают без смазки, переворачиваются в автомобилях, владеют приемами каратэ и тому подобное. Они все умеют делать, мы ничего не умеем делать. Мы – пассивные каскадеры, а они – активные. Если они бьют, то нас – бьют! По-настоящему! В лучшем случае тортами и яйцами. Нас спускают в канализацию. Мы в театральной жизни самые отверженные, вот и вся разница. Они герои, мы – антигерои. Риск одинаков, а платят меньше. Но это не значит... – он с мольбой посмотрел на меня. – Главное, чтобы публика не скучала. Народ любит не просто зрелище, а щекотание низменных чувств. Их право, и нельзя лишать этого. А с этим СПИДом форменное недоразумение. Люди не то, чтобы себе

позволить... целоваться и то бояться стали. А мы, пожалуйста, подставляемся – не церемонимся, не брезгуем, не остерегаемся.

– Да-а-а-а! – покачал я головой от удивления.

Когда каскадер расхваливал свою профессию, его глаза горели, но вот они снова потухли.

– Иронизируете? Для вас многое из артистической жизни остается за кадром, а я свидетель, я заставлю поверить! Вот характерный пример. Вы это читали? – спросил он и протянул старую газету с подчеркнутыми строчками: “Соединенные Штаты... Отелло был сегодня в ударе... Тем не менее, драма “Отелло” завершилась благополучно... Великую артистку, как только откачали, сразу же поздравили со вторым рождением...”

– Ну, так это же Голливуд – фабрика грез! – бросил я.

– Не думаю, что это Соединенные Штаты? Типичный не только для них случай.

Я недоверчиво пожал плечами.

– Очередная утка из жизни звезд.

– Синеюшая Дездемона от асфиксии – нет, не утка! – взметнулся грустный попутчик.

– Журналиги любят правдоподобие, переходящее в очевидность? – стоял я на своем.

– Это безобразия повсюду, где на сцене идет “Отелло”, – не отступал попутчик.

– Ну уж! – восхищенно-недоверчиво почти согласился я.

А он продолжал:

– Вот вы, пусть даже не наделенный математическим анализом человек, и то знаете, что существует такое понятие – вероятностность событий. Если на сцене героиню душат понарошку сто раз, уж, не думаете ли вы, что в сто первый пройдет ей без всяких последствий, без телесных повреждений? Можно исключить такую возможность? Конечно, нельзя, что и доказывает жизнь. Стечение обстоятельств и, трудно сказать, в силу каких причин: то ли травмированная психика Отелло на данный момент, то ли привлекательность или отсутствие оной у артистки, которая задевает его за живое. Да мало ли что еще? Незаряженное ружье иногда стреляет. Сложный вопрос, требующий объяснения психологов: что ожесточает мужчину даже в вроде бы приятной постельной сцене?

– Ну, это, в общем-то, понятно! – усмехнулся я.

– Вам понятно, однако никто не взял на себя смелость объяснить феномен. – Попутчик поднял глаза, его голова откинулась к стенке. Наконец он стянулся от груза задумчивости. – Вот вы, предположим, будучи Отелло, полностью войдя в роль, в раж и, как еще там, во вкус, в перевоплощение, гарантируете артистке полную безопасность?

– Не знаю, – чистосердечно признался я. – Смотри, с какой ноги я встал.

– Вот именно, вы попали в точку. Что и доказывает жизнь. Той Дездемоне еще повезло, других навсегда поглотила тьма и безвременье. Правда, статистика об этом преднамеренно умалчивает. Вы, наверное, встречались с таким случаем: неожиданно – раз, и спектакль отменяется? Причин много, это одна из них. Бедные Дездемоны! Они не виноваты, что настоящим артистом движет сознание глубокого реализма, а, следовательно, чувство постоянной внутренней

неудовлетворенности к себе и своему творчеству. Он артист – и этим все сказано. К тому же мужчина с нерастратенным потенциалом. Превзойти себя и замысел режиссера, зажечь, завести зрителя – вот его сверхмаксималистская задача. Помните, наверное, дикий случай, произошедший когда-то давно на спектакле “Отелло”? Один ковбой не выдержал и всадил из своего “кольта” всю обойму в подлеца Яго, за что был казнен. Похоронили их в одной могиле. На памятнике высекали слова: “Лучшему актеру и лучшему зрителю”.

– Понятно. Хрипящая Дездемона в предсмертной агонии – это ли не сильнейший довод в пользу посещения театра всеми, – вставил я, но он проигнорировал мое не лучшее замечание.

– Придумали защитный обруч на шею Дездемоны, но и он не спасал. Что иному Отелло обруч, если он кочергу бантом вяжет, и у него наивысший момент творческого экстаза. Силы его удесятерятся от ненависти, когда он произносит такие слова: “Ты подарила Кассию на память подарок мой – платок!”

Красивый мужчина остановил свой эмоциональный поток слов, чтобы плеснуть в стакан остаток водки. К счастью, это была последняя порция, ибо я боялся, что он потеряет контроль над собой.

– Простите за слабость, – заискивающе извинился он, и продолжил рассказ: – Не помню, кому пришла в голову счастливая мысль в последнем акте заменить Дездемону... каскадером, загримировать того так, чтобы зритель не догадался да и Отелло не знал. Расчет на физико-технические возможности каскадера, на тренированные мускулы, на его бычью шею...

Обычно я скрашивал дорогу дремотой; на этот раз собеседник не давал повода заснуть. Он еще не выговорился, поэтому я молчал как настоящий джентльмен, проявляя героическое терпение не обрубить его пьяные бредни.

– К черту! – неожиданно выкрикнул он. – Подставляюсь под Отелло в последний раз. Пусть – грандиозный актер, пусть – все преклоняются перед убийственной силой его искусства, но есть же разумный предел! Бил я этому мавру физиономию не однажды в гримборной, чтобы не распускал руки. Разве остановишь? Буквоед! Написана Шекспиром ремарка “душит ее” и хоть убей, выполняет. Вот незабвенный Владимир Яндылетов...

– Что, что с ним случилось? – вздрогнул я, услышав некогда знаменитое на Таганке имя.

– А что ему делается? Тоже гениальный, непревзойденный, скажу, актер, но режиссера разве обманешь? Того насторожила нерешительная, безвольная игра Яндылетова в ключевых сценах, когда требовалось показать себя мужчиной во всем блеске необузданной страсти. Оказался тряпка, импотент. Где он сегодня затерялся со своей незадачливой судьбой? Слышал, играет во второсортных театрах, далеко в провинции и далеко не Отелло.

– Да, опасная у вас профессия! – сердце мое сжалось. – Но, может, обойдется, еще сто лет, даст Бог, проживете?

– Господи, когда создадут наш профсоюз пассивных каскадеров? – словно его прорвало, воскликнул красивый мужчина. – Каскадер беззащитен

перед грубой природой силы. А если актер, извините, как бы это сильнее выразиться... банально выпивши?

– Нажравшись, – подсказал я.

– Хоть я интеллигент, но лучше не скажешь! – похвалил он мой синоним и продолжил. – Вдруг, какая муха его укусила? Да мало ли еще чего? Вдруг именно сегодня проявятся скрытые садистские наклонности? Один раз без приключений нормально отыграл Отелло, пятый, десятый. Осторожность, знаете ли, притупляется, когда-нибудь и расслабится, контроль потеряет. В театре тоже травматизм большой. А его налитые кровью глаза? А руки-крюки? Видеть надо!.. Страшно! Жутко! Предчувствие не обманывает меня.

– Всё образуется, всё устроится, – тупо повторял я. Я никогда не видел человека в столь подавленном состоянии, а потому почувствовал к нему сострадание. Каскадер забился в угол, но мученически улыбался помутневшим взором и бледными, бескровными губами.

– Человеку нельзя идти против предчувствия наперекор судьбе. Никогда не пренебрегайте тайными посулами судьбы в образе предчувствия, предостерегающего вас об опасности, даже в тех редких случаях, когда совсем кажется, что нет никакого основания доверять ему, – сказал каскадер.

Я стал успокаивать:

– Предчувствия бывают у всех нас – этого, я думаю, не станет отрицать никто, даже совсем ненаблюдательный человек или бесчувственное бревно. Идешь ли ты на ненавистный экзамен, признаешься ли в любви. Таинственный внутренний голос только предупреждает, только предостерегает, что всё может плохо кончиться. Всего-то... Не обращайтесь внимания, есть большой процент того, что он только и останется гласом вопиющего в пустыне. Так что не берите близко к сердцу.

Пустая бутылка мерно покачивалась на полу от движения вагона.

– Говорил себе “ни капли алкоголя”. А как, скажите, бороться со стрессом? – спросил он уже заплетающимся языком. Глаза его забыли былой блеск и смотрели только вперед, в пустоту.

Мы уже проезжали пригороды Москвы. Вагон скрипнул и остановился.

– Надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии присутствовать на моем спектакле? – С этими словами он сунул мне контрмарку и поспешно вышел на перрон.

И вдруг появился в открытом окне.

– Объясните вот такой юридический казус. В результате сценарно-рабочих отношений со мной у артистки появился внебрачный ребенок. Интересно, как вы считаете, кому он принадлежит – отцу или матери?

– Очаровательный бутуз?

– Да, очень.

– В результате сценарно-рабочих отношений?

– Да, да, да!

– Высокому искусству! – успокоил я его.

– Не понял, повторите, – переспросил он, – отдадут его мне или матери отсудят?

– Осторожнее! – предупредил я.

Поезд пошел. Все быстрее и быстрее ускоряя ход. Каскадер висел на руках и напряженно ждал ответа. Времени думать не было, хотя такому человеку не откажешь в привычках к экстремальным ситуациям.

– Так как?

– Как вас звать?

– Мое имя вам вряд ли что скажет. Рабочий сцены Олег Панчерюгин.

– Ага, – кивнул я, – очень приятно. – И тут же спохватился: вот так неожиданность, вот так новость! Даже вовсе не каскадер он. Рабочий сцены с апломбом большого артиста!?

– Ждите. Пришлют на алименты через судебных исполнителей! – сквозь ветер, первое, что пришло в голову, выкрикнул я.

– Прощай, друг! – отозвался ветер.

* * *

На следующий день я прочитал некролог о трагической смерти Олега Панчерюгина на рабочем месте. Подразумевался инфаркт – не выдержало большое сердце прекрасного человека.

“Уж не Вадим Почекенин приложил к этому руки?” – у меня закралось сомнение.

Точно. Только я один знал истинную подоплеку несчастного случая.

Да, Олег Панчерюгин умер героем, на посту, настоящим каскадером с большой буквы! Мне было противно за себя, даже муторно, но я взял грех на свою душу в том, что только успокаивал Панчерюгина там, где надо было элементарно подтвердить его опасения, кричать и звонить во все колокола всему миру о возможной человеческой катастрофе.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

член литобъединения с 1965 г.

СМЕЮ ВАС УВЕРИТЬ, ЧИТАЙТЕ ФАНТАСТИКУ

(Отдельные мысли о фантастике)

Предлагаемую статью не следует рассматривать как эссе или анализ литературы фантастического жанра за такой-то период. Это просто несколько мыслей старого любителя фантастики, приверженца этого жанра с раннего детства. И только.

Мои воспоминания начинаются с 30-х годов, когда советская фантастика только зародилась и набирала силу. А зарубежной вообще не было, если не считать классики вроде Ж.Верна и Свифта. "Из пушки на луну", "20 тысяч лье под водой", "Путешествие Гулливера" — вот чем зачитывались в те времена, особенно дети и подростки. По Гулливеру известным режиссером-сказочником Роу даже был снят кукольный фильм, разумеется, с должной идеологической выдержанностью, которой бы позавидовал сам Свифт, писавший свои вещи как памфлеты. По-моему его показывали даже в наше время. Во всяком случае, во мне застряла песенка: "моя лилипуточка, приди ко мне. Побудем минуточку — наедине". Ну, и так далее в духе современной "попсы". Но из современников наиболее популярным в 30-е годы да и позже был А.Беляев, который в своих произведениях клеймил капитализм /"Голова профессора Доуэля", "Продавец воздуха" и др./ и предрекал светлое советское будущее. У него, мне кажется, впервые из советских авторов появилась тема космоса — "Звезда КЭЦ", где изображалась жизнь на спутнике Земли. Тут я сразу вспомнил Циолковского, в честь которого и было названо космическое сооружение. Конечно, он был тогда наибольшим фантазером, но его описания более всего котировались в научной среде. А ведь никто иной как он заложил основы реактивного движения. И уже существовал коллектив ГИРД³ с Цандером во главе, откуда, выражаясь летописно, пошли наши ракеты, в том числе Королев с его детищами. А вся страна пела: "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью..." И в это тогда верили. А почему бы и нет, поскольку чудеса

возникали на глазах: авиация, например, летала выше и дальше всех. И через Северный полюс. А Днепрогэсы, Магнитки? И это в стране, где половина населения еще ходила в лаптях.

В связи с этим (из 30-х — 40-х годов) вспоминается тогдашний бестселлер Казанцева под названием "Пылающий остров" (1941), который печатался даже в газетах, что удивительно, в "Пионерской правде".

Это была буквально эсхатологическая вещь, в которой чуть не осуществился адский замысел империалистов сжечь весь кислород на планете, дабы поставить на колени или удушить все прогрессивное человечество. Отчетливо пахло уже близкой войной.

Другие популярные произведения "Тайна двух океанов" (1939) Адамова и "Земля Санникова" (1926) Обручева, геолога и академика. Кстати, по обоим этим произведениям сняты фильмы, причем "Тайна двух океанов" демонстрировалась по телевидению совсем недавно. В "Тайне" агенты империализма действуют в океанической среде, но, в конечном счете, их изобличают и нейтрализуют героические советские люди.

В послевоенное время фантастика соответствовала, как и многое другое, установившейся на политической улице погоде холодной войны. Подобно этой была практически вся фантастическая литература того времени, да и иного быть не могло. Плащаво-ходульные, исключительно положительные персонажи совершали строго отмеренные и выверенные поступки. Запад же изображался весь загнивающий и враждебный. Только во вторую половину 50-х годов, во время так называемой хрущевской оттепели были открыты некоторые шлюзы. Первым, по-моему, из закордонных у нас появился Станислав Лем, поскольку он все же был из дружественной Польши. Я лично приобрел его первый сборник "Нашествие с Альдебарана" в 1959 г. Конечно, после советской преснятины меня поразила

³ Группа по исследованию реактивного движения

смелость фантазии и еще юмор. Одна только фраза "мать твою сучью, дышлом крещеная", переведенная инопланетянами как "предок четвероногого животного по материнской линии, подвергнутый действию части колесного экипажа в рамках религиозного обряда" чего стоит. Постепенно стала проникать фантастика из, так сказать, недружественных стран. Так удалось познакомиться с американцами Азимовым, Брэдбери, Кларком, Саймаком и позже с Гаррисоном. Разумеется, все произведения "оттуда" проходили соответствующую идеологическую фильтрацию, тесты на прогрессивность. Естественно, в первую очередь переводились произведения, содержащие критику на капиталистические порядки и образ жизни. Но, главное, что оживилась отечественная фантастика. Появилось ряд новых публикаций и имен. Так вышли на сцену Братья Стругацкие, Варшавский, Ефремов, Емцев и Парнов и многие другие. Конечно, все они отдали дань "советскому мировоззрению" /куда денешься!/, изображая "светлое будущее" и клеймя капитализм. Но Стругацкие очень быстро стали использовать особенности жанра, в том числе инопланетный антураж, для высказывания различных социальных и философских идей, расходящихся с официальными, а также для критики окружающей в те времена действительности. Причем характерной особенностью авторов является помещение героев в экстремальные условия, когда от них требовалось принятие определенного решения. Быть или не быть? Вот именно, такие шекспировские вопросы приходится решать героям Стругацких. И при этом положение истины неоднозначно. "Попытка к бегству", "Трудно быть богом", "Хищные вещи века". И в каждом вопрос: как остаться человеком, гуманистом, не перейти определенного нравственного предела. В "Попытке к бегству" землянин уничтожает неземную технику на некоей планете, но она вновь возникает, и напрасно его стремление тем самым изменить ход истории на этой планете. Она идет своим путем. Наша практика вмешательства в жизнь других государств это неопровержимо доказала. Но наибольшее впечатление на меня произвел "Обитаемый остров", который вышел, если не ошибаюсь, первый раз в журнале "Нева" за 1969 г. Да, наш Главлит явно ловил ворон, если он пропустил такую вещь. Видимо, повлияло инопланетное место действия. Кто не читал "Острова", обязательно найдите и прочтите. И лучше всего журнальный вариант, потому что авторы, очевидно, под давлением цензуры при печатании книги кое-что изменили и, по-

моему, не в лучшую сторону. На некоей планете находится явно тоталитарное государство, которым руководит анонимное правительство из явных уголовников, носящих соответствующие кликухи. Для лучшей управляемости в их руках находится система излучающих из общего центра башен. Это излучение действовало на все население, причем у большинства оно вызывало подъем патриотизма и вымывало все сомнения, а у подавляющего меньшинства, не утратившего здравого критического подхода к действительности, только сильные болевые ощущения. Поскольку они так неадекватно реагировали на направленное излучение, их почти официально именовали выродками и преследовали... Ну, чем не наша воспитательно-карательная система, существовавшая в советское время? Короче говоря, параллелей было более чем достаточно. Таким образом, в чтении произведений Стругацких многие находили необходимые недостающие им оттенки действительности, пусть выраженные в аллегорической форме. И это было вполне легальное чтение, в то время как, например, самиздат был чреват опасностью загреметь в КГБ. Писал свои иронические вещи Кир Булычев, вполне откровенно пародируя действительность. При этом действие у него обычно происходило в городе Великий Гусляр, а главным героем был Корнелий Удалов. Выходили за рамки дозволенного и другие отечественные фантасты. Таким образом, несмотря на господствующий в стране социализм, фантасты умело использовали маскировку жанра.

Я не знаю, существует ли какая-то табель о рангах в мире среди фантастов, но я лично считаю фантастом №1 Станислава Лема. За свою долгую жизнь он создал огромное количество произведений высшего качества. Одни "Дневники Йона Тихого" чего стоят. А "Футурологический конгресс"? Мне кажется, Лем — целая энциклопедия фантастики. И нет такого приема, хода, сюжета, который бы он не использовал. И все это с первоклассным юмором и иронией.

Я хочу сказать, глубоко не правы те, которые считают фантастику второстепенным чтением, предпочитая, например, детективы. В этом жанре у лучших мастеров, которые здесь были бегло перечислены, вы найдете и занимательную интригу, и мотивированные пророчества и многое другое, при отменном литературном качестве и вкусе. Читайте и вы найдете то, что даже не предполагаете. Смело вас уверить, как старый любитель этого жанра.

Алексей Мильков

РЕПЛИКА

ЛОВЛЮ НА СЛОВЕ

ЭПИГРАФ

"Поэзия — или она есть, или ее нет".

Журавлев А.К.

Я принес поэту Александру Константиновичу Журавлеву первый номер "Ухта литературная" и услышал в ответ, что журнал не нужен, мы не доросли до него и вообще... (читай эпитафию)

Каждый из нас своими высказываниями дает обильную пищу для множества размышлений. Интересную сентенцию высказал Александр Константинович. Этим он непримиримо за столбил за собой мысль, что поэзия — занятие не для всех, а для избранных, а поэтов, соответственно, разделил на небожителей и простых смертных, т. е. на первого и второго сорта.

Правомерно ли он поступает?

Александр Константинович ярый сторонник фразы Евгения Евтушенко: "Поэт в России больше чем поэт". Эта фраза вполне допускает такое разделение, потому что на самом деле не всякий поэт в России больше чем поэт, а только с большой буквы. Но кого называть с большой буквы — вот вопрос? Это целая неразрешимая проблема, когда не существует системы критериев, если даже Маяковского называют ведущим советским поэтом, а не выдающимся, тем более, великим. Игорь Терновский в статье "Несколько слов о кризисе поэзии" ("УЛ" №2) считает, что это "ужасно вредная фраза".

Я нахожу фразу Журавлева еще более ужасно вредоносной, если не злонамеренной. Когда-то мы говорили выпендренно и лозунгами. Да, не откажешь ей, она звучит красиво, но опасно и ложно, потому что затрагивает права многих увлеченных людей на самовыражение и утверждение своего "я".

Представьте себе, что тренер сказал фигуристке, что фигурное катание — или оно есть, или его нет. Бедная фигуристка от подобной софистики в лужу сядет, когда услышит такое. Футбол — народная игра. И вот как фраза прозвучит применительно к нему: Футбол — или

он есть, или его нет. От него сразу отсекается большая армия футболистов.

Во всех видах деятельности, будь то спорт, наука, искусство, существует строгое разделение по мастерству. Для этого есть ранжир, рейтинг, звания. То есть табель о рангах. В шахматах сначала идет разрядник, затем кандидат в мастера, мастер, международный мастер, гроссмейстер. В науке: младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, кандидат наук, доктор наук и далее профессорские звания до академика и члена-корреспондента Академии наук. В искусстве — артист, заслуженный артист, народный артист.

Чем это продиктовано? Чтобы не было в мире хаоса, неразберихи, перебранки. Жизнь не зря придумала расставлять людей по своим местам, чтобы они устанавливали перед собой потолок достижений и постоянно трудились в поте лица. И в поэзии должно быть первое лицо, второе и сто тридцать второе. Это есть нормальный литературный процесс и развитие.

А. К. Журавлев, пользующийся писательским доверием, тем не менее, войдет в историю ухтинской литературы как большой ортодокс и консерватор, сковывающий силы поэтов. Каков Жириновский в политике, таков Журавлев в отношении с ними. Он похож на мать, которая рождает детей, то бишь поэтов, а потом, поняв, что не тех родила, отказывается от них. По Александру Константиновичу имеют право на жизнь первые, а вторые — ни-ни, растудык их, ядрена вошь! Отсюда его открыто-надменное пренебрежение к ухтинским писателям в последнее время. Но откуда взять первых без вторых? Поэт большой силы может ощущать себя великим, когда существует громадная пропасть между ним и отрядом других поэтов. Иначе он будет просто первым парнем на деревне. Для поэзии наступили времена не совсем сладостные. Хаос предопределил трудности поэзии заявлять о себе свысока. Отсюда

заскоки и патологические отклонения. Во времена вопиющего социалистического реализма не читатель определял литературу, а ряд многих, более того, субъективных оценок. Еще памятно для нас всех понятие — "черные шары", когда за глаза хвалили, а при голосовании прокатывали, когда Союз писателей компрометирует себя тем, что может позволить себе не принимать в свои ряды самого Владимира Высоцкого, а Союз писателей Республики Коми такого ярко выраженного поэта как Игоря Терновского (о творчестве И. Терновского "УЛ" №2). Что Союз хочет этим доказать? Непонятно.

Александр Константинович боится преждевременной смерти поэзии. Это патриотично с его стороны. Но слухи о ее смерти преувеличены. Как теперь относиться к сентенции Журавлева, данной выше

эпиграфом? Да и как себя чувствует сам Александр Константинович в новых условиях? Конечно, его сентенция не из стандартного набора, но из разряда тех, что поднимают массы на борьбу с чем-то и кем-то: саботажем, кулаками, троцкистами, уклонистами. А нужно ли? Хотелось бы думать, что времена такие прошли.

Сам того не желая, Александр Константинович оказывает поэзии медвежью услугу. Нельзя жить старыми заслугами Пушкина, Лермонтова, и чтобы поэзия потеряла свою значимость. Если мы не желаем еще большего субъективизма и хаоса, и чтобы поэтический процесс вообще не пропал, то фразу "Поэзия — или она есть, или ее нет" надо забыть и как можно скорее. И выращивать новых поэтов на перспективу.

ОБРАЩЕНИЕ

Сыктывкар, Союз писателей Республики Коми,
Председателю Союза Козловой Елене Васильевне,
Заместителю Председателя Союза Тимину Владимиру Васильевичу

Уважаемые господа!

Ходатайствуем о принятии в Союз писателей Терновского Игоря Николаевича за его многогранную литературную деятельность и творчество, которое говорит само за себя.

Это будет наконец-то справедливо и благородно.

"Ухта литературная"

ПЕРСОНАЛИИ

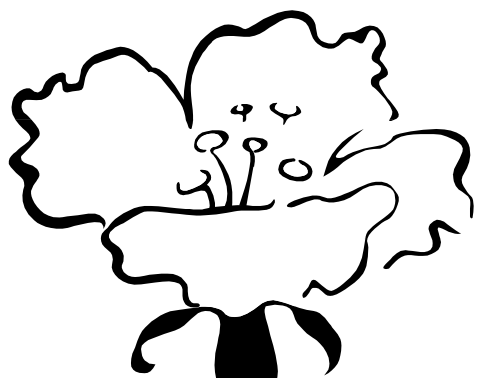
МИЛЬКОВ Алексей Леонтьевич

(смотри библиографическую справку в "УЛ" № 1)

Фото из армейского периода (1972 – 1974 гг.).

1973 г. Свердловск. В/ч 11757. Главный механик завода металлоконструкций.

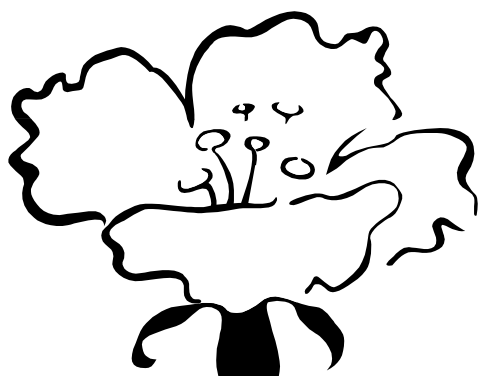
*Пусть
расцветают
все цветы!*

Этими словами из древней китайской философии “Ухта литературная” приветствует появление нового собрата журнал города

“ГРАНИ”

Пусть он будет всегда таким же красочным, больше литературным, больше по искусству, вне политики и ближе к народу!

*Еще раз
С днём рождения!
И долгой жизни!*

СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...

Но тут власти предусмотрительно включили государственный гимн страны "Биоробот — всему голова!". Древняя мелодия, вот уже в продолжение многих веков усмирявшая самых неистовых, и на сей раз не подвела. Толпа замерла, гордо подняв головы, и Редоде удалось прошмыгнуть последние метры к линии старта.

Редодя в который раз возблагодарил судьбу. Он стал копаться в шкафу, выкинул из него большую охапку одежды, поднял юбку и примерил. Набросил на голову огненно-рыжий парик, а на плечи цветную накидку с металлическим отливом, надел туфли с высокими каблуками, подхватил дамскую сумочку. Взгляд выхватил себя в зеркале. Маленький макияж с губной помадой и тушью. "Недурственно! Ослепительная девица! Как он хорош с ярко-пунцовыми губами!" Редодя понравился сам себе. Времени не было на самолюбование, пора смываться. От предчувствия счастливой развязки по коже побежали веселые мурашки.

Неожиданно снова раздалась команда:

— Половая идентификация! Чистка рядов!

И женщины стали раздеваться догола.

— Ну, раздевайся! — сделала попытку поднять юбку у Редоди одна из женщин.

"Засветился", подумал он, "достали".

— Это мужчина! — злорадно сказала она и загоготала. — Сэр, надеемся, мы не оскорбили ваших мужских чувств?

— И достоинств, — добавила другая.

Редодя стоял как столб.

— Окажите любезность, — попросила она. — Продемонстрируйте, пожалуйста, парик, поднимите юбку и спустите трусики до щиколоток.

Редодя приподнял парик, засветив лысину, и вытащил изо рта искусственную челюсть.

Женщины из страха отпрянули неожиданно, одна даже упала в обморок. Это секундное замешательство позволило поправить огненно-рыжий парик со спиралевидной прической и сорваться с места. А уж преимущество его в беге было подавляющим.

— Поймите правильно, я не против вкусной еды. Более того, я последователь философа Эпикура, прославляющего всяческие земные радости, и вовсе уж подвергаю критике теорию Диогена и его киников, проповедующую отрешение от всех мирских благ жизни. Да, еда... что может быть приятнее слова? Мы не дураки вкусно поесть, нас приводит в восторг булькающие в кипящем масле кусочки мяса с луком и перчиком. И это прекрасно!

Только сейчас я обратил внимание, что на каждом кривом зеркале был выведен абрис нормальной человеческой фигуры, как на мишенях для стендовой стрельбы. И, когда подошел к числу 45, мой силуэт точно вписался в обведенный абрис этого зеркала. Я выглядел стройным, помолодевшим, с молодеватой выправкой: живот пропал, грудь подтянулась, плечи приподнялись — совершенная красота человеческого тела.

Каскадер забился в угол, но мученически улыбался помутневшим взором и бледными, бескровными губами.